

Российская Академия Наук
Институт философии

И.И. Мюрберг

**Аграрная сфера
и политика трансформации**

Москва
2006

УДК 300.32+630
ББК 15.5+4
М 98

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *Р.И. Соколова*
кандидат филос. наук *И.В. Чиндин*

М 98 **Мюрберг И.И.** Аграрная сфера и политика трансформации. — М., 2006. — 174 с.

Монография представляет собой опыт политико-философского анализа становления сельского хозяйства развитых стран с акцентом на тех чертах истории современного земледелия, которые являются существенно важными для развития отечественной аграрной политики. Реализация данного замысла предполагает отказ от сложившегося стереотипа рассмотрения аграрной проблематики исключительно в экономическом ключе. Предлагаемый философский анализ нацелен на выявление «собственной логики» земледелия как одной из основных форм жизнедеятельности человека. Этим объясняется преимущественный интерес автора к наиболее «зрелому» (западному) аграрному опыту.

ISBN 5-9540-0058-1

© Мюрберг И.И., 2006

© ИФ РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

«Великий незнакомец»

Концептуально-теоретический анализ современного земледелия — дело для нашей эпохи непростое, в каком-то смысле даже рискованное. «Факторами риска» здесь являются, с одной стороны, наличие целой армии ученых-аграрников, бдительно охраняющих от вторжений извне собственную теоретическую вотчину; с другой — кажущаяся общедоступность аграрной темы, привычка относиться к ней как к наглядному примеру того, что жизнь («окружающая действительность») если и сложна, то отнюдь не всегда и не во всем. Исторически сложившийся стереотип восприятия села как наиболее незатейливого социокультурного уклада заставляет многих уверовать, что сформировавшийся за последние полтора века комплекс аграрных дисциплин воплощает собой максимум из того, что способна дать в этой области теоретическая рефлексия.

О том, что это далеко не так, свидетельствуют самые разные факты современной жизни. Один из них — очевидная беспомощность политиков развивающейся и особенно развитой части мира, демонстрируемая ими всякий раз, когда встает вопрос о формировании аграрной стратегии конкретной страны или сообщества стран (такого, как, например, ЕС)¹. Характерная для современной западной ситуации проблема заключена в том, что в нынешних условиях «относительного процветания» аграрная сфера становится «невидимой»: кажется, будто она сама собой, независимо от воли политических стратегов, растворяется в экономике, и политикам не остается ничего другого, как благословить ускользание ее из собственных рук, приняв за аксиому тезис об истинно экономической сущности комплекса аграрных проблем. На деле подобный редукционизм означает нежелание даже пытаться критически оценивать происходящее в аграрной сфере с последующей утратой способности осмысленно ее преобразовывать.

В российском контексте данная ситуация нашла собственное специфическое преломление. Проводив уходящий век интеллектуальными спорами о судьбах своей страны — спорами, в коих аграрной теме принадлежала далеко не последняя роль, — российское общество вступило в новую эру с принципиально иным умонастроением. Никто не заметил, как, в какой момент отечественные СМИ стали вдруг демонстрировать молчаливое согласие с той самой точкой зрения, которую давно и, казалось, безуспешно навязывало им аграрное лобби. Согласно этой точке зрения забота о сельском хозяйстве (независимо от того, ведем ли мы речь о его личном состоянии или о перспективах его развития) есть удел «специалистов». Этот новый настрой, резко контрастирующий с интеллектуальной неуспокоенностью раннеперестроечного периода, давал взбудораженным страстям общества желанную передышку. Не скрою, тогда и автор этих строк оказался в числе тех многих, кто встретил произошедшую перемену с чувством известного облегчения: мол, наконец-то появилась возможность спокойно, без суеты разобраться в сути наболевших вопросов.

На деле же случилось то, что должно было случиться: становление нового для нас рыночного способа ведения хозяйства обернулось господством в аграрной политике того самого менталитета, который демонстрировали в свое время все страны нарождающегося капитализма. И вот уже непримиримые в прошлом спорщики с одинаковой надеждой посматривают в сторону «денежных мешков»: не надоест ли Абрамовичу баловаться с футболом, не проявят ли «олигархи» искреннего (либо вынужденного) патриотизма, не начнут ли они «вкладываться» в отечественное аграрное производство? Как далеко отодвинула новая эпоха те времена, когда в «списке для обязательного чтения» любого мыслящего человека стояли произведения Астафьева и Распутина, Белова и Крупина! Настало время, когда мы просто не можем позволить себе смотреть на мир, как когда-то, глазами писателей-«деревенщиков». Наша нынешняя умудренность сред-

ни той, на которую так часто наталкиваешься в общении с представителями цивилизованного Запада, что понятно — ведь на Западе давно уже движутся по пути, на который сами мы только-только вступили. Создавшееся положение под-сказывает: сейчас нам в самую пору заняться, как говаривали в советские времена, изучением передового (читай: западного) опыта. О предлагаемом ниже исследовании можно сказать, что именно пресловутый «западный опыт» положен в его основу. Вместе с тем я как автор сделала все для того, чтобы не повторять штампов позднесоветского политического эссеизма, когда читатель, поначалу ошарашенный потоком сногшибательных фактов и пикантных подробностей из «их» жизни, затем чудесным образом выносил из этого водопода новостей именно те истины, о которых знал и которые считал своими.

Сказанное отнюдь не следует понимать в том смысле, что я намерена продемонстрировать читателю принципиальное различие между «их правдой и нашей». Правда, действительно, у каждого своя. Но, памятуя об этом, не будем забывать также, что «Нет пророка в своем отечестве» — ни одно общество, даже самое «благополучное», не является настолько самодостаточным, чтобы не ощущать себя частью человеческого макросообщества, не зависеть от него и не толковать самое себя через «свое иное». Однако эта зависимость от целого — даже если речь идет о ситуации зависимости, переживаемой таким неблагополучным обществом, как наше — не может и не должна приобретать вид зависимости младшего от старшего, ученика от учителя, двоичника от отличника. Ведь и сами критерии, по которым в аспекте политической жизни принято отличать общество «удачливое» от «неудачливого», всегда, как минимум, условны, а зачастую просто бессмысленны. А раз так, то пользование любым внешним опытом способно, по моему мнению, служить одной-единственной цели — прояснению собственного культурно-политического самосознания нации.

Поэтому «сверхзадачу» исследования современной аграрной сферы я усматриваю в том, чтобы, образно говоря, сделать эту сферу теоретически «видимой» и позволить ей оставаться таковой — что, в контексте обществ эпохи позднего модерна, совсем не мало. Первым же шагом к тому, чтобы узреть невидимое — войти, так сказать, в четвертое измерение привычного трехмерного пространства установившихся понятий и оценок, — служит выявление присущих предмету исследования парадоксов. Для аграрной сферы главным отличающим ее «парадоксом» остается неискоренимое тяготение к консервативным устоям, тяготенье, проявляющееся с неотвратимостью физического закона о противодействии, сила которого, как известно, прямо пропорциональна силе внешнего воздействия. Размышления о том, какие стороны *современного консерватизма* позволило обнажить внешнее — модернизационное — воздействие на этот изначально «погрязший в традиционализме» сектор общества, составят один из главных теоретических результатов предлагаемого исследования.

Далее. К числу анализируемых ниже парадоксов следует отнести также результаты нашего многолетнего и не слишком мирного сосуществования с Западом в режиме сознательного взаимного обособления. Так к концу XX в. выяснилось, что, несмотря на все различие изначально заявленных Западом и Востоком целей и методов преобразования традиционного земледелия, решающую роль в определении общего содержания этих преобразований сыграли не они, а единое для тех и других представление о рациональности как таковой. То было подспудное, не признаваемое сторонами единомыслие *de facto*, заявившее о себе, в частности, тем, что о сельском хозяйстве современного Запада сейчас можно с полным правом высказываться в тех же выражениях, в которых описывалось в свое время состояние советского сельского хозяйства, а именно, что оно целиком отдано на откуп правительствам как административным органам, теоретический кругозор которых никогда не выходит за рамки экономики;

что даже там, где налицо стремление руководящих инстанций не ограничиваться экономикой как лишь одной из сторон жизнедеятельности аграрной сферы, реальным воздействием соответствующих политических стратегий оказывается лишь постольку, поскольку они «становятся участниками любого возникающего в обществе конфликта интересов»², то есть довольствуются совокупностью мер, составляющих компетенцию «*малой*» политики (известной также как «политика малых дел»). Но подобное участие, именно вследствие указанного ограничения, является не соразмерным действительному характеру взаимоотношений между обществом в целом и его аграрной составляющей. И как реакция на эту несоразмерность возникает целый ряд научных исследований (исторического, экономического, этнологического, культурологического характера), демонстрирующих пагубное влияние на земледелие и сельскую жизнь в целом конкретных политических стратегий. В свою очередь, данные исследования, даже когда они совершенно корректно трактуют рассматриваемые в них отдельные стороны проблемы, в совокупности работают на создание негативного отношения к самому факту воздействия политики на аграрную сферу, так как в подавляющем большинстве подводят к выводу, согласно которому сельскому хозяйству в принципе противопоказано вмешательство политики, поскольку оно якобы является неоправданным вторжением в сферу действия собственных «экономических законов» аграрного производства³.

По моему убеждению, подобные представления свидетельствуют о непонимании сути современного конфликта между аграрной сферой и социетальным сообществом в целом. И, честно говоря, иного от представителей частных научных дисциплин ожидать не приходится. Ведь если в их работах означенный конфликт заведомо сведен к конфликту *интересов*, то это потому, что последний, несомненно, также имеет место, заявляя о себе противоречием между интересами самой аграрной сферы и разнообразных властных

группировок, желающих ею манипулировать, или же между интересами аграрных и промышленных производителей, аграрных производителей и агробизнеса и т.д. и т.п. Но именно изучением интересов и призваны ограничивать себя обслуживающие современное аграрное производство *научные дисциплины*. Проблема, однако, в том, что никакое изучение *данного пласта* противоречий не способно приблизить нас к пониманию динамики развития аграрной сферы в том виде, в каком это развитие происходило на протяжении всего Нового Времени. Ибо (подробнее речь о этом пойдет во второй главе) указанная динамика в основном определялась и определяется логикой конфликта *ценностей*. Далее, согласно этому пониманию само существование аграрных стратегий есть специфический признак нашей эпохи и характернейший пример борьбы ценностных ориентаций как проблемы, потребность справляться с которой стала насущной задачей поначалу западных, а затем и восточноевропейских государств.

С точки зрения политической теории конфликт ценностных ориентаций, приводящий к замене ряда прежних ценностных установок на новые, составляет существенный признак «большой»⁴ политики, если понимать под этой последней политику *трансформации* самих устоев общества. Ведь *raison d'être* любой политики — это либо обеспечение сохранения наличного состояния общества, либо работа в направлении его преобразования. В первом случае мы имеем дело с «малой» политикой (и, в частности, с ее нынешним, все еще модным западным воплощением — «политикой малых дел») — политикой, творческая составляющая которой не затрагивает базовых структур общества и ограничивается их воспроизводством; во втором — с политикой «большой», политикой трансформационной. Последняя вызывается к жизни неудовлетворительностью *status quo*, она нацелена на производство нового; суть ее в том, что она *меняет*, а не воспроизводит *modus operandi* существующего мира, в то время как «малая» политика (чтобы ни заявляли ее адепты и какой

бы бурной ни была проводимая под ее флагом деятельность) способна лишь экстраполировать «поле настоящего» на будущее (а также и на прошлое, изображая его в не всегда адекватных прошлому понятиях настоящего). Такая экстраполяция настоящего означает, что прошлое и будущее *упраздняются*, причем будущее упраздняется не только концептуально, но и актуально — в той мере, в какой «практический разум (разум деятельного, а не созерцательного человека) *вправе* замкнуться на «вопросах фактов», поскольку они в таком случае действительно — факты»⁵. Субъект, деятельность которого замкнута на «малую» политику, не склонен воспринимать объект в целом посредством категорий должного и недолжного, для него он — данность, с которой он намерен жить и впредь. Трансформационная же («большая») политика, обязательной составляющей которой является противодействие наличному положению дел, с неизбежностью нацелена на создание нового, даже когда эта цель не вполне сознается и не ставится ее субъектами и присутствует в их головах только как неудовлетворенность настоящим⁶. С этой точки зрения, особый аналитический интерес представляют те аспекты аграрной ситуации современных стран, ценностная составляющая которых до сих пор остается скрытой за видимостью «конфликта интересов».

Данное исследование, рассматривающее аграрные стратегии с точки зрения их «соразмерности» с большой политикой, исходит как из основополагающего из того факта, что само возникновение потребности в модернизации земледелия исторически послужило одним из главных «симптомов» наступления современности, став первым свидетельством того, что традиционное аграрное общество уже не только не являлось, как прежде, тождественным обществу в целом, но и представляло собой проблему для этого последнего. В литературе, посвященной современному сельскому хозяйству, данный факт фигурирует как достояние прошлого, как предлюдия к настоящему, как исчерпавший себя конфликт. Рассмотрим в качестве иллюстрации к данному утверждению

одно из самых ранних и общеизвестных исторических событий, явивших нам свидетельства неудовлетворенности политиков положением дел в аграрной сфере и решимости изменить *status quo*. Речь идет об «огораживании» общинных земель, санкционированном в XVIII в. законами английского парламента («Bills for Inclosures of Commons»). Об «огораживании» нам известно, что сгон крестьян с земель превратил их в бродяг, и этих бродяг, в свою очередь, утилизировало нарождающееся предпринимательство, превратив их в придатки простейших механизмов. Иными словами, мы имеем достаточно ясное представление о том, как происходило становление современного промышленного производства. А вот как развивалось сельское хозяйство той же Англии после сгона крестьян с общинных земель, нам не известно практически ничего. И не потому, что не существует историографии данного периода — она существует. Однако из обилия предоставляемой этой литературой свидетельств осмысленной картины не возникает. Историки «замкнуты на вопросах фактов», и в этом они под стать нынешним чиновникам — в частности, тем, которые отвечают в ЕС за разработку аграрных стратегий. Примечательно, что и те и другие довольствуются созерцанием непрекращающейся борьбы экономических интересов. Эта неспособность распознать присутствия в наличной «фактуре» каких-либо иных мотивов, кроме экономических, и есть ключевой момент превращения аграрной проблематики в сферу, *невидимую* для политики. В результате мы имеем в литературе достаточно свидетельств о том, как вскоре после «огораживания» заметного успеха в сельском хозяйстве тогдашней Англии достигли производства, организованные по образцу промышленных предприятий; но при этом мы не имеем никаких объяснений факта их *бесследного исчезновения* из сельского хозяйства современной Англии. Складывается впечатление, что такие объяснения никому не нужны. Или проблема не видна?

Подобные не нашедшие ответа вопросы побудили меня посвятить значительную часть представленных в книге исследований поиску недостающих звеньев. Реализация этой

задачи оказалась невозможной без ответа на вопрос о причинах, по которым эти звенья оказались выпавшими. Так на первый план вышла тема изначальной «чужеродности» сельского хозяйства (как специфического вида жизнедеятельности человека) тому жизненному укладу, который воцарился с упадком традиционных обществ, справедливо именуемых обществами земледельческими. Дело в том, что наряду с мозаикой экономических столкновений аграрная сфера всегда демонстрировала этому новому укладу свое нежелание расставаться с определенным набором прежних ценностей. Признание особой важности данного обстоятельства позволяет увидеть в частности, что с точки зрения политики модернизации различия между известными нашей эпохе типами ведения сельского хозяйства (скажем, капиталистическим — фермерским, и «социалистическим» — колхозным) являются не столь существенными, как может показаться на первый взгляд. Ибо при всех особенностях места и времени суть происходящих процессов неизменно выражалась вопросом: удастся ли сельскому хозяйству в данном конкретном культурно-политическом контексте отстоять свою инаковость; удастся ли современному обществу, со своей стороны, избежать того тупика, в котором оно оказывается всякий раз, когда проявляет особую последовательность в навязывании аграрной сфере собственной логики? Представленный в данном исследовании материал позволяет сделать вывод, что в этом плане опыт двух прошедших столетий был довольно неутешительным: любой аграрный проект — в той мере, в какой он предусматривал «модернизацию», — являлся откровенно колонизаторским по отношению к земледельческой жизни. Модернизация как утверждение в аграрной сфере ценностей другой, господствующей части общества выразилось в игнорировании специфики села. Помимо всего прочего подобный подход к земледелию и земледельцам выполнял функцию некоего ограничителя восприятия: в рамках этого подхода само существование аграрной сферы признается осмысленным лишь в той мере, в какой последняя следует

вектору развития «продвинутой» части общества (типичный пример тому – известное высказывание К.Маркса об «идиотизме сельской жизни»⁷). Соответственно и стратегии развития села отражали и продолжают отражать не столько специфику объекта преобразования, сколько состояние самосознания общества, выдвинувшего соответствующих стратегов. Отсюда неизбежные провалы, разочарования и резко негативное отношение многих преобразователей к своему объекту. Здесь и следует искать объяснение тому факту, что сменяющие друг друга аграрные теории, как правило, исходили из представлений о реально существующей аграрной сфере как о некоем антиподе собственных устремлений.

Указанная оппозиционность аграрных стратегий объекту преобразования позволяет рассматривать эти стратегии как своего рода «изнанку самосознания» развивающейся современности; а стало быть, ступени эволюции основных политических подходов к земледелию способны в некотором смысле служить указателями смены философско-мировоззренческих ориентиров, происходившей на протяжении последних двух столетий в масштабе всего «посттрадиционного» общества. Впрочем, именно в сфере модернизации земледелия процесс идеологической «смены вех» продемонстрировал интересную динамику: начинавшийся как триумфальное самоутверждение новой эпохи в борьбе с «идиотизмом сельской жизни», в наше время этот процесс чем дальше, тем больше утрачивает характер непримиримого противостояния, постепенно обретая вид уважительного диалога современности с «великим незнакомцем»⁸.

Мысль о том, что аграрные теории эпохи классической современности неизменно выступали в качестве идеологической реакции на «чужеродность» земледелия господствующему жизненному укладу, имеет своей предпосылкой ряд экономических концепций, констатирующих несоответствие самой аграрной действительности преобладающим формам и способам рационализации сельскохозяйственного производства. Наиболее ярким выразителем подобных

представлений стал в начале XX в. автор теории мелкого крестьянского хозяйства А.В. Чаянов. В наши дни традиция Чаянова была развита экономистами-аграрниками, такими как В.Ф. Башмачников, В.А. Тихонов у нас в стране и Д. Паарлберг в США⁹. Эти экономисты первыми поставили под сомнение эффективность аграрных стратегий, отождествляющих модернизацию сельскохозяйственного производства с его индустриализацией. Они с цифрами в руках обосновывали тезис о непродуктивности и даже контрпродуктивности экстраполяции на сельское хозяйство большинства экономических приемов, разработанных применительно к промышленному производству и доказавших свою действенность в индустриальном секторе. Эти наблюдения, помимо всего прочего, подводили к мысли о том, что современная эпоха, как это ни странно, слишком мало знает о крестьянском труде и совсем ничего не ведаёт о сельской жизни.

Дальнейшая разработка данной тематики была связана со стремлением выйти за пределы сугубо экономической трактовки открывшегося проблемного поля. Специфика аграрной сферы стала предметом рассмотрения новой, междисциплинарной отрасли знания – «крестьяноведения» (Теодор Шанин и др.¹⁰). Данная научная дисциплина, возникшая в последней трети XX в., представляется мне разновидностью естественнонаучной антропологии: она скрупулезно изучает крестьянина (в том числе и современного), как изучает антрополог людей далекого прошлого. В этой «антропологии» есть все, кроме – увы! – того единственного, что я как исследователь считаю главным; в ней нет ответа на вопрос: как случилось, что это ставшее экзотическим существо продолжает выживать и поныне, пронеся через все Новое Время свои отличительные черты? Этот вопрос можно поставить и по-другому: почему крестьянство, являющееся древнейшей и, как видно, неистребимой составляющей человеческого общества, ныне практически приравнено этим обществом к экзотическим со-

циальным группам, оказавшись, по меткому выражению Теодора Шанина, *великим незнакомцем* в своей же «естественной среде обитания»?

Очевидно, что сама инициатива по созданию «крестьяноведения» явилась реакцией на сложившуюся за два последних столетия традицию отождествления аграрной сферы с сельскохозяйственным производством; «крестьяноведческая» инициатива свидетельствует о решимости перечеркнуть как ложное данное одномерное представление, противопоставив ему «стереоскопический» образ земледельца. Отсюда междисциплинарность «крестьяноведения». Признавая всю важность подобного начинания, нельзя вместе с тем не заметить, что собирание воедино данных, предоставляемых различными науками, само по себе не способно породить понимания существа проблемы. Такое понимание должно исходить от политической теории. Важный шаг в этом направлении был сделан Ю.М.Бородаем¹¹, которому принадлежит опыт философского осмысления проблемы сохранения крестьянина в современном мире. Взяв за основу своей концепции положения философской антропологии К.Маркса о необходимости самоэмансипации современного отчужденного индивида, Бородай не согласился с Марксом в том, что пути преодоления социального отчуждения заложены в присущих капитализму тенденциях развития, в частности в тенденции к «универсализации» современного индивида. Схематизму марксовых рассуждений на этот счет он противопоставил собственные представления о действительно универсальной личности: таковой является, по его мнению, традиционный крестьянин. Суть его возражения Марксу состоит в следующем: капитализм разрушает национальные культуры, и этот процесс, как указывал еще Макс Вебер, есть причина того, что «высшие и благороднейшие ценности ушли из общественной жизни»¹², поставив современного индивида в ситуацию «войны Богов». В этой ситуации любые упования на преодоление отчуждения – утопия. Вновь и вновь обретать себя в обществе индивид может, лишь по-

стоянно нащупывая – не в теории, а в реальной жизни – некую «твердую почву». В нашем случае такой опорной точкой процесса «снятия» общественного отчуждения служит аграрная сфера, так как – *в силу присущей сельскохозяйственному труду специфики* – земледелие нынешнее так же не знает наиболее характерных для современности видов отчуждения, как не знало их все традиционное общество; в этом смысле именно земледелие дает надежду на «спасение» современного общества в целом¹³.

Тезис о земледелии как сфере «неотчужденного» труда послужил исходным моментом предпринятых ниже фактологических изысканий, определив их теоретическую направленность и задав определенный уровень скепсиса в трактовке бытующих «очевидностей» современной нам фермерской действительности. То и другое подсказало следующие исследовательские задачи.

– Попытаться прояснить культурно-историческую (или, если угодно, «цивилизационную») обусловленность реально реализовавшихся вариантов аграрной политики. С этой целью я проанализировала главные аграрные стратегии эпохи развитого индустриализма на предмет: а) созвучности этих стратегий «духу времени», т.е. главенствующим на тот момент идеологическим подходам; б) степени осознания данными стратегиями специфики земледелия и характера оценки ими таковой. Проведенный анализ позволил мне, в частности, убедиться в том, что упоминавшийся выше феномен «невидимости» аграрной сферы представляет собой частный случай избирательности, с какой действует сам механизм осмысления – не только «бытового», но и теоретического – тех или иных сторон жизни социума, и акцентировать внимание на зависимости этой избирательности от наличных политико-культурных приоритетов общества. Разумеется, это обращение к политико-культурным приоритетам поспособствовало решению задачи выявления теоретико-мировоззренческой подоплеки такой характерной чер-

ты современности, как редукция объекта исследования (аграрной сферы) к одной из его составляющих, а именно к аграрному производству.

В свою очередь, рассмотрение указанных aberrаций побудило меня заняться выявлением генезиса самого понятия «экономика» и описанием конкретного политико-философского тренда, сделавшего ее краеугольным камнем процесса формирования нравственно-мировоззренческих установок современности. Наиболее существенным теоретическим результатом проведенного анализа я считаю вывод о двойственности последовавшего в Новое Время исторического «расщепления» политики на экономику как некоего «отнологического основания» политики и собственно политику¹⁴. Соответственно этому пониманию в представленной работе определились некие сквозные темы, служащие задачам:

– (а) выявления проблематичности политико-философских оснований, которыми так или иначе вдохновлялись стратегии, формулируемые в терминах модернизации сельского хозяйства, т.е. сознательного приведения его в соответствие с «императивами современности». Наиболее общую причину теоретической и практической несостоятельности основных современных аграрных стратегий я вижу в ориентации их на заведомо неосуществимую цель, каковой является полная индустриализация сельского хозяйства, т.е. превращение его в разновидность промышленного производства; данная критическая оценка распространяется как на высоко-развитое западное, так и на никогда не выходившее из состояния упадка «социалистическое» сельское хозяйство;

– (б) акцентирования тех аспектов представленной концепции, которые составляют ее отличие от предшествующих. Главное отличие моей работы от прочих известных мне рассмотрений аграрной тематики составляет, по моему мнению, идеально-типическое (по М.Веберу) использование основных понятий, таких как «экономический человек», «крестьянин», «фермер», позволяющее установить их соотнесен-

ность с конкретными эпохами и понять динамику их саморазвития. В отличие от понятий частных наук, способных служить «маркерами» тех или иных подвижек в области дотеоретического знания, *идеальные типы* суть объекты изучения *политической философии*, стремящейся понять, «почему в определенных ситуациях дотеоретического знания «того, что каждый знает», оказывается недостаточно для беспроblemного функционирования старых институтов,... такое «знание» и «незнание» относится именно к *политике*, к *основам того, как жить вместе*»¹⁵. В частности, использование идеально-типического подхода позволило мне утверждать, что подлинным субъектом *современного* аграрного производства выступает фермер — ориентированный на рынок земледелец-индивидуалист, а отнюдь не крестьянин, ибо в теоретическом плане фермеру как субъекту современного аграрного производства должен быть противопоставлен субъект *традиционного* земледелия — крестьянская община, состоящая из морально и юридически несамостоятельных членов; крестьянин же по определению не способен играть роль субъекта производства; этим уточнением устраняется свойственная «крестьяноведению» теоретическая неясность, одним из следствий которой является причисление семейных фермерских производств сегодняшней Европы к категории крестьянских хозяйств; обратной стороной указанной теоретической неартикулированности является неявное допущение «крестьяноведением» возможности постепенного превращения американского фермера из «промежуточной» фигуры в типичного капиталистического предпринимателя; «разведение» крестьянина и фермера как представителей разных типов обществ позволяет особенно ясно увидеть не только различия между ними, но и то, что их объединяет; речь идет прежде всего о культуuroобразующей функции земледелия, отнюдь не утраченной модернизированным сельским хозяйством; в условиях динамично меняющегося общества значение аграрной сферы для поддержания «социально-культурного ландшафта» современности постоянно возрастает, тог-

да как производственная составляющая феномена фермерства, наоборот, становится все менее заметной по мере интеграции современного земледельца в структуры агробизнеса;

– (в) позиционирования аграрной тематики – коль скоро она выступает объектом политико-философского анализа – в проблемном поле современной трансформационной политики. Такое позиционирование предполагает нахождение среди реалий современного мира явлений, «соразмерных» тому, которое в американской интеллектуальной традиции принято именовать «фермерством как образом жизни».

Таков общий спектр проблем и подходов к их решению, раскрытию которых посвящены две главы настоящего исследования и суммирующее их «находки» Заключение.

Глава первая

Политико-философские основания современных аграрных стратегий

«...политэкономия свободы зиждется на ясном понимании того, что предметом рассмотрения здесь является вовсе не «экономика» (не максимизация богатства, не производительность и не уровень жизни), а политика, то есть вопросы образа жизни; что за соответствующее принципу свободы политическое устройство надо платить, и ценой здесь будет снижение уровня производительности; что расходы здесь оправданны — если только нам не придется расплачиваться самой свободой».

*М. Оукшот*¹⁶

Проблемы аграрного производства и сельской общности: Маркс и западная политико- философская традиция

Итак, главный объект нашего исследования — современные аграрные стратегии. Анализ их целесообразней всего начать с описания концепции конкретного теоретика, взгляды которого на данный предмет можно было бы отнести к числу наиболее репрезентативных. Одним из таких авторов является, по нашему мнению, не кто иной, как Карл Маркс. Выбор именно этой фигуры не в последнюю очередь продиктован тем обстоятельством, что для отечественного чи-

тателя уходящего поколения трудно подыскать более знакомого персонажа, имя которого бы само собой ассоциировалось с определенной мыслительной парадигмой. Предлагая в качестве отправной точки известное, подчеркнем, однако: в настоящем контексте Маркс интересен нам не как автор теорий, определивших специфический концептуальный облик марксизма (как то: теория классовой борьбы, теория прибавочной стоимости и т.д. и т.п.), а как один из основных *раннесовременных* теоретиков, предлагавший наиболее типичные подходы к типичным проблемам своего времени. Нам предстоит показать, что аграрные воззрения Маркса, при всем их своеобразии и противоречивости, не только адекватно отразили общий идейный фон времени, но и представляли собой наиболее продвинутое на тот момент точки зрения, и как таковые они созвучны не только раннесовременной, но и сегодняшней постановке проблемы.

Главным историческим событием, заставившим Маркса обратить особое внимание на аграрную сферу, явилась «земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия»¹⁷. Не требовалось быть изощренным аналитиком (каковым являлся Маркс) для того чтобы понять, что «чистка земель»¹⁸, повлекшая за собой революционные преобразования в области земледелия — преобразования, при жизни Маркса далеко еще не завершившиеся, — являлась составной частью общего процесса крушения прежних устоев общества и формирования на их месте чего-то нового. Неукротимость, с которой представители сформировавшегося класса собственников-предпринимателей сметали со своего пути любые (материальные и моральные) препятствия, мешавшие осуществлению их эгоистических интересов, выдвинула на первый план — как для Маркса, так и для всех, кому довелось одновременно с ним размышлять о характере происходящих на их глазах глобальных изменений, — тему индивидуализма:

«Чем дальше назад уходим мы вглубь истории, тем в большей степени индивид ... выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому... Лишь в

XVIII веке, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако, эпоха, порождающая эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых человеческих (с этой точки зрения всеобщих) отношений. Человек есть в самом буквальном смысле ζῷον πολιτικόν¹⁹, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»²⁰.

Данное рассуждение показательное не только тем, что демонстрирует интерес Маркса к изменяющемуся статусу индивида в обществе. Здесь же налицо типичная для ранне-современных теорий попытка теоретического устранения вопроса о том, что может служить основой социальной солидарности в обществе, построенном на принципах индивидуализма: такой основой признается здесь... сам индивидуализм. Аналогичным образом поступал, например, и родоначальник социологии Эмиль Дюркгейм²¹. «Согласно Дюркгейму, — отмечает современный нам исследователь Адам Селигмен, — в эпоху начального развития разделения труда определяемый этическим индивидуализмом источник социальной солидарности следовало искать во всеобщей ориентации на моральную ценность индивида»²². Естественно, при обращении к насущным проблемам времени подобные тавтологические решения быстро обнаруживали свою бессодержательность. Характерно, однако, что проявленное Дюркгеймом и Марксом стремление конкретизировать названные представления об основах современной социальной солидарности снова заставило их обратиться к одному и тому же комплексу идей — на этот раз на первый план вышла тема промышленной революции, в социальных последствиях которой и тот, и другой усмотрели важный фактор сплочения общества на новых основаниях. Как подчеркивает Энтони Гидденс, «Дюркгейм... полагал, что к установлению гармоничной и полнокровной социальной жизни, интегратором

которой явится разделение труда вкупе с моральным индивидуализмом, приведет дальнейшая экспансия индустриализма»²³. Подобный же ход мысли обнаруживал на определенных этапах своих политэкономических изысканий и Маркс. Для нас эти изыскания представляют интерес в той мере, в какой они послужили фундаментом канонического варианта марксистской аграрной теории.

Как свидетельствуют многочисленные пассажи из *Немецкой идеологии* и *Grundrisse*, Маркс сознавал, что в силу присущей буржуазному индивидуализму специфики этот последний если и сплачивает общество, то весьма односторонним образом: ведь даже «древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»²⁴. Современное промышленное производство, сплачивая его участников, вместе с тем подчиняет себе человека, фактически становясь отрицанием свободы индивида. В связи с этим в *Немецкой идеологии* Маркс даже говорит о необходимости «преодоления» свойственного индустриализму разделения труда. Однако впоследствии он в общем и целом склоняется к тому, что при всех оговорках индустриализация общества все же является необходимым проводником общественного прогресса. Примириться с подобным положением дел Марксу позволяет разработанная им в рамках собственной философско-антропологической теории диалектика развития процесса «самоотчуждения» индивидов от их собственных «сущностных сил», предусматривающая неизбежность «обратного присвоения» человеком этих последних. Из данной теории следует не только то, что путь к «свободной индивидуальности, основанной на универсальном развитии индивидов»²⁵ (а именно такая индивидуальность способна, по Марксу, привнести в общество «истинную социальность» отношений) исторически пролегает через ста-

дию неведомого прежним эпохам тотального отчуждения, но и то, что в круговорот модернизации рано или поздно будут вовлечены даже те сферы общества, те социальные институты, которые пока еще продолжают сохранять свое традиционное обличье.

Отметим, что подобные исходные понятия предполагали весьма однозначное представление о перспективах развития сельского хозяйства — особенно в период, когда динамика модернизации (одной из сторон которой и явилась пресловутая «чистка земель» в индустриализирующейся Англии) заставила земледелие порвать с традиционными формами и отношениями. В одном из своих писем, рассуждая о ремесленниках, крестьянах и прочих олицетворениях досовременного способа производства, Маркс весьма выразительно сформулировал свои взгляды на данный предмет: «...чем больше я занимаюсь этой дрянью, тем больше убеждаюсь, что преобразование земледелия должно стать альфой и омегой будущего переворота»²⁶. В первом томе «Капитала», в главах «Генезис капиталистических фермеров» и «Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала» Маркс стремится доказать, что на всем протяжении проанализированного им периода развитие событий в аграрном производстве происходило в направлении, совпадающем с тем, что было описано им в качестве классической капиталистической модели развития промышленности. В этой связи он делает ряд важных наблюдений: во-первых, «экспроприация сельского населения создает ... крупных земельных собственников»²⁷; во-вторых, «земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия... обогащала фермера так же быстро, как разоряла сельское население»²⁸, в-третьих, сам фермер становится аграрным капиталистом — он «вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в каче-

стве земельной ренты»²⁹, в-четвертых, формируется согнанный с земель «сельский пролетариат», обеспечивая рабочими руками фермера-капиталиста³⁰. Следовательно, заключает Маркс, уже в XVI в. в Англии имелись все предпосылки для модернизации аграрного производства.

Рассматривая приведенные выводы с позиций сегодняшнего дня, убеждаешься в том, что при всех выказанных здесь Марксом претензиях на объективность, результаты анализа положения дел в сельском хозяйстве Англии XVI—XIX вв. в значительной степени были predeterminedены заранее его собственными исходными установками³¹. Все, что требовалось Марксу на данном этапе, это найти подтверждения сформулированной им прежде в *Манифесте Коммунистической партии* «прогрессивистской» по своей сути аграрной стратегии. Главный лозунг этой стратегии — «соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устраниению различия между городом и деревней»³².

Именно к вышеописанной части аграрных воззрений Маркса (впоследствии повсеместно узаконенной его самозваными преемниками в качестве официальной марксистской теории современного аграрного производства) и восходят истоки всевозможных — как марксистских, так и немарксистских³³ — трактовок «объективных» тенденций развития аграрной сферы. Ведь именно Марксу с его «материалистическим взглядом на всемирную историю», который «...конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества»³⁴, первому пришла в голову мысль оценивать степень «перспективности» каждого конкретного направления развития современного общества по тому вкладу, которое вносится им в дело развития производительных сил общества. Применительно к сельскому хозяйству подобное понимание нашло отзыв как на Востоке, так и на Западе, воплотившись в широком спектре политических стратегий, нацеленных на конструирование того, что понималось этими стратегиями как научно-технический и социальный про-

гресс. Подробно о данном «прогрессистском» направлении, по сей день не сдающем позиций в аграрной политике Запада и стран прозападной ориентации, речь пойдет в следующей главе. Здесь же важно указать на то, что такого рода объективистские подходы — при всем их огромном влиянии на современные способы научно-практического освоения действительности — по определению не могли играть главенствующей роли в философии истории самого Маркса, так как исходной точкой этой последней все же оставалась идея исторического прогресса как процесса самоэмансипации индивида. Поэтому наиболее философски значимым представляется нам не свод идей, известных всем как «марксистская аграрная теория», а те теоретические изыскания Маркса, которые позволили ему *проблематизировать* тему аграрного производства в условиях современного общества.

Правда, наиболее известной из таких попыток традиционно остается поднятая им в последние годы жизни тема сохранения досовременной сельской общности (конкретно, русского *мира*) как альтернативы капиталистическому развитию села³⁵. Исследования русской крестьянской общины, на которые подвигли Маркса активные контакты с русскими народниками, заинтересовали его настолько, что он даже взялся за изучение русского языка. Результатом явился новый взгляд на данный традиционный земледельческий институт. В письме к В.Засулич Маркс двояко обосновывает тезис о потенциальной способности русской сельской общины одновременно сыграть роль «элемента возрождения» русского общества и, во всемирном масштабе, стать предпосылкой более совершенного, нежели капитализм, социального строя: ведь, с одной стороны, русская община в ее современном виде не такова, как ее вымершие западноевропейские аналоги — «она не живет изолированно от современного мира»³⁶, а значит, способна функционировать в рамках системы товаропроизводителей (если, конечно, будет поставлена «в нормальные условия развития»³⁷; с другой стороны, внутри себя она не есть система «абстрактных произвودة-

лей», так как являет собой общность (Gemeinwesen) — благодаря чему «может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться постепенно как элемент коллективного производства в национальном масштабе»³⁸. Отсюда его знаменитый пассаж в предисловии к русскому переводу «Манифеста коммунистической партии»: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»³⁹. В настоящее время, когда интерес к коммунистическим сюжетам окончательно иссяк, подобный поворот мысли сохраняет теоретическую ценность лишь как повод поразмыслить над ушедшим в прошлое социалистическим сельским хозяйством и, кроме того — в более абстрактном плане, — как допущение Марксом возможности такого сосуществования в будущем элементов капиталистической и докапиталистической общественных формаций, при котором первые вовсе не обязательно должны поглотить вторые.

Вместе с тем в теоретическом наследии Маркса присутствуют и другие подходы, куда более плодотворные в плане проблематизации темы современного аграрного производства. Речь идет, в частности, о том, что в третьем томе «Капитала» Маркс оказался вынужден констатировать факт, не согласующийся с логикой его собственных выводов относительно преимуществ капиталистического сельского хозяйства: «...в странах с преобладанием парцеллярной собственности (классической мелкокрестьянской собственности. — *И.М.*) цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»⁴⁰. Пытаясь интерпретировать этот факт в рамках заявленной позиции, Маркс идет на довольно сомнительный в теоретическом плане ход: признав, что мелкий земельный собственник может быть эффективнее крупного, он спешит отнести традиционного крестьянина времен раннего капитализма к разряду мелких буржуа. Однако тем самым он ограничивает движение собственной

мысли рамками классических экономических схем, а ведь согласно этим последним цена сельскохозяйственной продукции должна включать в себя и заработную плату рабочего, и среднюю норму прибыли капиталиста, и ренту землевладельца. В результате он приходит к признанию того, что крестьянин представляет собой весьма уникальный субъект (капиталистического) производства, совмещающий в едином лице и рабочего, и буржуа, и земельного собственника — и это притом, что «сельское хозяйство ведется здесь ради непосредственных нужд существования»⁴¹, то есть капиталистической прибыли подобное «предпринимательство», как правило, вовсе не приносит! Несостоятельность всего рассуждения очевидна, как очевидно и то, что пуститься в подобную крайность Маркса заставила нетерпимость к крестьянству как к осколку отжившей эпохи, желание узреть признаки модернизации там, где ее нет еще и в помине. Мало того, здесь же Маркс вынужден зафиксировать и другой неудобоваримый факт: крестьянин сплошь и рядом продает свой товар дешевле «нормальной» стоимости — то есть такой, которая позволила бы ему иметь и прибыль, и ренту. Общий вывод Маркса: способность крестьянина вытеснять с рынка крупного аграрного предпринимателя связана с тем, что «абсолютной границей для него как для *мелкого капиталиста* (курсив мой. — И.М.) является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственных издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, — часто вплоть до тех пор, когда покрывается лишь физический минимум заработной платы»⁴². Иными словами, в данной системе понятий получается, что крестьянин — это весьма специфический мелкий буржуа, он сам себя эксплуатирует, и притом гораздо более жестоко, чем смог бы эксплуатировать его за данную плату кто-либо другой... Конечно, подобным выводом не мог удовлетвориться, в первую очередь, сам Маркс; ведь еще в *Grundrisse*, рассматривая ситуацию с земельной собственностью, он подходил к крестьянству сов-

сем иначе: «...мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран...»⁴³. Так кем же следует считать крестьянина: капиталистом или варваром? Нам представляется очевидным, что, формулируя для себя эту дилемму, Маркс понимал: любой из ответов заведомо неудовлетворителен, любой нарушает целостность его собственных представлений. В самом деле: не может же «наполовину оторванный от общества варвар» успешно конкурировать на рынке с «правильным» капиталистическим производителем. Остается признать, что мелкий земельный собственник, коль скоро он успешно вписался в рыночную экономику, уже не совсем варвар. Отмечает Маркс и другую сторону вопроса: когда мы говорим о таком виде капиталистической собственности на средства производства, как земля, то применительно к ней свойственный нынешней эпохе процесс концентрации не кажется ни столь же естественным, ни столь же прогрессивным явлением, каким он выглядит в промышленности. В конечном счете все это заставляет Маркса при рассмотрении перспектив развития аграрного производства практически полностью отказаться от схематизма материалистического понимания истории и начать все рассуждение заново, отталкиваясь от принципиально иных исходных представлений.

Еще во втором томе «Капитала», рассматривая вопрос о том, как трудно согласовать потребности промышленности со спецификой производства растительного и животного сырья, Маркс приходит к заключению, что эту специфику *в принципе* невозможно подчинить интересам типично капиталистического производства. После чего следует многозначительное замечание: «Мораль истории, которую можно так же извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения (т.е. не как поставщика сырья для промышленности, а как особый производственный организм, обладающий собственным *raison d'être*, несоместимым с логикой капиталистиче-

ской системы. — *И.М.*), состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует ее техническому развитию) и требует⁴⁴ ... руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина...»⁴⁵. Так впервые в его творчестве возникает мысль о «собственной рациональности» земледелия, несводимой к характерной для современной эпохи инструментальной рациональности. Это самая удивительная часть марксовской концепции, в которой он полностью абстрагируется от специфики современного ему капиталистического контекста и мыслит в принципиально иной системе понятий⁴⁶. Например, в этой системе понятий идея концентрации сельскохозяйственного производства подвергается им критике не потому, что в обозримом будущем она, судя по всему, не сулит заметного роста производительности аграрного труда, а потому, что «...крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне»⁴⁷. Ключевые слова здесь — «деревня как резервный фонд возрождения жизненной силы наций», они позволяют понять, что место и роль земледелия в современности Маркс пытается переосмыслить в терминах собственной концепции отчуждения, увязывая перспективы развития «рационального земледелия» с более общей проблемой, стоящей перед буржуазным обществом, — проблемой «созидания условий своей социальной жизни»⁴⁸ атомизированными индивидами. (А это в сущности та же проблема, что возникает в поздних работах Эмиля Дюркгейма, стремившегося определить, что может играть роль додоговорных оснований (= что способно служить содержанием *conscience collective*) в характерной для общества «органического типа» ситуации углубления ролевой дифференциации)⁴⁹.

Судя по всему, размышляя над спецификой сельского хозяйства, отвергающей капиталистический способ производства, Маркс пришел к выводу, что путь к универсально развитому индивиду не может пролегать через стадию той «полной опустошенности», которая характеризует современную ему промышленного рабочего, низведенного работой на капиталистическом предприятии до положения «физического субъекта»⁵⁰; ведь «...чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественней становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против себя самого, тем беднее становится он сам, его внутренний мир»⁵¹. Похоже, данную динамику, укрепляющую присущую буржуазному обществу веру в то, что «...красота и величие покоятся именно на этой стихийной ... связи, предполагающей как раз их (индивидов. — *И.М.*) взаимную независимость и безразличие по отношению друг к другу»⁵², Маркс был склонен рассматривать (в момент написания второго тома «Капитала») как тупиковое развитие. А это означало уточнение той его прежней позиции, согласно которой «на более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным именно потому, что он еще не выработал всю полноту своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений»⁵³. Уточнение это заключалось в том, что состояние тотальной «отчужденности и самостоятельности» уже не представляется Марксу необходимым «цивилизующим» этапом в процессе формирования новой индивидуальности. Если в *Grundrisse* он подчеркивает, что предпосылкой появления индивидов, обладающих «той степенью и той универсальностью развития потенций..., при которых становится возможной *эма* («полная». — *И.М.*) индивидуальность» являясь «производство на основе меновых стоимостей»⁵⁴, то на поздних этапах работы над «Капиталом» Маркс, при всей своей нелюбви к мелкому земельному собственнику, фактически вынужден констатировать, что этот последний обнаруживает незаурядную приспособляемость к производ-

ству в условиях господства производства «на основе меновых стоимостей», не становясь между тем ни капиталистом, ни наемным рабочим.

Таков общий спектр идей о крестьянстве, специфике аграрной сферы и тенденциях развития аграрного производства и села, оттачиванию которых Маркс посвятил не одно десятилетие. Оглядываясь на это идейное наследие с позиций XXI в., не можешь отделаться от ощущения некой присущей ему многозначительной недосказанности. Такое ощущение возникает потому, что фактически ни одна из высказанных Марксом мыслей «не пропала даром», так или иначе материализовавшись в конкретных теориях и политических стратегиях; каждая из этих идей нашла свое место в том многослойном и разноречивом способе восприятия действительности, который иные авторы именуют «идеологией современности». Для того чтобы суметь разобраться в этом разноголосье, для того чтобы лучше уяснить себе, в чем состоит *репрезентативность* перечисленных теоретических построений Маркса, дадим краткую характеристику каждому из вышеописанных подходов.

Первый из представленных теоретических подходов Маркса к аграрной проблематике логически следует из разработанного им так называемого материалистического понимания истории, согласно которому основную причину преобразования и смены общественных институтов следует усматривать в изменениях в господствующем способе производства, — преобразований, происходящих всякий раз, когда на место «...прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, соответствующая более развитым производительным силам»⁵⁵. Подобному экономическому детерминизму соответствует представление об универсальных законах общественного развития, о том, что определяющую роль в этом развитии неизменно играет «объективная и всеобщая» тенденция к наращиванию производительных сил общества. Применительно к сельскому хозяйству эпохи индустриализма данная вера принимает

форму уверенности в скором и неминуемом превращении аграрного производства в разнородность промышленного производства.

Второй описанный подход в общеконцептуальном плане представляет собой модификацию первого. Понятие экономического детерминизма утрачивает здесь первоначальную жесткость, сохраняя за собой роль некоего общего контекста, внутри которого возможны различные сценарии развития; в частности ставится под сомнение универсальность модели капиталистической индустриализации как способа рационализации традиционных обществ. При осмыслении проблематики аграрного развития основное значение уделяется теперь тезису о том, что главным источником отчуждения при капитализме является частная собственность на средства производства; конкретно, утверждается, что в сельском хозяйстве ни крупная, ни мелкая земельная собственность не способна рационализировать аграрное производство в том смысле, в каком это достигается в промышленности. Соответственно поиск решения ведется по пути обнаружения наиболее «неотчужденной» формы жизнедеятельности; таковой представляется позднему Марксу русская крестьянская община с ее коллективной собственностью на землю. Предполагается, что в благоприятных политических условиях «русская общинная собственность» поможет сельскому хозяйству (а через него и обществу в целом), не подвергаясь рискам капиталистического развития, сразу перейти к установлению коммунистических общественных отношений.

Третий и последний из перечисленных подходов представляет собой наименее концептуально разработанное Марксом направление мысли; практически оно состоит в одной-единственной констатации: рациональное земледелие требует руки мелкого живущего своим трудом крестьянина. Значимо это заявление главным образом тем, что делается вопреки всем имевшимся у Маркса на тот момент теоретическим наработкам в области аграрной теории, и поэтому звучит как вызов им⁵⁶. Вместе с тем именно это направление

мысли оказывается наиболее «соразмерным» тому философско-антропологическому основанию, на котором покоится весь комплекс представлений Маркса о тенденциях развития современного общества.

Высказанное выше предположение, согласно которому каждый из названных подходов по-своему адекватен современности, конечно, нуждается в конкретизации. Ибо очевидно, что помимо их теоретической неравноценности, данные подходы совершенно «неравноправны» ни с точки зрения оказанного ими влияния на умы, ни с точки зрения тех временных рамок, внутри которых каждый из них способен оставаться актуальным. В этом смысле первая описанная концепция («официальная» марксистская теория аграрного производства) намного превосходит все возможные марксистские и немарксистские альтернативы ей с точки зрения репрезентативности, так как именно в ее теоретические положения лучше всего укладываются все классические аграрные стратегии Запада. Кроме того, если вести речь о реальном историческом процессе становления современного аграрного производства, то нельзя не признать эту теорию наиболее адекватной преобладавшему в ту эпоху уровню массового сознания.

В доказательство последнего утверждения приведем некоторые свидетельства. Первое из них мы имеем от Карла Поппера, теоретика, как известно, весьма далекого от аграрных проблем и смотрящего на них глазами простого обывателя. В одной из своих книг⁵⁷, оглядываясь на события полувековой давности, Поппер причисляет к прогрессивным интеллектуальным достижениям рубежа XIX–XX вв. появление книги малоизвестного австрийского социалиста – некоего Поппера-Линкоя⁵⁸, в которой тот предлагает «технологии коллективного фермерства, и в частности гигантских ферм вроде тех, что были введены в России». В этой связи К. Поппер сетует: «...данная интересная разработка не вызвала к себе серьезного отношения»⁵⁹. Подобная оценка, смотрящаяся анахронизмом в работе теоретика середины XX в.,

вместе с тем была бы совершенно органичной с точки зрения умонастроений, преобладавших среди образованных людей века XIX. Так, например, в рядах европейской социал-демократии (пользовавшейся в последней трети XIX в. необычайным общественным авторитетом и влиянием) царила уверенность в скорой индустриализации сельского хозяйства на *капиталистический* манер. Этот факт получил широкую известность вследствие на шумевшей «тяжбы» европейских социалистов с Отто Герцем и Эдуардом Давидом — социалистами, посмеявшимися предположить в своих теориях, что мелкое крестьянское хозяйство способно в существующей ситуации конкурировать с хозяйством крупнокапиталистическим. А вот свидетельство известного французского экономиста-аграрника наших дней: «В конце прошлого [девятнадцатого] века царила *всеобщая уверенность* в том, что сельское хозяйство стоит на пороге стремительной индустриализации, наподобие той, что имела место в других отраслях... В качестве конечного этапа этого *предполагаемо нормального* развития упоминали о ферме в Арси-ан-Бри, двести коров которой непосредственно обслуживали сеть полностью интегрированных розничных торговцев Парижа... Восемьдесят лет спустя мы с удивлением обнаруживаем, что ситуация вовсе не изменилась. Все так же находятся авторы, предсказывающие радикальные перемены в аграрном секторе в ближайшие 10–20 лет...»⁶⁰.

В отличие от данного видения аграрной сферы — видения, подкрепляемого ожиданиями общества и потому в определенном смысле выполнявшего функцию *самореализуемого прогноза*, второе направление марксовской аграрной мысли, построенное на принципиальном отказе от частной собственности, в силу очевидных причин никак не могло быть самореализуемым. Тем поучительней тот факт, что и столь непопулярной концепции, несмотря ни на что, удалось воплотиться в жизнь в качестве чисто коммунистического проекта, обретшего свое конкретно-историческое воплощение в облике «социалистического сельского хозяй-

ства». Подобное мертворожденное образование не соответствовало никаким из реально существовавших социально-экономических потребностей, что поставило его в разряд чистого экспериментаторства, совершенно «свободного» от диктата наличной ситуации. Именно такого рода «свобода» позволяла советской аграрной политике с буквальной точностью следовать марксистским рецептам «привнесения» социализма в земледелие — например, следующему:

«...введите машинное производство и все современные усовершенствования; разве тогда мы не будем иметь среди крестьянского населения более чем достаточно обученных рабочих? Ведь тогда земледельческой работы не хватит, чтобы занять это население в течение всего года. Большие массы людей будут продолжительное время бездельничать, если мы не займем их в промышленности... Допустим даже, что нынешнее взрослое поколение не годится для этого, но молодежь-то можно этому обучить. Если несколько лет подряд в летнюю пору, когда есть работа, юноши и девушки будут отправляться в деревню, — много ли семестров придется им зубрить, чтобы получить ученую степень пахаря, косаря и т.п.? Вы же не будете утверждать, что необходимо весь свой век ничем другим не заниматься, что надо так отупеть от работы, как наши крестьяне, и только так научиться чему-нибудь путному в сельском хозяйстве?»⁶¹.

Так писал Фридрих Энгельс в 1893 г. Ныне любая строчка этого исторического документа способна вызвать лишь раздражение у представителей поколения «развитого социализма», знающих не понаслышке, чем обернулся на практике коммунизм на селе: попытка буквального следования «прогрессивной» теории привела к физическому истреблению как самого села, так и тех производств, которые вне сельской среды невозможны.

О причинах краха «социалистического сельского хозяйства» сказано и написано немало, и дальнейший анализ этого сюжета не входит в задачи настоящего исследования. Вместе с тем, определенные стороны советской сельскохозяй-

ственной теории и практики будут рассматриваться нами ниже в той мере, в какой они представляют интерес для исследования *действительного* модернизационного проекта современности, каковым явилась осуществленная в странах Запада индустриализация аграрного производства.

Что касается третьего из выявленных нами направлений аграрной мысли Маркса, то разговор о нем должен быть отложен до прояснения всех тех теоретических нюансов, без которых невозможно продемонстрировать идейный потенциал, заложенный в данном подходе к аграрной проблематике. Сейчас уместно ограничиться утверждением о том, что среди аграрных воззрений Маркса именно тезис о собственной рациональности земледелия является наиболее перспективным в плане концептуализации аграрной проблематики поздней современности.

Возвращаясь к теме исторической «неравноправности» перечисленных аграрных концепций Маркса, попробуем выяснить: с чем была связана популярность (=самореализуемость) первого марксова проекта и непопулярность любых альтернатив ему?

Вкратце ответ на данный вопрос может быть следующим: несмотря на то, что все три упомянутых варианта развития аграрной сферы так или иначе отражали скрытые возможности эпохи, именно первая — последовательно «экономическая» — версия являлась поистине адекватным ответом на потребности времени. Ибо если ранее мы говорили о том, что практически никакое осмысление эпохи раннесовременными теоретиками не могло обойти стороной проблемы становления буржуазного индивидуализма, то теперь нам предстоит доказать, что само это представление об индивиде немыслимо без другого продукта современности — понятия экономики.

Подчеркнем, что представление об экономике как некой «онтологической данности», отличной от политической «надстройки» как области моральной деятельности, само по себе не являлось изобретением Маркса. Между тем это по-

нятие — типичное порождение современности. Традиционное общество ничего не знало об экономике; понятие экономического существовало только в значении «экономный». Поэтому и термин «политическая экономия» в момент своего появления не обладал привычным для нас экономическим смыслом. Если принять за официальную «дату рождения» экономики 1776 г. (год появления труда Адама Смита *Исследование о природе и причинах богатства наций — An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*), то до этого времени даже само английское слово «wealth» означало не только и не столько «богатство», сколько «власть»⁶². В этом контексте и возник термин «политическая экономия». По свидетельству Эли Ф.Гекшера⁶³, меркантилисты, которые ввели в обращение этот термин в XVII—XVIII вв., не имели в виду ничего похожего на экономическую теорию в сегодняшнем ее понимании. Политической экономией они называли теоретический поиск «наикратчайших» (т.е. наиболее «экономичных») средств обеспечения интересов наличного *политического устройства*. Какие же категории ставили они во главу угла, говоря об «экономичности» власти? Коль скоро наибольшей властью обладает тот, в чьих руках сосредоточены главные факторы обеспечения выживания людей — а для доиндустриальных обществ важнейшим из таких факторов была земля, — то именно право на владение землей (являвшееся прерогативой знати) автоматически наделяло его обладателя особой властью над остальными людьми (и над их собственностью). В связи с этим традиционное — «доэкономическое» — общество проводило жесткое различие между имуществом движимым и недвижимым (земельными угодьями), ставя второе несравненно выше первого. Отсутствовала и свойственная экономике тема преумножения богатства: представления о возможности приращения богатства\власти (wealth) неизменно связывались с идеей «отторжения» его у некой другой стороны; при этом подобного рода действия должны были опираться на те или иные *нормативные (нравственные) обоснования*. Заметим, что дан-

ный аспект был подмечен также и Марксом, подчеркивавшим, что у древних богатство «не выступает как цель производства... Исследуется всегда вопрос: какая форма собственности обеспечивает государству наилучших граждан? Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов — монополистов посреднической торговли, — живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе»⁶⁴. Следовательно, отмечает Луи Дюмон, комментируя тезис об отсутствии экономики в традиционном обществе, «для того чтобы утвердился собственно экономический подход, требовалось освободить его от политики. Последующая история показала, что у подобной «эмансипации» была и другая сторона: экономика должна была освободить себя также и от морали»⁶⁵.

Это весьма многозначительное утверждение: оно постулирует некую изначальную «оппозиционность» экономики политике и морали; кроме того, оно позволяет нам понять, что ответ на поставленный выше вопрос относительно причин самореализуемости экономической версии марксовской аграрной теории возможен лишь как разновидность ответа на более общий вопрос: каково место категории экономического в системе основополагающих понятий современности?

Экономика как «высшая точка индивидуализма»

Надо сказать, что вопрос соотношения данных понятий достаточно глубоко изучен в современной западной литературе, причем многие авторы находят искомый ответ в процессе рассмотрения того, каким образом — в лоне традиционного общества — происходило зарождение общества современного⁶⁶. Данный подход (в том виде, как он был предложен, например, Луи Дюмоном еще в 70-е гг. прошедшего века) в настоящее время играет роль стандартной исходной позиции при проведении исследований самых разных аспектов современности.

«От традиционных обществ, — писал Дюмон, — мы отделены так называемой современной революцией, *революцией ценностей*, совершившейся на христианском Западе и длившейся там, как мне представляется, не один век. ... почему ни одна из прочих высоких цивилизаций не дала миру естествознания, технологий или капитализма, какими они известны нам теперь? Данный вопрос следует видоизменить: как и почему вообще произошло это беспрецедентное событие, называемое нами появлением «современности»?»⁶⁷

Из двух основных исследований Дюмона — они уже цитировались выше — наиболее раннее (*От МанDEVИЛЯ до Маркса. Генезис и триумф экономической идеологии*, 1977) посвящено экономике как специфически современной «философской категории», более позднее (*Статьи об индивидуализме*, 1986) — индивидуализму как «идеологической основе» современного общества. Исследуя эти два понятия, Дюмон не устает подчеркивать наличие между ними генетической связи:

«Именно в образе собственника, обладателя чего-либо, впервые заявляет о себе индивидуализм, сметающий на своем пути все остатки социального порабощения и [представлений об] идеальной общественной иерархии и воцаряющийся на расчищенном таким образом троне... Экономика как философская категория (курсив мой. — И.М.) представляет собой высшую точку индивидуализма и в этом качестве обретает главенствующее значение для мира людей»⁶⁸.

Сказанное объясняет тот факт, что первый «краеугольный камень» в фундамент еще не возведенного здания экономики был заложен не кем-то из тех мыслителей, чьи имена стали хрестоматийными для *экономической* теории, а философом Джоном Локком, собственный интерес которого ограничивался теорией *политической*. Исследователи отмечают, что важное для философии Локка понятие собственности все еще отличалось крайней многозначностью, так что даже его тезис о происхождении собственности из труда, по общему мнению, еще не есть образец экономического мышления, а лишь зародыш такового⁶⁹. Если же говорить (как

это делает Дюмон) об «идеологических» основаниях экономики, то здесь куда важнее трудовой теории собственности оказался совершенный Локком кардинальный поворот в понимании сущности политического.

Этот поворот явственно заявил о себе в «Двух трактатах о правлении» локковской критикой роялистских взглядов Филмера. В концепции последнего «политэкономическая» составляющая все еще является неотъемлемой частью политической сферы, в коей царят отношения подчинения; Локк же, в противовес Филмеру, постулирует свободу и равенство всех людей как равноценных созданий Божьих⁷⁰. Что же до отношений с «низшими существами», то этих последних Локк определяет как «собственность» людей (подобно тому, как сами человеческие существа, в свою очередь, объявляются им собственностью Бога):

«Бог, отдавший мир всем людям вместе, наделил их также разумом, чтобы они наилучшим образом использовали этот мир для жизни и удобства... И хотя все плоды, которые на ней естественным образом произрастают, и все животные, которых она кормит, принадлежат всему человечеству, так как они являются стихийным порождением природы и находятся в силу этого в естественном состоянии, и никто первоначально не имеет частной собственности, исключаящей остальную часть человечества, на что-либо из них, все же поскольку они даны для пользования людям, то по необходимости должно быть средство *присваивать* их тем или иным путем, прежде чем они могут принести хоть какую-либо пользу или вообще пойти на благо какому-либо отдельному человеку... Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей *собственностью*»⁷¹.

В данных воззрениях, по справедливому замечанию Дюмона, содержится «идеологические» предпосылки «перехода от холистского социального уклада к пониманию политической системы как некоей надстройки, воздвигнутой с

общего согласия над онтологически данным экономическим базисом»⁷². Иными словами, центральным в представлениях о вступающем в современную эпоху обществе становится понятие собственника, объединяющее в себе индивидуалистический и экономический аспекты. Что же до политики как таковой, то данный мировоззренческий сдвиг низводит ее до положения «чего-то маргинального с точки зрения онтологического статуса — некоего придатка, с которым люди вольны делать все, что им заблагорассудится»⁷³. Впрочем, это не единственно возможная оценка свершившейся трансформации — равное право на существование имеет и видение, согласно которому в современную эпоху «политика из положения *простой данности* возводится в разряд сфер свободных устремлений и свободной воли людей»⁷⁴. (Отметим, что последнее утверждение находится в явном противоречии с тезисом об экономике как предельном выражении индивидуализма; ведь из этого утверждения следует, что обособившаяся от политики экономика взяла на себя ту роль *простой данности* (онтологического основания), которую до нее выполняла политика. А это означает, что фактически не экономика освободилась от политики, а эта последняя сбросила с себя «онтологический балласт», превратившись в результате в сферу человеческой свободы; и значит, высшей точкой индивидуализма явилась именно деонтологизированная политика.

Как бы там ни было, превращение ничем не ограниченного индивидуализма в главный принцип человеческого бытия сделало центральной проблемой такого бытия вопрос о том, как возможно общество, составленное из абсолютно свободных индивидов. Надо сказать, что для Локка ответ на данный вопрос не представлял сложности — но потому лишь, что в его философии индивидуализм еще не приобрел значения всеобщего принципа, и в вопросе гармонизации отношений людей в обществе Локк легко мог прибегнуть к поручительству христианства, согласно которому человек есть существо моральное. Ведь предполагаемая соотносительность каждого человека с Богом (являвшаяся обязательным

элементом досовременных «идеологий») рассматривалась обществами традиционного типа как необходимое связующее звено их социальной солидарности и реально играла в них роль цементирующего фактора. Адам Селигмен глубже, чем кто-либо вникший в природу соотношенности современного сознания с западнохристианской разновидностью трансцендентализма, иллюстрирует данную зависимость высказыванием Августина: «Amicitia numquam nisi in Christi Fidelis est» (Дружба бывает лишь между теми, кто верен Христу [лат.])⁷⁵. Вместе тем, если верить Селигмену, именно эта — заложенная в традиции западного христианства — трансцендентность Бога, его абсолютная «инаковость» явилась причиной того, что пережившее Реформацию западное общество в конечном счете научилось обходиться без трансцендентного⁷⁶. В формировании характера современного общества данный сдвиг в сознании сыграл, по мнению Селигмена, не меньшую роль, чем углубляющееся разделение труда и сопутствующая ему ролевая дифференциация. Из сделанного им вывода, в частности, следует, что пресловутая автономность индивида «суть лишь иной способ констатировать отсутствие у индивида трансцендентного воплощения»⁷⁷.

Иными словами, утрата трансцендентного «иноного» освободила локковского индивида-собственника от внешнего (мифического) источника моральных принципов, но не освободила его от необходимости иметь какие-то принципы. То было своего рода «приглашение к творчеству» — творчеству новой морали — и первым приглашение принял Мандевилль. Развернутая им яростная критика философии Шефсбери явилась не чем иным как ниспровержением прежних, «божественных» оснований морали. Этим основаниям Мандевилль противопоставил описание человека, каким он является «на самом деле», настаивая на том, что именно пороки человека, а не какие-то вычитанные из книг добродетели способны приносить реальную пользу обществу. Демонстративно отказавшись «заниматься морализаторством» там, где речь идет о пользе, Мандевилль указал тем самым на на-

личие в жизнедеятельности человека некой особой сферы, внутри которой именно эгоистические поступки индивидов реально приносят процветание обществу; а стало быть, в ее рамках действие моральных принципов — и не только традиционных! — является проблематичным. «Ведь мораль, — отметил по этому поводу Дюмон, — как ее ни истолковывай, учит подчинять эгоистические импульсы высшим целям»⁷⁸. «Избавиться» от моральной проблематики Мандевиллю удалось при помощи намека на то, что человек (притом, что сам он — существо высшее) отнюдь не разорвал (не способен разорвать) естественной связи с низшими природными существами, отчего представления о (материальной) пользе и вреде наделены для него тем же смыслом и так же существенны для его жизни, как для жизни любого живого существа⁷⁹.

В интерпретации Дюмона позицию Мандевилля можно выразить четырьмя утверждениями: «(1) моральные заповеди являются ложными постольку, поскольку общее благо достигается без их участия; (2) вообще, постулаты морали никак не влияют на действия людей, так как предписывают им вести себя неэгоистично; (3) общее благо реализуется только в тех действиях, которые не являются сознательно направленными на его достижение; (4) что же до фактического положения дел, то здесь наоборот царит естественная гармония интересов»⁸⁰. Вместе взятые, данные утверждения могли означать лишь одно: «вслед за религией мораль, в общем и целом, изгоняется из реальной жизни»⁸¹.

Принимая во внимание сказанное Дюмоном, необходимо подчеркнуть следующий аспект: несмотря на то, что все рассуждения Мандевилля сопровождаются непрерывными ссылками на «факты жизни», на «эмпирику», сделанный им вывод о том, что традиционной морали уже нет места в жизни общества, явно представляет собой плод абстрактно-теоретических построений. Как таковой он имеет смысл только при допущении, что в качестве механизма реализации в обществе норм морали отсылка к трансцендентальному «иному» действительно утратила силу. Иначе говоря, для

того чтобы начать рассуждать о негодности наличных нормативных представлений, надо было сперва осознать утрату Бога в себе (и приписать эту утрату также и окружающим). Таким образом, налицо определенное совпадение позиций Мандевиля и Селигмена: теоретик конца XX в., говоря о зарождении современного сознания, фиксирует те же исходные моменты, что и «очевидец» описываемой им трансформации, живший на два столетия раньше. Но можно ли всерьез принимать эпатажирующие рассуждения Мандевиля в качестве подтверждения истинности того «диагноза», который поставил современному обществу Селигмен? Ответом на этот вопрос послужит рассмотрение в следующей главе исследования проблем современной «аграрной сферы» (так, за неимением более подходящего термина, придется нам называть специфический *modus vivendi* людей, занятых сельскохозяйственным трудом). Сначала же необходимо обратиться к не менее важному вопросу о том, какой представлялась Мандевилю альтернатива традиционной морали.

Исходной точкой здесь является утверждение Мандевиля об изначальной, «природной» асоциальности людей:

«Все находящиеся в естественном состоянии живые существа заботятся лишь о том, чтобы доставить себе удовольствие, и непосредственно следуют влечению своих склонностей, не обращая внимание на то, принесет ли полученное ими удовольствие добро или зло другим. В этом кроется причина того, что в диком состоянии более всего приспособлены к мирной совместной жизни те создания, которые обнаруживают наименьший разум и имеют менее всего желаний, требующих удовлетворения. Отсюда следует, что ни один вид животных не оказывается менее способным жить в согласии в течение длительного времени, находясь в большом скоплении, чем человек...»⁸².

Данным нехитрым рассуждением Мандевилль фактически вводит в современную философию важнейший элемент современной идеологии: тезис о том, что *потребность в «вещах», в материальном сильнее у людей, чем потребность друг*

друге. Отказывая индивиду в какой бы то ни было врожденной социальности⁸³, Мандевилль явственнее, чем любой другой мыслитель, демонстрирует правоту положения о том, что экономика (как философская категория) являет собой *высшую точку* индивидуализма. Ибо представив общество таким скоплением атомизированных индивидов, Мандевилль не столько утвердил, сколько предельно *проблематизировал* им же самим отстаиваемую экономическую идеологию, отождествляющую мораль с пользой. Ведь осуществленная данным отождествлением попытка реабилитации нормативного аспекта бытия «экономического индивида» сама по себе лишь удаляет нас от ответа на главный вопрос, в котором сходятся «интересы» и экономики, и морали: как же в таком случае может возникнуть что-либо иное, чем гоббсовская «война всех против всех»; за счет чего образуется то общее благо (польза для всех), на непрерывных апелляциях к которому, собственно, и зиждется вся концепция Мандевилля?

Предлагаемый Мандевиллем выход из данного затруднения в высшей степени показателен. Пресловутое заявление о том, что общее благо (приравненное к пользе) — это некая результирующая взаимодействия противоборствующих интересов⁸⁴, появляется в его философии на манер *deus ex machina*. Дело в том, что им самим сформулированный идеал — достижение «общего блага» (того, что полезно для всех *и потому* является главным моральным ориентиром нового общества) — оказывается в принципе не выводимым из его концепции. Тезис о «предустановленной гармонии», связующей воедино разнонаправленные индивидуалистические импульсы, привносится в эту концепцию *извне*, и в этом смысле является *столь же трансцендентным мандевиллевско-миллетаристскому индивидуализму, сколь трансцендентна традиционному обществу христианская моральная доктрина*. А это означает, что, изгнав из общественной морали христианского Бога (или просто констатировав его смерть?), Мандевилль фактически поставил на его место экономику как некоего мистического гармонизатора социальной сферы. Попытки

Мандевиль придать этой необъяснимой силе статус еще одного закона природы⁸⁵ никак не отразились на фактическом восприятии его идей. Реальный «идеологический» эффект *Басни о пчелах* заключался в заполнении пустоты, образовавшейся после ухода со сцены христианского Бога, новым объектом поклонения — таким всемогущим, наводящим ужас божеством, идолом первобытных людей, идолом, которого (в отличие от Христа) невозможно ни понять, ни полюбить, но можно лишь падать ниц перед ним и, заискивая, задабривать его — регулярно возносить ему жертвы, постоянно опасаясь, что если губы идолища вовремя не увлажнить кровью невинных агнцев, то от его неразбирающего гнева погибнет вся популяция...

Подобная идолизация экономики (по сей день остающаяся фактом современного сознания — и не только «непросвещенного») как раз и явила «высшую точку индивидуализма», его, так сказать, исторический максимум. Дальнейшее представляло собой разнообразные попытки избавиться от этого идола современности — либо *традиционализировать* понятие экономики через возврат на локковский уровень представлений, либо «демистифицировать» концепцию Мандевилья через введение ее в русло *инструментальной рациональности*.

Прекрасный образец первой тенденции представил Адам Смит. Тема экономики как «невидимой руки», направляющей конфликтующие корыстные устремления экономических индивидов к осуществлению общего блага, развиваемая им в *Богатстве наций*⁸⁶ (этот исторический труд появился на свет семьдесятю годами позже мандевильевской *Басни*), с необходимостью дополняется положениями из его *Теории нравственных чувств*, согласно которым в сфере морали человек неизменно выказывает характер социального существа, поскольку «какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими...»⁸⁷. Мало того, сам эгоизм как движущая сила экономической сферы, согласно Смиту, является лишь вторичным чувством — первичны же

чувства социальные: «В чем состоит зародыш страсти, общей всему человечеству и состоящей в вечном стремлении к улучшению положения, в котором находишься? А в том, чтобы отличиться, обратить на себя внимание, вызвать одобрение, похвалу, сочувствие или получить сопровождающие их выгоды. Главная цель наша состоит в тщеславии, а не в благосостоянии или удовольствии; в основе же тщеславия всегда лежит уверенность быть предметом общего внимания и общего одобрения»⁸⁸. Впрочем, добавляет Смит, если бы люди были движимы одними лишь эгоистическими мотивами, и того вполне хватило бы для сплочения общества.

Главным представителем второй тенденции — попытки «демистификации» экономики путем освобождения ее от нормативной морали — явился Иеремия Бентам, заявивший о том, что индивид «не способен руководствоваться чем-либо, кроме собственного интереса в самом узком и эгоистичном смысле этого слова»⁸⁹, интереса, подчиняющего его двум «верховным властителям» — страданию и удовольствию. Единственный принцип, служащий реальным «навигатором» человека в обществе — это принцип полезности — «тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью»⁹⁰. Все, что сверх того, является лишь набором разнообразных «уловок», призванных придать максимальную убедительность той или иной личной позиции человека и тем самым увеличить его шансы на реализацию собственных эгоистических интересов.

Сказанное, нельзя не заметить, находится в противоречии с главным принципом бентамовской этики (стремлением к «максимальной сумме счастья» *для всех людей*), который, по мнению исследователей Бентама⁹¹, свидетельствует о его приверженности концепции «естественной гармонии интересов». Действительно, бентамовская идея «максими-

зации счастья» предполагает, что любой разумный индивид должен быть в состоянии поступиться собственным «малым» счастьем ради счастья другого, коль скоро это последнее окажется «превышающим» его собственное счастье. Но даже если не учитывать имеющихся критических доводов, выявляющих концептуальную несостоятельность бентамовского представления о «естественной гармонии интересов»⁹², нельзя не обратить внимания на характерное отличие данной идеи от мандевилевских указаний на «естество» — отличие, состоящее в неприятии любых ссылок на трансцендентное: та же гармония интересов есть для Бентама проявление свойств самих индивидов, а никак не иной субстанции, будь то «природа» или общая идея блага. Именно неприятие трансцендентного заставляет его считать весь свод правил и принципов, именуемых моралью, равно как и все отсылки к законам естества, одной большой ложью. «Вред, общий всем этим способам мышления и рассуждения (а эти способы, как мы видели, представляют один и тот же метод, выражаемый разными словами), состоит в том, что они служат предлогом и пищей для деспотизма мысли...»⁹³.

Таким образом, если «экономический человек» Мандевилля есть «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла», то в системе утилитаризма Бентама экономика не только освобождается от категорий традиционной морали, но и сама становится моралью «экономического человека». При этом вопрос о том, как возможно общество, сплошь состоящее из эгоистов, получает простой ответ, не замутненный представлениями о предустановленной гармонии: оно возможно в той степени, в какой рационально мыслящие индивиды способны оказать полезные друг для друга. Общество есть среднее арифметическое производимой каждым из индивидов калькуляции интересов, ведь «каждый человек руководствуется таким представлением об интересе, которое [соответствует] самому узкому и эгоистическому смыслу слова «интерес» и никогда не учитывает интересов [других] людей»⁹⁴.

Надо сказать, что уязвимость описанной попытки инструментальной рационализации этики для многих мыслителей была очевидна изначально. В частности, Руссо, оспаривая аналогичную аргументацию Гоббса, утверждал, что гармонии эгоизма и нравственности можно надеяться достичь рациональным путем только в отдельных поступках, выстроить же на этом основании этику невозможно⁹⁵. Утверждение утилитаристской этики не смогло заглушить для потомков мысли о «греховности» экономического человека, о его «вине» перед обществом – мысли, преследовавшей и самого Мандевиля. Как тонко подметил в этой связи Адам Смит, сам характер вызова, который бросил Мандевиль нормативным основаниям морали, выдает факт его внутренней зависимости от наиболее жестких ее толкований⁹⁶. Что же касается Бентама, то его заслуга состоит в попытке представить как инструментальные не только экономические, но и в целом социетальные связи людей, избавив таким образом общество ото всяких нормативных оснований. Тем самым он явственнее, чем кто бы то ни было, предвосхитил ту реальную дилемму, от которой не может уйти ни один представитель сегодняшнего цивилизованного общества:

«В своей повседневной жизни все мы, подобно Локку, выбираем частную собственность в качестве альтернативы подчинению, то есть все мы предпочитаем быть индивидами-собственниками, производящими индивидами; однако тем самым мы отворачиваемся от ближнего своего и поступаемся целостностью нашего общества, ведь сохранение этой целостности означало бы порабощение одного индивида другим или, как минимум, отсутствие равенства в общественном положении людей»⁹⁷.

Подводя итог всему сказанному об экономике как «высшей точке индивидуализма», отметим как неизбежный тот факт, что стратегия индустриализации аграрного производства явилась первым и наиболее логичным проявлением рационалистического подхода «экономического человека» к институтам, доставшимся ему в наследство от традиционного общества. Начав преобразовывать сельское хозяйство, современная политика на первых порах, подобно Бентаму, не ус-

матривала никакой связи между встающими на пути этого преобразования конкретными проблемами и отброшенными за ненадобностью требованиями нормативной морали, которые она тоже считала не более чем «уловками» конкурентов. Однако покончить с «деспотизмом» трансцендентных принципов удалось только ценой установления деспотизма экономического.

Сказав это, нельзя не воздать должного Марксу, различные периоды творчества которого можно рассматривать как определенные этапы единоборства с экономикой как «идолом современности». В его отношении к экономической тематике различимы фазы: 1) отрицания (=осуждения) самого феномена с позиций традиционной морали; 2) постепенного «освоения» экономики через выработку соответствующего концептуального аппарата и попытку позиционировать экономическую эпоху в общем ходе развития человеческого общества; 3) поиска путей преодоления экономики как фазы самоотчуждения индивида.

И хотя низвержение «идола» оказалось для него непосильной задачей, для нашего рассмотрения существенно то, что экономический аспект современного бытия отражен в марксовых теориях не в последнюю очередь как проблема, ожидающая своего разрешения⁹⁸. Ибо в подобном подходе заключена важная мысль: **понятие современного индивида не сводимо к представлениям об «экономическом человеке» — область индивидуальной свободы начинается там, где кончается экономика.**

Разговор о том, насколько применим данный вывод к аграрной сфере, насколько вообще уместна постановка вопроса об индивиде и его свободе в области, привычно относимой нами к разряду сфер сугубо «хозяйственных», нефилософских, лучше всего продолжить средствами анализа конкретно-исторических реалий. Ведь и сама история современного сельского хозяйства, будучи рассмотрена через призму политико-философских концептов, оказывается далеко не столь тривиальной и самоочевидной, какой запечатлена она в бытующих представлениях.

Глава вторая

Аграрная сфера как часть современного общества

Аграрный вопрос в США: «экономический человек» versus «фермерство как образ жизни»

В предыдущей главе мы выяснили, что в XIX в. представление о земледелии как о некоей застойной сфере в хозяйственной жизни европейцев в равной мере разделялось как теоретиками, так и обывателями указанной эпохи. Казалось, сам здравый смысл располагал к уверенности в неминуемом и скором преобразовании сельскохозяйственной деятельности в разновидность промышленного производства, и это превращало проект индустриализации села в разновидность самореализуемого прогноза. Мимоходом заметим, что сама эта уверенность могла служить для последующих поколений исследователей лишним доказательством того, что к XIX в. типичный обитатель Европы прочно утвердился в самосознании «экономического человека».

Как известно, впоследствии современный мир действительно пережил нечто вроде промышленного переворота в аграрном производстве. Но о том, насколько удался данный «модернизационный проект» и что на деле означала индустриализация сельского хозяйства для современного общества, следует говорить подробно. Однако в этом случае объектом пристального рассмотрения лучше взять не Европу, а Америку. Сделать это следует хотя бы уже потому, что Западная Европа, в которой каждая страна обладает своей неповторимой аграрной историей, представляет собой слишком громоздкий и неоднородный объект и требует куда более масштабных исследований, чем это. В сравнении с Европой Соединенные Штаты выглядят неким исторически и эконо-

мически однородным образованием. Работу аналитика облегчает здесь и тот факт, что современное американское общество сформировалось, так сказать, «на пустом месте». Как писал по этому поводу Джордж Сантаяна:

«Дуврский пролив, с одного берега которого иногда можно разглядеть другой его берег, сумел настолько изолировать Англию от материковой части континента, что за всю историю она ни разу ни оказалась идущей в ногу с остальной Европой ни в политике, ни в морали, ни в искусстве. Не удивительно, что Атлантическому океану, хотя он и приветствовал смешанную эмиграцию и дешевые связи, удалось так основательно отрезать Америку [от остального мира], что все ее население, даже латиноязычное, стало интересным образом отличаться от любых европейцев. Так что зря утверждают о них, будто они исповедуют ту же религию или говорят на тех же языках, что и их кузены в старом свете; изменилось все — акцент, дух, ценности... Тем не менее, одна исконно английская способность или привычка не только сохранилась в Америке без изменений, но и нашла здесь наиболее благоприятную атмосферу для проявления своей истинной природы — я имею в виду дух свободного сотрудничества. В основе его лежит свобода личности, глубоко укорененная в характере англичанина»⁹⁹.

Данное наблюдение, высказанное со знанием дела, позволяет уяснить три важных обстоятельства. Во-первых, американский «плавильный котел» очень эффективно переплавлял разнообразный этнокультурный материал в единую нацию. Во-вторых, единственной чертой характера, унаследованной американцами от европейцев, оказалась «свобода личности» — английский индивидуализм, не только не зачахший на новой почве, но расцветший на ней пышнее прежнего. В-третьих, «типично английская свобода» изначально реализовалась в Америке как дух свободного сотрудничества. Все это говорит о том, что уже со времен первых поселенцев в Америке существовала в общем и целом однородная нация «экономических человек».

Верность выводов Сантаяны подтверждает Майкл Оукшот: «Американцы – простые, непритязательные люди... мыслили свое общественное устройство не иначе как продукт исключительно собственных инициатив; они начинали на пустом месте, и все, чем они располагали, было добыто ими самостоятельно. Порожденная первопроходцами цивилизация почти неизбежно приобретает облик сообщества этаких самородков, сознающих собственную самодостаточность, – самородков, рационализм которых есть следствие обстоятельств, а не размышлений. Таких не надо убеждать в том, что всякое знание начинается с *tabula rasa*, свободный разум для них – даже не результат искусственной картезианской прочистки мозгов, а, как говаривал Джефферсон, дар Божий»¹⁰⁰.

Подчеркнем еще один важный момент: данное общество, строившее себя на принципах инструментальной рациональности, изначально задумывалось как сообщество свободных земледельцев. Исходные принципы американского государства сформулировал все тот же Томас Джефферсон. Следующее высказывание отражает суть его политической позиции.

«Наличие в любой стране невозделанных земель и безработных бедняков свидетельствует о том, что законам о собственности позволено здесь выйти за границы естественного права. Земля является общей для всех и дана каждому из нас для того, чтобы мы трудились и жили на ней. Если же, стремясь взбодрить промышленность, мы позволяем кому-то присваивать землю, в таком случае мы обязаны позаботиться, чтобы тем, кто оказывается исключенным из числа собственников земли, была обеспечена занятость. В противном случае безработному должно быть возвращено его фундаментальное право трудиться на земле»¹⁰¹.

Подтверждением заявленных Джефферсоном принципов явился принятый в 1862 г. в результате продолжительной политической борьбы закон о гомстедах¹⁰² (до этого момента федеральное правительство преимущественно прода-

вало землю). В результате к началу XX в. свое право на бесплатное получение земли (в совокупности 80 млн акров¹⁰³) оформили 600 тысяч фермеров. Тем самым было положено начало так называемому классическому периоду в истории американского фермерства. Сложившееся на рубеже XIX—XX вв. американское фермерство по ряду аспектов являло разительную противоположность европейской аграрной сфере, заведомо «отягощенной» наследием традиционных жизненных укладов. Дело в том, что Америка — даже в бытность свою преимущественно аграрной страной — не была страной крестьянской, ибо, как подчеркивают историки, «крестьянство может существовать лишь там, где ... имеет место иерархическое правление, внешняя политическая власть суверена над тем или иным конкретным сообществом «крестьян»»¹⁰⁴. Иными словами, крестьянство как социальная группа представляет собой зависимую часть традиционного иерархически структурированного общества, история же американского фермерства есть история земледельцев нового типа, свободных по определению.

Здесь мы подходим к первому историческому парадоксу: *современное аграрное производство — даже при максимуме предпринимательской свободы, какую только способна предоставить «экономическому человеку» laissez-faire, — не выказывает ни малейшей тенденции к образованию типичных капиталистических предприятий.*

Данная формулировка нуждается в пояснении. Дело в том, что вопреки утверждениям многих экономистов американское фермерское производство представляет собой не просто специфический национальный путь, а способ ведения сельского хозяйства, максимально соответствующий *идеально-типическому* представлению о современном аграрном производстве. Этот вывод становится особенно очевиден при сравнении американского фермерства с другим «идеальным типом» — традиционным способом аграрного производства, с которым познакомил в свое время научную общественность теоретик мелкого крестьянского хозяйства

А.В.Чаянов. Вслед за Чайановым о мелкокрестьянском производстве как основе *досовременного* сельского хозяйства начали писать Т.Шанин и целый ряд западных исследователей, учредивших даже особую дисциплину — «крестьяноведение»¹⁰⁵. Не входя в подробный сравнительный анализ данных двух типов, укажем на главное и принципиальное различие. Оно состоит, по нашему убеждению, в различии субъектов производства: при фермерском типе это, как мы уже отмечали, свободный предприниматель («экономический человек», индивидуалист), работающий на рынок, при крестьянском — сообщество, состоящее из материально, морально и юридически несамостоятельных лиц («коллективистов»), производственная деятельность которых нацелена в первую очередь на удовлетворение нужд своего сообщества. Так вот: ни эти, ни какие-либо другие различия в характере фермерского и крестьянского производств не уничтожают того факта, что *в обоих случаях речь идет о хозяйствах семейного типа.*

С первым историческим парадоксом связан второй. *Единственные известные из истории примеры типично капиталистического ведения сельского хозяйства были зафиксированы в конце XVI — начале XVII вв., еще до начала первой промышленной революции.* Именно эти примеры отразил в «Капитале» Маркс, поспешивший усмотреть в них прообраз будущего капиталистического сельского хозяйства¹⁰⁶. Но в том-то и парадокс, что зрелый капитализм никогда ничего подобного не создавал. Так что при ближайшем рассмотрении выясняется, что как таковые зафиксированные историками примеры не могли быть ничем иным, как неудачными попытками владельцев (или арендаторов) феодальных усадеб оптимизировать собственное сельскохозяйственное производство. Это уточнение дает ключ к данному парадоксу: для того чтобы разгадать загадку первых и последних в истории «агрофабрик», надо, анализируя указанный феномен, перевернуть привычную причинно-следственную связь, как это сделал в своем исследовании генезиса капитализма

Ю.М.Бородай применительно к зарождавшейся в условиях первой промышленной революции «индустриальной рационализации» экономики. Ведь обычно факт появления на производстве первых машин приписывают прогрессу в области точных наук и механики, путая тем самым причину со следствием. Рассматривая конкретные исторические условия возникновения индустриального способа производства, Бородай обратил особое внимание на специфику ситуации, а именно на бедственное положение согнанных с земли английских крестьян, следствием чего было образование в избыточных количествах потенциальной рабочей силы для возникающих капиталистических предприятий. Это обстоятельство он сопоставил с теми страницами «Капитала», где указывается, что «...В середине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полудиотов»¹⁰⁷, и пришел к выводу, что по своей исторической роли «машина – это не столько техническое изобретение, сколько результат социального процесса массовой пауперизации населения, что потребовало расчленения целостного ремесленного труда на ряд частичных примитивных операций, доступных полудиоту или ребенку»¹⁰⁸. Иначе говоря, первым импульсом, заставившим «экономического человека» вводить у себя на производстве механические приспособления, было стремление использовать в процессе создания прибавочной стоимости ту бросовую, «дармовую» рабочую силу, каковой являлось в массе своей деклассированное крестьянство и в особенности наиболее безропотная его часть – дети и жены бывших тружеников. Первая промышленная революция возникла как ответ предпринимателей на специфическое состояние английского общества: расчленив традиционный (ремесленный) производственный процесс на серию примитивных операций, применив механические приспособления, пригодные для выполнения этих операций, хозяева мануфактур тем самым обеспечили себе возможность использовать на своих предприятиях практически бесплатный труд «полудиотов» и попутно («невзначай») изобрели новый спо-

соб производства, давший реальный выход из исторического тупика. Таким образом, будто бы в подтверждение философии Мандевиля, выясняется, что индустриализация экономики явилась отнюдь не запланированным результатом высоких устремлений ученых, а всего лишь побочным продуктом «низменного» стремления мануфактурщиков к наживе. То же самое происходило и в сельском хозяйстве Англии — с той лишь разницей, что там попытки экономически мыслящих арендаторов пристроить к делу деклассированную рабочую силу не увенчались успехом, оказавшись *экономически неэффективными*, о чем свидетельствует бесследное исчезновение со сцены существовавших в этой стране в XVI—XVII вв. крупнокапиталистических аграрных производств: они были повсеместно вытеснены фермерскими хозяйствами семейного типа.

Этот вывод возвращает нас к американскому фермерству. Вопреки устоявшимся стереотипам в области подачи фактов (о них будет сказано в свое время) американское фермерство никогда не знало ничего похожего на индустриальный способ организации аграрного труда. Однако сегодняшнее положение дел таково, что и в массовом сознании, и в понимании многих специалистов «окончательный» перевод сельского хозяйства на индустриальные рельсы все еще сохраняется в качестве некоего императива модернизации. Поэтому для выяснения истины не обойтись без экскурса в историю вопроса.

«На протяжении почти что двух веков «грязные фермеры» служили орудием разрешения экономических и политических проблем страны... Феноменальные успехи американских фермеров задавали тон развитию промышленности, обеспечивали потенциал для отвлечения людских ресурсов на другие, вновь возникающие виды хозяйственной деятельности, укрепляли в нации веру в себя и стремление к достижению новых высот»¹⁰⁹. Это слова из доклада, составленного в 1983 г. экономической комиссией конгресса США. За ними — история непрерывной упорной борьбы

фермерских семейств за выживание. На рубеже XIX и XX вв., в период расцвета «классического» фермерства, эта борьба в общих чертах ничем не отличалась от той, которую вынуждены вести все предприниматели в условиях свободного рынка. В частности, в одной из работ В.И.Ленина мы находим статистику развития американских ферм в первое десятилетие XX в., на основе которой им делается вывод: «Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во всех районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства. Рост числа наемных рабочих обгоняет рост сельского и всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста сельского населения. Усиливаются и обостряются классовые противоречия... В общем и целом, — заключает Ленин, — сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам, при несравненно большей отсталости второго, замечательную одинаковость законов эволюции, вытеснение мелкого производителя и здесь и там»¹¹⁰. Современный американский экономист Дж.Райт, решив «пойти по стопам» Ленина, взял приведенные им данные за основу собственного исследования, но при этом расширил временные рамки анализа до 1920 г. включительно. Райт приходит к характерному выводу: «Подробный анализ представленных Лениным данных показывает, что поставленный им диагноз был в сущности верен для своего времени — верен не только с точки зрения приведенных данных, но и с точки зрения описания тех экономических сил, действие которых определяло ситуацию. Однако если говорить о долговременной тенденции, то это была тенденция к механизации сельского хозяйства, а не тенденция к использованию наемного труда»¹¹¹. Между тем именно надежда найти подтверждение «классических марксистских представлений» (согласно им, «главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд»¹¹²) подтолкнула Ленина к тому, чтобы взяться за изучение современного ему состояния фермерской экономики США. Однако (как раз с точки зрения «главного признака») побе-

ды капитализма в земледелии США никак не получалось — и не только при жизни Ленина, но и в последующие десятилетия, ибо, как писал Дж. Райт в 1983 г., «согласно современным социологическим исследованиям, как на всем протяжении века XIX, так и в XX веке семейная ферма оставалась не только сохраняющейся, но и утверждающейся формой»¹¹³.

Принимая во внимание то, на какой период российской истории пришлось появление статьи Райта, можно предположить, что сделанный им вывод мог быть расценен у нас в стране не иначе, как «идеологическая диверсия». Какими же были дежурные аргументы советских оппонентов Райта, обязанностью которых было не дать в обиду официальную марксистскую догму? Большинство из них, стараясь обходить стороной деликатный вопрос о наемном труде на фермах, сосредоточилось на сюжете массового разорения семейных ферм и замены их «крупными капиталистическими предприятиями индустриального типа» (не раскрывая, впрочем, что имеется в виду под этими последними). Вот наиболее типичные из предлагавшихся в те годы в нашей стране прогнозов развития американского аграрного сектора: «...практически вся сельхозпродукция будет производиться под контролем небольшого числа (менее 500) крупнейших сельскохозяйственных корпораций индустриального типа. Речь, стало быть, идет о дальнейшей концентрации производства вокруг крупных капиталистических предприятий, основанных на эксплуатации наемного труда»¹¹⁴ или «К этому времени (к 2000-му году. — *И.М.*) 50 тысяч крупнейших хозяйств — сугубо капиталистических предприятий — будут продавать 75% всей сельскохозяйственной продукции США»¹¹⁵. С началом перестройки присущий подобным публикациям академически-отстраненный тон описания американской аграрной действительности резко сменился на восторженно-одобрительный. Получилась интересная динамика: не успев толком оправиться от закоснелого и замшелого марксистско-ленинского догматизма, отечественная аграрная мысль очертя голову бросилась в объятия «капиталистических акул». Одна-

ко легкомысленным такое поведение стратегов социалистического аграрного строительства может показаться лишь непосвященным. На самом деле еще с конца 50-х годов — с момента посещения Н.С.Хрущевым фермы Росуэлла Гарста в Айове (уже тогда представлявшей собой научно-производственный центр) — «высокая» аграрная теория, что называется «не меняя вывесок», переключилась на вдохновенные планы осуществления на селе научно-технической революции, призванной модернизировать не только производственную, но и социальную сферы¹¹⁶.

Справедливости ради, следует отметить, что работа в контакте с акулами американского агробизнеса позволила указанным толкователям прогресса невзначай прикоснуться к «болевному нерву» современности — правда, отнюдь не отечественной, а американской. Но и американская аграрная действительность открылась им лишь в пределах, очерченных кругозором славного семейства Гарстов-Кристалов. О том, что означенные специалисты и сами сознавали «пустотворность» привозимых домой рецептов, говорит занятая многими из них позиция этаких оракулов, вещающих для грядущих поколений и презрительно игнорирующих поколения нынешних своих, безнадежно отставших, соплеменников. Кстати, и их назидательный тон как таковой был всего лишь калькой с наставлений, регулярно получаемых бесконечными делегациями советских аграрников во время их стажировок на теперь уже бывшей «научно-производственной» ферме Гарста — вот уже много лет, как «учебная» ферма перешла по наследству к племяннику Гарста банкиру Джону Кристолу (заметим, что советская наука от этого не пострадала, так как вместе с фермой оный бизнесмен получил «в наследство» от Гарста также и роль сельхозсоветника «у русских»). В своем интервью американскому фермерскому журналу, претенциозно озаглавленном: «Когда говорит Кристол, Горбачев слушает», предприниматель рассказывает, как учит русских мыслить масштабно и не буксовать на мелочах. В частности, о семейном фермерстве он отзывается так: «Я пре-

дупреждаю их, что им не следует рассчитывать на это бесконечно. Я говорю им, что пройдет 20 лет, эти семьи обзаведутся телевизорами, машинами, и им уже не захочется возиться с овощами, фруктами или цветами»¹¹⁷.

Думается, данного краткого знакомства с эволюцией отечественных способов освоения американского сельскохозяйственного опыта вполне достаточно для того, чтобы понять: на протяжении десятилетий фермерская проблема оставалась для российских исследователей тайной за семью печатями. Виной тому – не столько «железный занавес» (вынудивший взаимно обособиться две якобы противоположные цивилизации), сколько, напротив, тот факт, что между нашими двумя системами общего оказалось больше, чем можно было предположить, и одно из следствий этой схожести систем – демонстрируемая ими обеими определенная идеологическая слепота в отношении целого ряда явлений не столько материального, сколько духовного свойства.

Косвенным указанием на подобную слепоту как раз и является поразительная «ненаучаемость» многих поколений как западных, так и восточных политических стратегов, предвкушающих окончательный триумф индустриального общества и не видящих, как уже многократно похороненное ими американское фермерство каждый раз, подобно возрождающемуся из пепла Фениксу, вновь возникает в очередных сводках министерства сельского хозяйства США.

Между тем проблема выживания семейной фермы – не выдуманная. Вот ее внешняя, наиболее наглядная сторона: только за период с 1970 по 1980 гг. общее число фермерских хозяйств сократилось более чем на 200 тысяч. Два века назад в США фермерствовало 90% населения, сейчас – менее 2%¹¹⁸. «Всю серьезность нынешнего положения американских фермеров начинаешь по-настоящему понимать только тогда, когда окунешься до конца в их среду, повседневную жизнь, когда наслушаешься полных трагизма историй тех фермеров, которым пришлось оставить свое дело... Постоянное сокращение численности ферм повлекло за собой не

только снижение численности населения, проживающего на фермах, но и ускорило миграцию из сельской местности тех, кто снабжал фермеров и их семьи машинами, удобрениями, семенами, горючим, кто покупал и перерабатывал их продукцию, учил их детей, оказывал многие другие услуги, можно безо всякого преувеличения говорить о депопуляции огромных территорий Среднего Запада США»¹¹⁹.

Многое в данной ситуации способны прояснить следующие цифры: только за период с 1958 по 1981 гг. производительность труда на ферме возросла на 32%, если измерять в количестве продукта на 1 акр земли, если же измерять в человеко-часах — то на целых 240%¹²⁰. Фермер сам себя выживает?

У проблемы есть и другая сторона: если собственно фермерством в стране заняты ныне, как уже было сказано, менее 2% населения, то в отраслях бизнеса, ведающих комплексом операций по снабжению ферм всем необходимым, а также транспортировкой, хранением, переработкой и сбытом их продукции, работает порядка 23% населения. Такое разделение обязанностей значительно сузило сферу компетенции фермера — традиционный для Америки сельхозпроизводитель оказался окруженным сжимающимся кольцом представителей «агробизнеса». Так что уже с конца 70-х годов ушедшего века многим стало казаться: еще один шаг — и на самой земле тоже начнут обходиться без фермера. Однако серьезные исследователи всегда отметили подобную возможность. Взять хотя бы вполне подтвердившиеся прогнозы Центра по развитию сельского хозяйства и села, составленные на период до 2000 г. еще в 1980 г.:

«Хотя в Восточной Европе существенная роль принадлежит государственным и кооперативным сельхозпредприятиям, хотя в Западной Европе определенное развитие имеют кооперативное фермерство, а в Северной Америке идут жаркие споры вокруг фермерских корпораций, перспективы все же таковы, что в странах с развитой рыночной экономикой семейное фермерство будет продолжать доминировать и в 2000 году»¹²¹.

Однако прогнозы прогнозами, а кое-что в статистике не дает, на первый взгляд, оснований для столь однозначных выводов в пользу семейной фермы. Так, например, согласно подсчетам профессора Башмачникова, сделанным на основе последней сельскохозяйственной переписи США, треть (34%) всей производимой в этой стране аграрной продукции поставляется сельхозпредприятиями индустриального типа. Правда, на каждом из таких предприятий (являющихся по масштабам американского сельского хозяйства гигантами отрасли), постоянно занято лишь по 12–16 наемных рабочих. Однако и такое ничтожное, по нашим представлениям, число работающих *слишком велико* для традиционных форм организации фермерского труда, то есть требует характерной для индустрии пирамидальной структуры управления и освобожденного работодателя.

Но если индустриальные формы фермерства дают треть всей аграрной продукции, то как же быть с утверждениями о нереальности подобных форм, полученными нами в частной переписке¹²² с профессором-аграрником Д.Р.Хендерсоном из университета штата Огайо? На самом деле противоречия здесь нет — просто речь идет о разных вещах. Если проф. Хендерсон говорит о невозможности «фабрик на земле», то фигурирующие в вышеуказанных подсчетах крупные производители как раз и не относятся к разряду пользователей земли. Ведь на их долю приходится всего 10% задействованных в сельском хозяйстве земельных угодий. И как подчеркивает сам Башмачников, цифры эти свидетельствуют вовсе не о какой-то сказочной производительности полей, принадлежащих этим предприятиям, а о том, что производимая ими треть совокупной аграрной продукции страны не является в массе своей продукцией непосредственно сельскохозяйственной. Иными словами, индустриализированные суперфермы принадлежат к категории так называемого «вторичного фермерства». Сюда относятся фермы по откорму скота, бройлерные фабрики, предприятия по переработке овощей и пр. Достаточно заглянуть в американские исследования, изуча-

ющие структурные изменения в сельском хозяйстве, как станет ясно, что среди фермерских хозяйств есть такие, которые, пусть в минимальной степени, но приемлют-таки индустриализацию самого процесса труда. Однако это отнюдь не любые фермерские хозяйства, а лишь те, которые не связаны с землей как основным средством своего производства¹²³. В самом деле, ведь и бройлерные фабрики и откормочные¹²⁴, как правило, не занимаются производством кормов — из-за дороговизны земли корма выгодней покупать. Отсюда четкое деление современного аграрного производства на «первичное» и «вторичное» фермерство. И хотя продукция «вторичного» фермерства попадает в ту же статистическую графу, что и собственно земледельческая продукция, тем не менее когда говорят о фермере, то имеют в виду именно фермера-земледельца, «первичного» фермера.

«Если смотреть только на объем продаж в долларах, то получится, что крупнейшие из ферм все это время быстро расширялись. Но такой вывод отчасти является результатом словесной эквилибристики, ибо строится на неразличении фермерства и агробизнеса. Так, например, по некоторым прикидкам, семь из каждых десяти крупнейших ферм занимаются разведением птицы. Однако распространенная практика зачисления всех продаж птицеводческих предприятий в разряд сельскохозяйственной продукции вызывает сомнения, поскольку засчитывается и такая продукция, которая никогда не считалась фермерской»¹²⁵.

Зачем нужны нашему анализу подобные тонкости современного сельхозпроизводства? Затем, чтобы полнее представить себе парадоксальность ситуации. Она состоит в том, что и ультрасовременному, высокопроизводительному, технологичному, высоко специализированному аграрному производству США присуща та самая особенность, о которой мы говорили, описывая Америку времен первых поселенцев: основу всего этого разнообразия форм и методов ведения сельского хозяйства по-прежнему составляет семейное фермерство. Фермер уходит, но... остается. Почему? Для того

чтобы ответить на этот вопрос — для того чтобы выяснить особые причины сверхъестественной живучести этого архаичного мелкого производителя, задачу уничтожения которого еще молодой Маркс объявлял «альфой и омегой» своей революционной борьбы, — необходимо вернуться к тому историческому моменту, когда «классический» фермер оказался вынужденным поступиться многими из своих свобод под давлением в одночасье возникшего агробизнеса.

Собственно говоря, эта история имеет мало отношения к внутренней динамике развития американского сельского хозяйства; скорее она — часть большой политики власть имущих. Если на рубеже XIX и XX вв., американское аграрное производство было исполнено духом свободного предпринимательства, то к середине XX в. политическая доктрина главных стратегов американского государства уже успела распространиться с принципами, заложенными Джефферсоном, которые, напомним, гарантировали каждому гражданину США право зарабатывать себе на жизнь земледельческим трудом. К периоду окончания второй мировой войны уже никто из действующих американских политиков не мыслил подобными категориями. Между тем война и особенно послевоенная международная ситуация обернулась необычайными выгодами для фермеров Америки, тогда еще только начинавших оправляться от последствий «великой депрессии» 30-х годов: им представилась возможность стать кормильцами лежащей в руинах Европы. «Послевоенная нехватка продовольствия в Европе и Азии, корейская война, а также поправка Стиголла обеспечивали поддержание достаточно высоких цен на фермерскую продукцию вплоть до 1953 г.»¹²⁶. Для американских фермеров то был период двенадцатилетнего (1941—1952 гг.) процветания, для американского правительства — период переоценки ценностей: из чисто внутреннего дела сельское хозяйство стремительно превращалось в мощный фактор мировой политики. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания сильных мира сего. Внезапно зерно и мясо сделали для страны такими же

«стратегическими ресурсами», как нефть или урановая руда. Это было время вынашивания правящими кругами пресловутой доктрины «продовольственной войны»¹²⁷. Именно тогда в министерстве сельского хозяйства США впервые заговорили о «контроле со стороны корпораций, способном «рационализировать» аграрное производство»¹²⁸. Тогда же, в 1955 г., помощник министра сельского хозяйства Джон Дэвис пустил в оборот термин «агробизнес», а сам министр впервые предложил фермерам «укрупняться или убираться» («Get big or get out»)¹²⁹.

Заручившись гарантиями правительства, большой бизнес не заставил себя долго ждать. Усиленно поощряемый администрацией мощный приток в сельское хозяйство капитала и крупномасштабного предпринимательства придал необратимый характер качественным изменениям в структуре аграрного производства. Ориентация сельского хозяйства страны на международный рынок была раз и навсегда возведена в ранг государственной политики.

Так состоялась «рационализация» американского сельского хозяйства. Агробизнесу действительно удалось основательно модернизировать снабжение ферм оборудованием, химикатами, племенным материалом. Революционные изменения происходили в сфере услуг, в сфере хранения, переработки и сбыта фермерской продукции. Все это постепенно подвело фермерство к современному состоянию всевластия «обслуживающих» фирм, которые ныне присваивают себе $\frac{2}{3}$ всей производимой в аграрном секторе стоимости.

А что же сам фермер? Он согласно правительственному предписанию все эти годы «укрупнялся или убирался» — и немало преуспел и в том и в другом. С 1958 по 1981 гг. число фермерских хозяйств уменьшилось с 4 млн 200 тыс. до 2 млн 400 тыс., а удельный вес фермеров в общей численности населения страны сократился с 9,9 до 2,7%. Зато средний размер фермерских владений увеличился со 180 до 260 гектаров. По прогнозу Центра развития сельского хозяйства и села, к 2000 г. фермер сможет в одиночку обрабатывать 800 гектаров, а вдвоем — 1600 гектаров¹³⁰.

Так что стараниями правительства укрупнение пошло семимильными шагами. Но достаточны ли наличные темпы концентрации фермерского производства для обеспечения надлежащего роста производительности труда на фермах? Этим вопросом задались экономисты, ставшие свидетелями инициированных политиками беспрецедентных перемен в аграрной сфере. Результаты проведенных ими исследований были обескураживающими. Приведем лишь один типичный пример, касающийся эффективности орошаемого хлопководства.

«...На равнинах Техаса наивысшая эффективность орошаемого хлопкового хозяйства достигается на площади 400 акров (240 гектаров. — *И. М.*), возделываемой одним человеком. Между тем данные переписи свидетельствуют о том, что именно эта категория ферм (с площадью менее 500 акров) с 1959 по 1964 г. численно сокращалась... Зато на фермах с площадью от 1000 до 999 акров (наименее эффективных) зафиксирован 5-процентный прирост площадей возделываемых земель»¹³¹.

Приведенный пример наглядно показывает, что болезнь гигантизма, которую мы привыкли связывать с представлениями о советской разваливающейся экономике, стала бедой также и для американского сельского хозяйства, и навлекли эту беду его собственные аграрные стратеги, оказавшиеся в этом вопросе ничуть не квалифицированнее наших партаппаратчиков. Мы настолько привыкли полагать, что чем крупнее производство, тем оно эффективней, что забываем спросить себя: а почему так? Почему именно в безграничном увеличении размеров предприятия усматриваем мы залог столь же безграничного наращивания производительности труда? Данное убеждение, рожденное в эпоху, когда всякие производственные единицы были еще настолько малы, что любое расширение их автоматического работало на повышение эффективности, — это убеждение приобрело со временем силу предрассудка. И даже такой знаток мелких производственных форм, как А. В. Чайнов, умевший прекрас-

но продемонстрировать неприемлемость принципа «укрупнительства» к работе на земле, считал все же необходимым исходить как из аксиомы из допущения, что «при прочих равных условиях хозяйство крупное почти всегда имеет преимущество перед хозяйством мелким»¹³².

Вместе с тем тот же Чайанов уже в начале века пришел к выводу, что «в земледелии количественное выражение крупного хозяйства над мелким незначительно. Основная причина этого заключается в том, что в промышленности... была возможность концентрировать производство в пространстве, где можно было десятки тысяч лошадиных сил свести к одному паровому двигателю, где можно было бы тысячи рабочих поместить под одной крышей многоэтажного фабричного корпуса. Этим создавалась огромная экономия и значительно понижалась себестоимость изготавливаемого продукта»¹³³.

Итак, смысл укрупнения в промышленности – в возможности «растянуть» одни и те же производственные затраты на как можно больший объем конечной продукции. Но в таком случае теоретически (а ныне уже и практически) возможна ситуация, когда возросший объем производства уже не покрывается наличными затратами, а требует дополнительных. Тогда общая себестоимость продукции может значительно возрасти, а значит, все предприятие вместо прибыли понесет убытки. Именно такая ситуация наиболее типична, утверждает Чайанов, для укрупняющегося земледельческого хозяйства, где «сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия... Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглощается удорожанием внутрихозяйственного транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее наступает это поглощение... Нередки случаи, когда при интенсификации хозяйства крупные владельцы были принуждены дробить свои поместья на ряд отдельных хозяйств-хуторов. Являясь крупными землевладельцами, они были мелкими и средними земледельцами»¹³⁴.

Но все это далеко не исчерпывает вопроса. Указав на порочность проводимой в сельском хозяйстве США политики укрупнения ферм, мы тем самым еще даже не приблизились к сути проблемы. Ведь если бы некомпетентность чиновников аграрного ведомства США являлась единственной причиной происходящего, упущения их рано или поздно были бы замечены и устранены. Однако действительные причины происходящего гораздо серьезней.

На первых порах ситуация в сельском хозяйстве США, где общий прогресс отрасли сопровождался разорением мелких ферм и возрастанием удельного веса крупных, действительно, способна была ввести американских экономистов в заблуждение, порождая у многих ошибочное представление, будто размеры семейных хозяйств недостаточны для осуществления той экономии на затратах, которая составляет сущность эффекта масштаба¹³⁵. Велик был соблазн успокоиться на мысли, что все происходящее в послевоенном сельском хозяйстве является собой самый что ни на есть прогресс, — именно так и поступили в большинстве своем наши экономисты, комментирующие положение дел в аграрном производстве современного Запада.

Однако на самом Западе уже начиная с 1960-х гг. данную иллюзию стали последовательно развенчивать авторы многочисленных исследований, показавшие, что «превышение фермой размеров семейного хозяйства, рассчитанного на двух человек, неоправданно с точки зрения эффективно-го использования ресурсов»¹³⁶. Дело в том, что наиболее ценны для любой нации как раз те аграрные хозяйства, которые доходность свою повышают именно за счет эффективного использования ресурсов. Между тем в конкретных условиях конкурентной борьбы, в которых оказались фермеры в результате вмешательства неравнодушного к агробизнесу государства, выявилось, что сплошь и рядом эффективно работающая ферма скромных размеров не дает ее владельцу необходимой для продолжения дела *массы* прибыли вследствие *неравноправного* партнерства с фирмами агробизнеса,

непрерывно вздувающимися цены на технику, материалы и услуги, с одной стороны, а с другой — диктующими цены, по которым фермер может сбыть свою продукцию. В условиях же отсутствия государственной поддержки *равноправия* с агробизнесом можно достичь только одним способом — став *равновеликими* с ним предприятиями. Но для сельского хозяйства подобное — утопия. Вот почему «в первой половине XX в. чистая прибыль фермеров составляла порядка 40% валового дохода. Начиная с 1950-х гг. прибыльность фермерства стала резко падать. В 1972 г. чистый доход равнялся уже 29%. Все это время производственные расходы росли быстрее цен, по которым продавали фермеры свою продукцию»¹³⁷. Так создалась ситуация, которую американские экономисты окрестили «тисками эффективности и прибыльности» (*efficiency-profitability squeeze*), — ситуация, по сути своей совершенно аналогичная российскому аграрному типу, попав в который сельхозпроизводитель постоянно (и обоснованно) жалуется на «ножницы цен».

Что означает наличие «ножниц цен» в условиях регулируемой рыночной экономики? Только одно: государство позволяет крупным производителям действовать с позиции силы в отношении мелких производителей, иными словами, оно встает на сторону сильного. Такая позиция понятна, когда доказано, что именно крупный производитель выгоден нации в целом (ведь обязанность государства — выступать представителем интересов нации). В данном же случае доказано как раз противоположное: «До тех пор, пока укрупнение дает возможность крупномасштабным агропроизводителям наращивать прибыль, их узкоэгоистический интерес будет толкать их на укрупнение, даже если из-за этого им придется частично жертвовать эффективностью. Следовательно, то, что является рациональным и выгодным для отдельных фермеров (т.е. прибыли), для общества в целом оказывается нерациональным и разорительным (т.е. неэффективность использования ресурсов)»¹³⁸.

Обобщая результаты своих исследований, некоторые экономисты отмечают, что ситуация, в которой мелкому производителю навязывается гонка укрупнения, ведет к искажению *самого понятия* экономической эффективности в контексте официальной экономической науки. Так, если «классическое» фермерское хозяйство добивается эффективности в соответствии с экономической формулой $output/input$ (доход/издержки), то индустриальные предприятия агробизнеса все чаще реализуют свою «эффективность» методом ограничения партнера¹³⁹.

В подобных случаях некоторые интеллектуалы, желая оправдать проводимую политику, говорят, что правительством движут «макроэкономические соображения». Если же вспомнить при этом, что «макроэкономической» не раз величали также и философию Мандевилля, трудно удержаться от вывода, что в данном случае мы имеем дело с очередным жертвоприношением идолу экономики. Ибо зачастую вся мудрость такой «макроэкономики» сводится к банальной идолизации страстей «экономического человека». Производимой таким образом подмене действительных интересов общественных групп примитивной страстью к наживе придается наукообразный вид при помощи апелляций к неким никому толком не известным «законам экономики». Не настал ли черед фермера становиться жертвой современного шаманства?

«Фермеры против своей воли сделались заложниками той нескончаемой гонки укрупнения, на которую толкают их «ножницы цен». Поставляющие и перерабатывающие фирмы, эти олигархи агробизнеса, поджимают фермера с обеих сторон, оставляя ему только один путь — укрупнение: «укрупняйся или убирайся». Миф об эффективности крупных хозяйств порождает иллюзию, будто укрупнение индивидуальных ферм является ответом на требования, выставяемые «свободным рынком». В действительности же фермеры оказались невольными жертвами аграрного капитализма»¹⁴⁰.

А значит, «единственное спасение от участи жертвы – в том, чтобы «преуспеть», т.е. «пробиться» в класс эксплуататоров, а там оставаться настолько «специалистом», настолько «мобильным», чтобы не чувствовать результатов подобного образа жизни»¹⁴¹.

Здесь необходимо на время прервать повествование о нелегкой доле американского фермера и обратить внимание на терминологию, которой оперируют процитированные выше экономисты. Она весьма любопытна, ибо в качестве врага семейного производителя здесь называют то «аграрный капитализм», то «класс эксплуататоров». Но разве не является «аграрным капиталистом» и сам фермер? Ведь, как было установлено нами с самого начала, в отличие от традиционного крестьянина американский фермер во все времена воплощал собой типаж экономически мыслящего индивидуалиста, не представляющего своего дела вне конкурентной борьбы. Казалось бы поэтому, какая может быть драма в том, что один предприниматель «проглотил» другого? И какие претензии можно предъявить по этому поводу политикам?

Однако суть настоящей коллизии именно в том и заключается, что семейного фермера (независимо от того, есть ли у него семья или же он фермерствует в одиночку, использует ли наемных работников или справляется своими силами) никто в Америке ни за что не отождествит с «капиталистом». Позволить себе подобное могли разве что советские аграрники, изучавшие фермерство по Ленину. В представлении же самих американцев между семейной фермой и капиталистическим предприятием так же мало общего, как между афоризмом: «фермерство – это не бизнес, а образ жизни» и девизом: «прибыль любой ценой». Главное, в чем обвиняют рядовые граждане разработчиков нынешних аграрных стратегий – это в том, что они позволили себе подобное отождествление. Все уверены: до тех пор, пока правительством не защитит фермера от «капиталистов», расплачиваться за развязанный этими последними «экономический каннибализм» будет все общество. Гон-

ка укрупнительства, перенесенная из промышленности в сельское хозяйство, оборачивается насилием над общим достоянием нации — природной средой:

«Вновь клубятся над Техасом и Оклахомой пылевые облака. В Канзасе снег выпадает пополам с грязью. Сугробы Айовы и Дакоты черны от сдуваемой земли. Поля теряют гумус, почвы перестают быть пористыми, хуже удерживают влагу и, стало быть, все больше зависят от пестицидов и химических удобрений. Возникает необходимость во все более крупных тракторах, так как спрессованная земля все труднее поддается обработке, но утяжеление тракторов означает еще большее спрессовывание земли»¹⁴². Капиталоемкость отрасли растет устрашающими темпами, и не последнюю роль в этом процессе играет то, что предмет аграрного труда — *живая природа* с каждым циклом индустриально организованного производства становится все менее живой, катастрофически удаляясь от своего первоначального плодородия. И для того чтобы хоть отчасти ее «реанимировать», требуются все большие затраты. «Известно, что теперь выращивание одного бушеля кукурузы оборачивается утратой (вследствие эрозии) двух бушелей почвы Айовы. На производство одной калории гибридной кукурузы затрачивается, по разным подсчетам, от 5 до 12 калорий твердого топлива»¹⁴³.

Кто посмеет назвать подобное «рационализацией аграрного производства»? «Если бы сейчас во всем мире перешли на американскую энергоинтенсивную методику производства пищи, то все известные мировые запасы нефти были бы исчерпаны за какие-нибудь 13 лет»¹⁴⁴. Американцы понимают: все происходит так, как происходит, потому что это выгодно гигантам агробизнеса, и разговорами о «максимальном количестве счастья для наибольшего числа людей» в данном случае никого не вразумишь.

В ситуации, когда инструментальная рациональность «экономического человека» начинает столь явно демонстрировать свою беспомощность, взоры общества неизменно обращаются к тем, в ком привыкли видеть оплот иной раци-

ональности, иных жизненных ценностей. Отсюда повышенный интерес американцев к фермерской проблеме, к перспективам семейного фермерства.

«Является ли семейная ферма вымирающим видом, таким, как, скажем, синий кит или калифорнийский кондор? — вопрошает профессор Паарлберг и сам отвечает: — Ответ зависит от того, что понимать под семейной фермой. Если вы имеете в виду ее историческое определение, согласно которому оператор фермы и его семья сами обеспечивают все слагаемые производства (землю, труд, капитал и общее руководство), то такой ферме действительно грозит исчезновение. Если же вы определяете как семейную всякую ферму, которая обслуживается в основном трудом самого фермера и членов его семьи, то такой семейной ферме ничто не угрожает. В этом определении семейные фермы составляют 95% всех ферм и производят 2/3 всей товарной продукции. Данные числовые соотношения оставались практически неизменными на протяжении десятилетий»¹⁴⁵.

Строго говоря, тезис Паарлберга о «вечности» семейной фермы невозможно доказать, исходя только из экономических аргументов, ибо главные здесь не они, а их *внеэкономическое* основание. Но и сам по себе экономический аспект «живучести» фермера достаточно интересен и заслуживает специального рассмотрения. Речь идет, в сущности, о тех же фактах, которые в свое время заставили Маркса отказаться от попыток приравнять крестьянина одновременно и к капиталисту, и к наемному рабочему. Неизвестно, читал ли Паарлберг Маркса, но ход его мысли почти дословно повторяет марксов:

«Семейный фермер гораздо инициативней наемного организатора работ. Он сам себя нанимает и сам же себя контролирует. В период сева и уборки урожая он, если потребуются, будет работать дольше обычного. Усилия его естественным образом концентрируются на тех участках, где в данный момент его труд дает наибольшую отдачу. Он всегда заботливо следит за здоровьем стада и состоянием посевов.

В период отелов он, если будет нужно, всю ночь не сомкнет глаз. Совсем другое дело — пастух, овцы которого ему не принадлежат... В тяжелые времена семейный фермер всегда готов потуже затянуть пояс и поменьше заплатить себе самому; зато когда дела пойдут в гору, он сделает все, чтобы обеспечить удачу. Теперь сопоставьте все это с уязвимыми местами корпоративного фермерства: зарплата, стабильность которой гарантирована профсоюзом, забастовки во время уборочной страды, жестко ограниченные часы работы и регламентация условий труда, незаинтересованность в труде и необходимость мелочного надзора за наемным работником»¹⁴⁶.

Понятно, что если семейный фермер именно таков, каким описывает его Паарлберг, агробизнесу вряд ли есть смысл лишать его любимого дела, тем более, что при помощи «ножниц цен» агробизнес и так присваивает ту разницу, которая и обеспечивает ему сверхприбыль. Между тем в реальной истории американского сельского хозяйства без попыток индустриализировать процесс фермерского труда, конечно, не обошлось, ибо в чем еще, как не в индустриализме способны усматривать рационализацию инициаторы укрупнения ферм? На описании этих начинаний нет смысла останавливаться подробно. Достаточно сказать, что уже в 1970 г. в «Американском журнале аграрной экономики», проанализировавшем подобного рода попытки, был сделан вывод о том, что наемный труд в сельском хозяйстве невыгоден. Вывод этот может показаться оторванным от жизни, поскольку сельское хозяйство никогда не обходилось без наемных работников. Однако, как подчеркивается в журнале, во все предшествующие эпохи, различные в истории фермерства, речь шла именно о «работниках», а не о «рабочих». В чем же преимущество первых перед вторыми? Только не в уровне оплаты труда: зарплата, как и вообще жизненный уровень сельских работников, традиционно отставали от уровня благ, доступных промышленным рабочим. И все же это не было препятствием для снабжения сельского хозяйства дополнительной рабочей силой. Очевидно, иг-

рало роль то обстоятельство, что это *не* был *промышленный* найм — в условия найма сельскохозяйственного работника, как правило, входило обеспечение его пищей и кровом, и, что еще важнее, сам статус работника, его образ жизни не имели ничего общего с жесткой регламентацией и монотонностью индустриального труда. Характер работы был тем же, что у фермера-нанимателя и членов его семьи. Такое положение (вспомним свидетельство Хендерсона) сохраняется и по сей день — везде, где наемных работников не больше четырех-шести человек. И отношения хозяина с работниками здесь совсем не те, что на настоящем капиталистическом производстве: нет ни «чистых» руководителей, ни «чистых» исполнителей. И хотя «классового антагонизма» между хозяином и работником не может не быть, в то же время нельзя считать случайностью тот факт, что вплоть до середины XX в. в сельском хозяйстве США не возникало ничего похожего на рабочее движение. В этой связи показательны то, что рожденное «новым курсом» Ф. Рузвельта трудовое законодательство никто не подумал распространить на сельхозработчиков — не было надобности.

Подчеркнем: все это относится лишь к традиционной рабочей силе на фермах, между тем как политика укрупнения предполагала вытеснение ее индустриальной рабочей силой. Точнее, таковыми хотели видеть сельхозработчиков многочисленные предприниматели, вознамерившиеся воспользоваться дешевой и юридической незащищенностью сельской рабочей силы для организации «фабрик на земле» — индустриальных ферм, размеры которых позволяли бы им вытеснять фермы традиционные. Но гиганты нуждаются в индустриальной организации труда: даже с пятнадцатью рабочими одному фермеру не управиться. А значит, нужен освобожденный от работ руководитель, пирамидальная организация, четкое разграничение функций и т.д. и т.п. Естественно, пионеры индустриализации не могли не пойти на все эти преобразования, но именно это очень скоро вызвало цепную реакцию «модернизации» самих наемных работников.

«Сельскому хозяйству все чаще приходится иметь дело с рабочими, предъявляющими те же требования, что и на рынке промышленной рабочей силы. Поставленное перед необходимостью конкурировать за рабочих с промышленностью, а также соблюдать соответствующие законы и нормативы, сельское хозяйство все чаще бывает вынуждено подчиняться правилам индустриального найма»¹⁴⁷. Но следование этим правилам означает, помимо всего прочего, повышение цены рабочей силы до уровня промышленных цен. А это обстоятельство ставит под угрозу сам замысел «фабрик на земле». Ибо наемный рабочий никогда так хорошо не работает, как самодеятельный фермер, поэтому и труд его выгоден тогда лишь, когда дешев. Но если «фабрика на земле» — часть индустрии, то на дешевизну наемного труда рассчитывать не приходится. Следовательно, «возможно, что цена, которую придется платить за рабочую силу в условиях рыночной конкуренции за нее, а также соблюдение трудового законодательства поставят фермы, использующие наемный труд, в настолько невыгодное положение по сравнению с фермами, полагающимися в основном на труд членов семьи, что основанные на наемном труде формы будут вытеснены из бизнеса»¹⁴⁸. В 1970 г., когда писались эти слова, процесс смены традиционных работников сельским пролетариатом еще не обнаружил всех своих экономических последствий. Поэтому сделанный в журнале прогноз можно было не принимать в расчет. Именно так и поступали многочисленные советские исследователи, никогда не забывавшие о том, что «главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд»; эту формулу фактически стали использовать для того, чтобы свести все изучение трудовых отношений в сельском хозяйстве Запада к выискиванию фактов пролетаризации аграрного производства. Одностороннее выпячивание факта роста в сельском хозяйстве развитых стран удельного веса наемных рабочих (что действительно имеет место в агробизнесе) до сих пор мешает специалистам увидеть происходящие там процессы во всей их

полноте. Правда, уже к началу 1980-х гг. ситуация с наемным трудом прояснилась настолько, что и в отечественной литературе стали возможными следующие признания: «Сам факт превращения большинства сельскохозяйственных предприятий в «семейные хозяйства» не вызывает сомнения и имеет место во всех капиталистических странах, где индустриализация земледелия приняла широкие масштабы. При этом следует подчеркнуть, что без чужой наемной рабочей силы сегодня обходятся не только мелкие, но и довольно крупные сельскохозяйственные предприятия»¹⁴⁹.

Таким образом, с чисто экономической точки зрения можно выделить две характеристики фермерского хозяйства, способные обуславливать его конкурентоспособность. Первая – высокое качество фермерского труда, несопоставимое с качеством труда наемного рабочего. Вторая – это, условно говоря, способность к самоэксплуатации, вследствие чего фермер трудится, как правило, гораздо интенсивней и продолжительней любого из тех, кто работает по найму. И первое, и второе позволяет обходиться без надсмотрщика, контролера качества, что дает дополнительную экономию. Но и это еще не все: каждый фермер или является собственником хотя бы части обрабатываемой им земли, или стремится стать таковым. А это, считает Дон Паарлберг, очень важный экономический фактор жизнестойкости хозяйства. Ибо собственник земли – «землевладелец» – является, если так можно сказать, «собственником в квадрате»: любовь к своей земле, ассоциирующаяся с сильнейшими человеческими привязанностями, во все времена являла собой квинтэссенцию всего самого ценного, что заключено в понятии «собственник»; и хотя экономисты, обязанные рассматривать «фактор собственника» в категориях своей дисциплины, пытаются связать его с такими реалиями, как конъюнктура цен на землю и пр., никто из них не будет спорить с тем, что к экономике эту страсть полностью свести не получится, что в ней всегда присутствует нечто «примордиальное». В отличие от Маркса, пытавшегося поначалу решить

этот вопрос в терминах «раздвоения» мелкого производителя на эксплуататора и эксплуатируемого¹⁵⁰, Паарлберг доказывает несводимость фермера к «экономическому человеку»:

«Фермеры традиционно соревновались друг с другом во взвинчивании цен на землю... Фермер заинтересован в высокой цене земли. Ибо для него ферма — не просто средство извлечения прибыли, но и дом — место, гарантирующее ему, что он и впредь будет вести именно этот, излюбленный им образ жизни. К гордости собственника примешивается здесь ожидание инфляции, фермер был бы не прочь иметь с этого своего капиталовложения и более высокий доход, но при высоких ценах на землю, делающих его обладателем *особого неприкосновенного* богатства, ему трудно рассчитывать на это. Поэтому ему ничего не остается, как смириться с низким доходом»¹⁵¹.

Получается, что фермер идет на завышение стоимости земли, даже способствует такому завышению — и все это несмотря на то, что подобное заведомо приводит к снижению его дохода. Это поведение представляется совершенно иррациональным с точки зрения экономической науки, но именно оно обуславливает способность семейного фермера оставаться в деле:

«Другое дело — корпорация: среди ее вкладчиков есть такие, кто не вкушает ничего из тех специфических благ, которыми так дорожит фермер-земледелец. Если корпорация приобретет ферму по существующим ценам и будет вести дело столь же эффективно, как и семейный фермер, то в среднем она будет приносить совладельцам меньший доход, чем тот, который они смогли бы получать от других предприятий... Семейный фермер с его демонстративной (хотя и невеселой) готовностью получать со своего капитала меньший доход, чем тот, который он получал бы в другом месте, представляет собой серьезного конкурента»¹⁵².

Читая подобные рассуждения опытного аграрника, приходишь к выводу, что особое отношение земледельца к земле как собственности уходит своими корнями в досовремен-

ное сознание. Напомним, что в «доэкономическом» обществе статус землевладельца являлся не просто залогом благополучия, но в первую очередь служил неперемнным атрибутом могущества и власти. Трудно отделаться от ощущения, что именно этой древней традиции, непостижимым образом сохранившейся в человеческом мировосприятии, обязаны мы особыми чертами психологии землевладельца — владельцы земель становятся для многих из них смыслом жизни. Как бы там ни было, замечено, что ради сохранения за собой земли фермер-земледелец часто бывает готов идти на любые жертвы.

Заслуживает ли данная составляющая ментальности земледельца серьезного к себе отношения? Может быть, правы те, кто игнорирует подобные «сантименты» как анахронизм, не играющий никакой роли в современности и обреченный на скорое исчезновение? В поисках ответа на этот вопрос полезно обратиться к размышлениям Алексиса де Токвиля, пришедшего в книге *Демократия в Америке* к выводу, что «чрезмерная любовь к благосостоянию может повредить этому благосостоянию»¹⁵³. Все приведенные доводы, из которых следует, что семейное фермерство как форма аграрного производства обладает солидным экономическим (точнее даже «доэкономическим») запасом прочности, не следует понимать в том смысле, что фермерская проблема так или иначе нашла свое разрешение. Думать так значит допускать, что фермер, коль скоро он обеспечил себе прочные позиции в рамках собственной «вотчины», способен оставаться безучастным ко всему, что происходит за ее пределами. В действительности же привносимая агробизнесом общая атмосфера принуждения, несвободы ощущается им даже не наравне с остальными, а (в силу особенностей его ментальности) острее остальных.

«Мы всегда гордились высоким качеством, — говорит овощевод из Новой Англии. — Но супермаркеты этого не поощряют. Им нужно, чтобы все было одного размера, одного цвета, одной формы — ничего поплосше, ничего ис-

ключительно хорошего, все среднедобротное. Им не нужно, чтобы покупатели ходили и выбирали. Они хотят, чтобы хозяйка, придя в магазин, хватала первое, что попадется ей на глаза, и шла себе дальше... Думаю, мы так бы и поступали, будь мы рабами на плантациях. Мы стали бы специализироваться на двух-трех культурах и только тем бы и занимались, что упаковкой, калибровкой, прихорашиванием и обеспечением поточного производства. Мы обучились бы всем тем хитростям, к которым прибегали негры на плантациях Калифорнии»¹⁵⁴.

«Неграми на плантациях» интегрированные фермеры не стали, не стали они также ни наемными рабочими, ни «капиталистами», хотя именно этого от них и добивалось в послевоенные годы американское правительство. Вынуждаемый отдавать на откуп индустриалистам те стороны производственного процесса, которые не имеют непосредственного отношения к земледельческому труду, американский фермер сумел сохранить свои позиции именно как земледелец, как единственное связующее звено между природой и обществом — и в этом качестве его никому не удалось заменить. Данный статистически зафиксированный и экономически подтвержденный исход исторического поединка агробизнеса с «аграрными пережитками», с так называемыми проявлениями «идиотизма сельской жизни», возвращает нас к сформулированным выше парадоксам и к связанной с ними теме *непреходящей специфики аграрного производства*.

«Фермерство — это не бизнес, а образ жизни»: неистребимая специфика аграрного труда

Выше мы уже обращали внимание на тот факт, что земледелие — и традиционное крестьянское и современное фермерское — при всех имеющихся между этими формами принципиальных различиях, в равной мере не приемлет индустриальных форм и методов труда и требует, как говорил Маркс

«руки мелкого, живущего своим трудом» земледельца. О том, что это действительно так, свидетельствует не только нынешний облик сельского хозяйства США, но и практическое «отмирание» нашего отечественного земледелия, наблюдавшееся на последнем историческом этапе существования Советского Союза. Как известно, в СССР все формы неиндустриального труда на земле не только вытеснялись навязываемой сверху индустриализацией, но и объявлялись незаконными, подавлялись при помощи прямого насилия. Тем самым у нас в стране был поставлен небывалый по своей чистоте эксперимент на выживаемость сельского хозяйства в условиях господства индустриальных форм и методов земледелия. Сравнивая сегодня два «эксперимента» — наш отечественный и американский, — приходишь к выводу, что традиционный (традиционный в смысле «неиндустриализированный», а не в смысле «несовременный») *земледелец, будь то крестьянин или фермер, необычайно живуч именно потому, что необходим сельскому хозяйству; там же, где его удастся подавить путем прямых репрессий, сельскому хозяйству тоже приходит конец.*

Вот почему тема специфики аграрного труда в равной мере актуальна и для россиян, и для американцев, и для любых представителей современного общества. В чем же состоит эта специфика? Как отмечал Ю.М.Бородай в своем исследовании специфики аграрного труда, «суть крестьянской работы — забота о благе **живых** организмов, какими являются почва, растения и животные»¹⁵⁵. Что же касается индустриализма, то сфера его компетенции — организация трудового процесса с целью получения прибыли; в своих операциях индустриализм никогда не выходит за пределы утилитаристской этики Бентама, вершиной которой, как известно, является *принцип полезности*¹⁵⁶. Что касается *заботы о живых существах*, то о ней эта этика просто ничего не знает. Следовательно, построенный на ее принципах производственный процесс никогда и не сможет обеспечить такой заботы. В частности, это означает и то, что «вся современная

менная система разделения труда, поскольку это – разделение индустриального и «индустриально-подобного» труда, является лишь более или менее последовательным воплощением тейлоризма»¹⁵⁷ – т.е. такой организации труда, при которой «каждому почти действию рабочего должны предшествовать одно или несколько подготовительных действий со стороны управления»¹⁵⁸. Данное требование, предъявляемое Тейлором к любому «правильно» организованному труду, выдает тайну тейлоризма, а вместе с ним и индустриализма вообще: индустриальная организация труда по-прежнему (как и во времена «первоначального накопления капитала») не в состоянии представить себе субъектов производственной деятельности «полными» людьми, она по-прежнему ориентирована на труд наемных «полуидиотов» – с той лишь разницей, что если в XVIII в. эта практика имела своим оправданием безвыходность социально-экономической ситуации, то в системе современного производства она сохраняется отчасти в силу набранной индустриализмом инерции, но главным образом – как закономерное воплощение инструментальной рациональности. Позволяет ли все сказанное сделать вывод о том, что американский (равно как и европейский) фермер, являясь вполне современным «экономическим человеком», вынужден в силу специфики своей профессии оставаться архаичным производителем? Едва ли такое определение будет верным, гораздо правильной рассудить, что по сути архаичными для нашего времени являются принципы индустриализма. Признав это, мы перестанем смотреть на современное фермерство как на парадокс.

Таким образом, позиционировав фермера в современном обществе как того, кто является антииндустриалистом по необходимости, мы дали негативное определение фермерства; и это максимум, что можно понять о фермере, исходя из того лишь, что он – «экономический человек» и этим не отличается от всякого другого субъекта современного производства. Оставаясь в рамках экономического рассмотрения, мы не можем ответить на вопрос о том, почему, посто-

янно терпя убытки в условиях ценового диспаритета с агробизнесом, фермер не бросает своего дела, а просто смиряется с ролью price-taker (того, кто берет расходы на себя). Несомненно одно: фермер — это «экономический человек» особого типа; это предприниматель, постоянно жертвующий своим материальным благополучием вследствие того, что вынужден «покупать» у своих конкурентов право продолжать вести свой специфический образ жизни, право хранить приверженность особым, «фермерским» ценностям. В этой связи нелишним будет привести здесь перечень этих самых ценностей американского фермерства (какими они представляются, например, американским законодателям):

- « — Фермерство — это не бизнес, а образ жизни.
- Фермерством должна заниматься семья.
- Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает.
- Хорошо, если ты умеешь там, где росла одна травинка, вырастить две.
- Всякий, кто хочет быть фермером, должен иметь возможность стать им.
- Фермер должен быть сам себе хозяином»¹⁵⁹.

Однако насколько велик жизненный потенциал подобного фермерского романтизма? Оказывается, весьма велик. Об этом свидетельствует, в частности, такой беспрецедентный для современного аграрного производства феномен, как «фермерство неполного времени», получивший широкое распространение в США к концу XX в. Для того чтобы пояснить, о чем идет речь, обратимся к статистике за 1986 г.:

«63% наших фермеров производят продукции меньше, чем на 20 тыс. долларов в год, что составляет менее 10% всех годовых продаж сельскохозяйственной продукции. Эти фермеры, а их у нас почти 1,4 млн, в среднем имеют отрицательный фермерский доход — занимают фермерством себе в убыток»¹⁶⁰. Цифры нешуточные — в стране, страдающей хроническим *перепроизводством* целого ряда основных продуктов сельского хозяйства, добрая половина всех производителей содержит убыточные фермы. Может быть, речь идет о

выращивании каких-то экзотических изысков к собственному столу? Ничего подобного, выращивается все та же пшеница, кукуруза и пр., чего на рынке и так пруд пруди. Может быть, людям просто некуда девать деньги? Нет, исследования показывают, что средства на содержание фермы, что называется, в поте лица зарабатываются членами семьи где-нибудь в промышленности, в сфере услуг и т.п. Есть, конечно, случаи, когда обладатели высоких доходов приобретают ферму ради статуса земледельца, что позволяет им укрыть от налогов часть прибыли, но не они составляют основное ядро так называемых фермеров неполного времени. Гораздо типичней случай, о котором рассказал Грант Хейлман в своей книге «Ферма»: два брата живут в городе за 200 миль от своей наследственной фермы, всю неделю трудятся, как все горожане, а на субботу и воскресенье улетают с детьми к себе на ферму на собственном самолете, чтобы выращивать там пшеницу¹⁶¹. Курьезом данный пример из жизни можно назвать лишь из-за необычайной удаленности фермы от места жительства и из-за того, каким дорогостоящим способом братья добираются до фермы; в остальном же они — вполне типичные фермеры неполного времени, предпочитающие тяжкий крестьянский труд всем видам досуга.

Что это — коллективное умопомешательство, постигшее представителей самой прагматичной нации в мире? Своеобразное выражение пресыщенности городским комфортом? Или просто некое переходное состояние от воспоминаний о прошлом к реальностям настоящего? Экономисты теряются в догадках, не решаясь попросту сбросить со счета феномен фермерства неполного времени. В то же время наиболее опытные из аграрников видят за этой разновидностью фермерства большое будущее. «На фермерство неполного времени долгое время смотрели как на некое переходное состояние — либо как на уход из фермерства, либо как на приход в него, — пишет профессор Паарлберг. — Пора наконец понять, что мы имеем дело с устойчивым, жизнеспособным и непреходящим явлением»¹⁶². В конце концов фермерство

неполного времени не всегда убыточно, а если и убыточно, то это лишь с финансовой точки зрения. Главное — это то, что труд на своей земле «дает желанное отвлечение от отупляющей работы вне фермы... Для таких труд на ферме — это даже и не труд, а скорее восстановление растрченных сил; эта же работа служит подходящим занятием для всей семьи. Учитывая все это, как расценить те издержки, на которые идет такой фермер? Сам семейный фермер расценил бы собственные трудозатраты как нулевые или даже менее того»¹⁶³. Несколько отличается от комментария Паарлберга оценка Хейлмана, не склонного описывать фермерство неполного времени в терминах досуга. Хейлман подчеркивает, что такое фермерство позволяет удовлетворять некие наиболее фундаментальные жизненные потребности личности: «Фермерство неполного времени — тяжкий труд, требующий полной самоотдачи, поглощающий массу времени, сопряженный с разочарованиями, и вместе с тем увлекательный. Важно понять: для многих из нас ... во всем этом есть что-то очень значительное, что-то, что заставляет гордиться своими грязными руками, чувством ответственности за то, что мы растим. Если мы хотим понять статистику ферм, то прежде всего нам надо уяснить себе, что 63% всех статистических фермеров занимаются этим не ради прибыли...»¹⁶⁴.

Таким образом, имеющие в изобилии свидетельства людей, не понаслышке знакомых с реалиями фермерской жизни в аграрно продвинутой Америке, заставляют, как минимум, усомниться в правомерности утверждений о том, что расцвету современного земледелия (точнее, тому положению дел, которое сейчас отождествляется с его расцветом) необходимо предшествовать победа экономического мышления над «пережитками традиционализма». Между тем, преобладающие в аграрном секторе США политические практики характеризуются крайне недемократичным отношением к такого рода реалиям.

Глава третья «Традиционализм» аграриев и вызовы демократической политике

Политический дебют «Великого незнакомца»

Итак, очевидно, что непризнание факта сохранения в сельских слоях Америки жизненных устоев, определенных экспертами как традиционалистские, является серьезным вызовом практике демократического правления, гордящейся своей способностью устанавливать обратную связь с «электоратом», считаться с его потребностями. Но что значит «считаться» с потребностями фермерства, если в них культурный аспект не просто превалирует над экономическим, а попросту его перечеркивает — порой с самоубийственными последствиями для фермера? Первые попытки политической аналитики в этой области оказались провальными. Так в 70-е гг в правительство США поступил составленный экспертом доклад *Верования и ценности американских фермеров*¹⁶⁵, в котором предлагалось осмысливать фермерство через сопоставление его «макрообществу», используя в качестве инструмента анализа понятийную оппозицию «открытое/закрытое общество».

«Закрытое общество»

Отсутствие изменений, активное противодействие им, негибкость

Традиция определяет настоящее и будущее; убеждения и ценности

Экономическая самодостаточность отдельных предприятий

Минимум рационалистической критики

Открытое общество»

Постоянные изменения, неспособность не реагировать на новое

Традиция не играет роли в жизни; убеждения и ценности постоянно меняются

Высокодифференцированная экономика

Максимум рационалистической критики

Простое разделение труда	Сложное разделение труда
Нетерпимость в отношении инородных идей, незнакомых порядков и аутсайдеров	Космополитизм становится престижным; высокая степень терпимости
Отношение к собственности определяется прежде всего непосредственным социальным окружением	Отношение к собственности определяется функционально
Контроль со стороны общества осуществляется главным образом через социальный остракизм	Социальный остракизм недейственен в качестве средства социального контроля
Преобладание традиционного иррационализма и мистицизма	Нехарактерность иррационализма и мистицизма
Смысл и счастье жизни обретается прежде всего в непосредственных человеческих отношениях	Смысл и счастье жизни поставлены в зависимость от удовлетворения личных эгоистических потребностей
Личные отношения – цель, а не средство	Личные отношения – средство, а не цель» ¹⁶⁶ .

В данном исследовании обращает на себя внимание тот факт, что в ценностном аспекте фермер полностью приравнен автором к представителям традиционных обществ, ибо все характеристики, перечисленные им под рубрикой «закрытое общество», *в действительности* присущи прежде всего представителям традиционных сообществ, тогда как характеристики, отнесенные в рубрику «открытое общество», реально можно встретить только у представителей общества современного. Первое, что приходит на ум – мысль, что при рассмотрении фермерской проблематики корректней было бы оставить малопродуктивную оппозицию «открытого» и «закрытого» обществ, заменив ее тённисовской оппозицией *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Ибо в предложенном варианте концепт «закрытое/открытое общество» предстает в

предельно обедненной — попперовской — трактовке¹⁶⁷, в чем легко убедиться, ознакомившись с первоисточником¹⁶⁸. Однако и замена Поппера Тённисом теоретической проблемы не решает.

Главное, что определяет беспомощность доклада *Верования и ценности американских фермеров* как попытки выбраться из того тупика, в котором оказалась послевоенная аграрная стратегия страны, это некритичное следование стереотипу, согласно которому ментальность земледельца принято описывать именно в терминах *традиционализма*. Как таковой доклад лишь усугубляет непонимание, так как допускает отнесение фермеров в одну категорию, например, с американскими индейцами времен первых поселенцев или членами русской крестьянской общины. И уж совсем невозможно с позиций такой классификации составить идеально-типическое представление о *современном* земледельце. В результате получается, что за несколько веков своего существования современное общество так и не сподобилось обрести достойного его самого аграрного производителя (очевидно, таковым представляется в рамках представленной концепции некий идеальный «агробизнесмен», реально воплотиться которому постоянно мешает иррациональное присутствие в американском аграрном пейзаже все того же традиционного фермера). Между тем именно нынешний американский фермер — при всех отмеченных выше «необъяснимостях» его образа действия и мыслей — являет собой самое что ни на есть современного производителя, способного (правда, не в одиночку, а в тандеме с агробизнесом) удовлетворять любые мыслимые и немыслимые экономические запросы населения, связанные с сельским хозяйством. Подчеркнем: в данном случае мы ведем речь только об экономической стороне фермерства, только о производительности, качестве и экономичности использования им природных и прочих ресурсов. Но и эти очевидные достижения фермерского способа земледелия не могут быть должным образом прокомментированы названным исследованием —

а ведь заявленная автором задача (выявление «верований и ценностей») должна была бы подвести нас к прояснению также и внеэкономических устоев феномена фермерства.

Первые осмысленные шаги, позволяющие позиционировать фермера в современном обществе, были сделаны социологами, поставившими перед собой задачу ознакомления с последствиями правительственных программ энергетического развития традиционных мест проживания фермеров и сопоставления их с «неразвитыми» местностями¹⁶⁹. Дело в том, что результаты проводимых преобразований слишком часто поражали исследователей непредсказуемостью реакции коренных обитателей местности. Среди социологов села даже сформировалось мнение, что «нация утрачивает наиболее выгодные для нее фермерские структуры. Хотя исследования кризисного состояния фермерства расширяются, большинство из них сфокусировано на отдельных фермерах, а не на фермерских сообществах. Требуются такие исследования, которые оценили бы размеры ущерба, наносимого структурной ломкой аграрного производства социально-экономическим условиям существования сельских сообществ»¹⁷⁰.

В частности, проведенными исследованиями было установлено, что, с одной стороны, в районах, где снабжение товарами и услугами находится, по городским критериям, почти на нуле, фермеры не высказывали по этому поводу никаких претензий, будучи удовлетворены таким положением дел. Им нравится весь их образ жизни, который состоит в совместном достижении личных и общих целей, в прочной и безусловной преданности всех единым ценностям, единым обычаям. Жизнь в фермерском сообществе вызывает у них удовлетворение потому, что для них оно — не столько организация по снабжению товарами и услугами, сколько единение вокруг общих ценностей, общего образа жизни.

С другой стороны, в ряде поселений, резко разросшихся вследствие осуществления энергетического развития местности, фермеры сообщали опрашивающим, что, несмот-

ря на всевозможные улучшения, их удовлетворенность жизнью в сообществе заметно снизилась. Например, фермеры окрестностей Дугласа (штат Вайоминг) почти единодушно заявили, что после проведенных усовершенствований их община и их совместная жизнь нравятся им меньше, чем раньше. А между тем Дуглас относится к числу тех городков запада, где крупномасштабные усовершенствования были наиболее успешными в смысле снабжения дополнительными товарами и услугами, предпринятого в расчете на рост населения. Новым предприятиям розничной торговли сопутствовало здесь появление новых школ, спортплощадок, общественных зданий, асфальтированных улиц и прочих удобств. Однако в результате всего этого владелец фермы в 5 тыс. акров (который, по его собственному признанию, «сколотил состояние» на участии в развитии местности, сдавая в аренду природные ресурсы) сказал, что «вряд ли сможет выносить здешнюю жизнь». Город стал для него слишком большим и неприветливым. Владельцы магазинчиков перестали его узнавать. Набегающие время от времени браконьеры и хулиганы, говорит он, «доводят меня до белого каления. На прошлой неделе какие-то хулиганы открыли ворота коровника и впустили быков к моим племенным коровам породы шароле». Фермер, владеющий не столь большими угодьями, высказал очень похожие сетования, а потом дополнил: «Когда я поставил охрану вокруг своей земли, то думал, что старые мои друзья все равно будут приезжать ко мне поохотиться. Но они больше не приезжают». «Этим и многим другим фермерам округа, — делают вывод исследователи, — сильно не хватает *общины*, которую они утратили»¹⁷¹.

Полученные сведения позволили специалистам по социологии села прийти к выводу: в той мере, в какой федеральное правительство пытается обращаться с фермерскими сообществами как с недоразвитыми городами, политика «развития местности» ведет не к развитию, а к разрушению сельских сообществ, провоцируя тем самым упадок сельского хозяйства в подвергшихся «развитию» регионах. Дело в том,

что существующие в подобных местностях сообщества обладают особой природой — по целому ряду характеристик (в первую очередь, по ценностной ориентации жителей) они приближаются к тённисовскому типу *Gemeinschaft*:

«Отдаленность местоположения и немногочисленность населения способствуют *созданию и поддержанию местных институтов самоуправления*, выполняющих собственные специфические задачи. Поселение численностью в полторы сотни человек, ведущих *открытую необособленную жизнь*, если оно на протяжении примерно четырех поколений занимается фермерством и если ближайший населенный пункт (какой-нибудь городок в несколько тысяч человек) отодвинут от него миль на 50, — такое поселение фактически становится сельской общиной настолько, *насколько вообще возможно в Соединенных Штатах традиционная земледельческая община*»¹⁷².

Конечно, традиционная земледельческая община в США невозможна. Но формирование в рамках конкретных сообществ современных земледельцев (сообществ, «не разбавленных» пришельцами из макрообщества) традиционных для сельской местности отношений и институтов, очевидно, не только возможно, но и желательно. Ведь, как мы выяснили выше, в отличие от индустриального рабочего, фермер «по необходимости» является субъектом неутилитаристской, традиционной морали, а воспринять мораль «локально», выборочно невозможно. Поэтому *всюду, где только возникают малейшие к тому предпосылки, фермерский быт становится очагом «альтернативного» жизненного уклада*. Именно этот уклад и является вожаемой целью тысяч и тысяч «фермеров неполного времени», именно его постепенным исчезновением встревожена нация в целом.

В 1979 г. Боб Бергланд (тогдашний министр сельского хозяйства США) объявил общенациональный референдум — диалог по проблемам сельского хозяйства. Он проехал по десяти регионам страны. На встречи с министром приходили тысячи американцев, представляющих самые разные слои

общества. Тема фермерства оказалась близка не только сельским, но и городским жителям, не только фермерам, но и священникам, домохозяйкам, бизнесменам. Министр получил тысячи писем, рассказывающих об отчаянных попытках многих получить доступ в сельское хозяйство, другие рассказывали о суровой борьбе с обстоятельствами, вытесняющими их из фермерства. «Некоторые прислали книги или тезисы. К началу 1980 года, — пишет Бергланд, — мы располагали более чем 10 тыс. страниц, содержащих материал для размышления, и это не считая книг»¹⁷³.

В первую очередь внимание министра, проанализировавшего послания граждан, привлекла неудовлетворенность широких масс населения концентрацией аграрного производства в руках немногих, нежелание американцев мириться с монополизмом в аграрной сфере, оставляющим за бортом сельского хозяйства множество потенциальных фермеров. В начале 1980-х гг. на 60 млн сельских жителей приходилось только 5,4 млн фермеров¹⁷⁴. Сложившееся соотношение, подчеркивает министр, совершенно не отражает действительного уровня востребованности фермерской профессии в масштабах нации, не отражает тяги американцев к крестьянской жизни. Говоря о всеобщей озабоченности недоступностью фермерства для большинства американцев, Бергланд приводит слова 25-летнего фермера Дика Вуда: «Рассматривая структуру нашего сельского хозяйства, помните, что речь идет об облике нашей демократии»¹⁷⁵.

Видимо, на этой высокой ноте и следует завершить данную фактографическую часть нашего исследования (хотя в американской фермерской истории есть множество других достойных внимания фактов). Мы же отметим, что обилие социологических и экономических работ, резко противоположных по своей направленности и выводам официальной аграрной стратегии, очевидно, не случайно. Все они — симптом одного главного факта: того, что к началу XXI в. фермерская проблема Америки перестала быть проблемой экономической, перейдя в разряд проблем культурно-полити-

ческих — вследствие чего даже рядовые американцы склонны осмысливать ее теперь в терминах *демократического выбора*. Подобная перемена в умонастроениях является свидетельством нынешнего кризисного состояния той самой экономической идеологии, «триумф» которой констатировал Луи Дюмон в 70-е годы века ушедшего¹⁷⁶. Очевидно, что уже к моменту выхода в свет его книги «*От Мандевиля до Маркса*» экономизм начал сдавать свои позиции, так что само появление критического исследования Дюмона было симптомом начавшейся переоценки ценностей. Ясно, что весь массив означенных экономических и социологических исследований американской аграрной сферы работает на дальнейшую утрату экономизмом в сфере общественного сознания его былого парадигматического значения. Ведь выводы о высокой конкурентоспособности мелкого фермерского хозяйства, о «социальной значимости» такого явления, как формирование в рамках нынешних сельских сообществ структур типа *Gemeinschaft* (какими бы «самочевидными» эти факты ни казались нам теперь), просто не могли быть сделаны в условиях господства индустриализма как мировоззрения, исключавшего саму возможность такой постановки вопроса.

О «диалогически-партнерских» отношениях с прошлым

Факт появления описанных исследований свидетельствует о начале кризиса «экономизма» в теоретических подходах к современной аграрной действительности, что, конечно, не дает оснований для предвкушения «победы» над экономической идеологией как таковой. Вообще проблема эпохи, определявшая современную судьбу аграрной сферы, состоит не в насаждаемых экономизмом принципах инструментальной морали, а в том, что в Новое Время служащий обоснованием этой морали критерий взаимной пользы стал претендовать на роль некой «дополитической» основы об-

щественной солидарности. Реальная история развития аграрной сферы интересна для нас прежде всего своей значимостью как практического опровержения данного представления, успевшего стать традиционным для западной политической философии¹⁷⁷. Говоря об устоявшемся характере этого представления, я имею в виду не только бентамовско-манDEVИЛЕВСКОЕ идейное наследие, но и общий интеллектуальный настрой, сопутствовавший появлению учений этих философов и сохраняющийся по сей день. В плане же собственно теоретического обоснования тезиса о социальном значении утилитаризма глубже других оказался Гоббс, к аргументации которого стоит отнестись со вниманием.

В «*Левиафане*», говоря о коренящихся в природе человека причинах «войны всех против всех», Гоббс находит в природе человека три основных причины, препятствующих установлению согласия меж людьми, а именно: соперничество, недоверие и жажду славы¹⁷⁸. Согласимся с Б.Г.Капустиним в том, что из трех перечисленных причин недоверие является вторичным по отношению к двум другим причинам¹⁷⁹. Мало того, думаю, что из двух оставшихся причин соперничество, в свою очередь, можно было бы счесть производным от честолюбия, не уточни Гоббс, что здесь он имеет в виду не соперничество вообще, а соперничество *за наживу*. Данная конкретизация порождает недоумение — ведь соперничать можно не только «за наживу». Такого рода недоумение возможно устранить, лишь допустив, что в концепции Гоббса «борьба за наживу и борьба за славу порождает *два разных типа «войны всех против всех»*... у них различны логика, побудительные мотивы, следствия и, что для Гоббса важнее всего, — способы их прекращения или хотя бы регулирования... «Милитантность» сознания искателей наживы, объединяющая их как общий признак с искателями славы и позволяющая Гоббсу на этом основании говорить о «природе человека», является индуцированной и производной от агрессивности честолюбцев. Утрата этого признака искателями наживы в состоянии гражданского мира, когда агрес-

сия честолюбцев прекращена, не есть потеря первыми своей «идентичности». Напротив, утратив ее, они «восстанавливают» свою «самость», обретают способность жить в «своей истине», т.е. в радости «обычных условий» существования. Этого никак нельзя сказать о честолюбцах. Общественный договор о мире уничтожает именно их «идентичность»¹⁸⁰.

Иными словами, по Гоббсу, искательство наживы (в отличие от «честолюбия») представляет собой страсть, в социальном плане беспроблемную, а значит — *не нуждающуюся в политических решениях*. Политика же требуется для обуздания таких страстей, которые *несут соперничество в самих себе*. Нельзя не признать, что данная позиция содержит куда более мощную апологию утилитаризма, чем бентамовско-манDEVИЛЬСКИЕ доводы.

Но именно эту апологию обесценивает описанная выше картина реального развития аграрной сферы. Главное, в чем заставляет нас усомниться история «рационализации» сельского хозяйства (как и вообще история свободного рынка) — это в представленной Гоббсом иерархии страстей. Жажда наживы, уверяет нас Гоббс, имеет внутреннюю тенденцию к самоограничению посредством удовлетворения материальных вожелений. Коль скоро всякий материальный объект конечен, то конечна и направленная на него страсть. Однако практика капиталистического предпринимательства свидетельствует о другом: страсть к обогащению никаким конечным объектам не соответствует, фактически являясь разновидностью той «гонки честолюбий», в которой, собственно, и усматривал Гоббс извечную проблему политики. Это означает, что, абсолютизируя значение принципа пользы, Гоббс просто принимал желаемое за действительное, как делал это Мандевиль, объявлявший корысть гармонизатором социальных отношений, или Бентам, утверждавший, что утилитаристская этика действует по принципу «максимальной пользы для максимального числа людей». Тщетной оказалась попытка Гоббса связать страсть к честолюбивому

соперничеству с какой-то одной ипостасью человеческого бытия. Ошибочной представляется мне и само стремление Гоббса указать на честолюбие как на корень всех социальных зол. Но это — тема отдельного обсуждения. Здесь же важно подчеркнуть, что именно неподтвержденность последующей историей Запада гоббсовской аргументации, касающейся самодостаточности материальных интересов, с предельной ясностью показала, что и экономика нуждается в политических стратегиях, в политических подходах.

Справедливости ради следует отметить (хотя это и не затрагивает напрямую предмет нашего исследования), что сам по себе тезис о благотворной роли, которую выполняет в нынешнем цивилизованном обществе принцип заботы индивида о собственной пользе, конечно, не лишен политического смысла. Он, несомненно, верен в той степени, в какой коммерчески-предпринимательские отношения, *являясь формой господства одних людей над другими*, все же представляют собой более демократичный вид канализации энергий свободы, высвобожденных Новым Временем, чем упомянутое Гоббсом соперничество завоевателей. В этом смысле правомерным является утверждение о прогрессивности капитализма. Здесь, однако, следует помнить, что всякий раз, говоря о прогрессе, мы ставим себя перед необходимостью определения собственной позиции относительно концепций «прогрессизма» и «финализма», занимающих важное место в саморефлексии уходящей эпохи. Это самоопределение тем более важно при обсуждении места и роли аграрной сферы в современном мире, ибо все наиболее роковые для земледелия политические шаги мотивировались в XX в. не чем иным, как требованиями «прогресса»:

««Прогресс» предполагал отношение утилизации прошлого настоящим как полезной вещи: прошлое ценилось тем и в той мере, чем и в какой оно «VELO» к настоящему, создавало «предпосылки» настоящего, безоговорочно ... рассматривавшего себя в качестве «высшей ступени» развития. Все остальное прошлое, кроме утилизируемой его части, предава-

лось небытию... За счет такой сепарации «полезного» и «бесполезного» (или «вредного») прошлого и утилизации первого образовалась «стрела прогресса», линейная восходящая история, марксистская формационная стадийность или ... «модернизационный императив». Таким образом Современность конституировала себя как *стадию истории*, колонизировав ее. Таким образом Современность *увекочила себя*, поскольку ее «открытость будущему» и «устремленность в будущее» по существу означали экстраполяцию ее самой в бесконечность... Колонизация прошлого необходимо оборачивалась *утратой будущего* как качественно и неожиданно нового, *как новых творческих начал*... Возможность саморефлексии Современности, свободы ее самоопределения обусловлена освобождением прошлого и выстраиванием «диалогически-партнерских» отношений с ним¹⁸¹.

О закрепощающем воздействии «модернизационного императива» на наше восприятие земледелия подробно говорилось в предыдущих главах. Теперь пора обратиться к рассмотрению того, в чем должны состоять «диалогически-партнерские отношения» аграрной политики с собственным прошлым. Первое, что следует сделать в данном направлении, это внести окончательную ясность в наше отношение к исходному тезису настоящего исследования о земледелии *как сфере неотчужденного труда*: верен ли он, и если да, то как это открытие способно повлиять на наше представление о политическом потенциале аграрной сферы?

Приступая к подобному анализу, необходимо сразу же конкретизировать понятие отчуждения применительно к контексту. Ибо очевидно, что при общем сравнении земледельческого труда с типично «городскими» разновидностями трудовой деятельности мы легко найдем не один способ показать, что трудящийся горожанин является в чем-то более свободным и менее «отчужденным», чем принадлежащий к тому же социуму крестьянин. Говоря же о наличии либо отсутствия отчуждения в том плане, в каком это различие используется нами, следует иметь в виду сказанное в преды-

душей главе, где в качестве главного критерия успешности земледельческого труда (в отличие от труда индустриального или «индустриально-подобного») фигурирует степень *вовлеченности* в него субъекта деятельности. Именно сравнение указанных разновидностей труда в аспекте вовлеченности заставляет поражаться тому, в какой степени способен дистанцироваться от своей профессиональной деятельности и ее результатов горожанин. Еще поразительней то, что из простого бегства от гнета реальности (чем оно изначально и является) подобное дистанцирование со временем начинает превращаться — в современном сознании — в квинтэссенцию свободы. Конечно, нельзя отрицать, что и «уход в себя» есть акт свободы — в той мере, в какой он выражает протест против гнета внешних обстоятельств; однако в реальности за этим протестным актом воследовало признание (со стороны значительной части интеллектуалов) того, что нынешнему миру, такому, «каков он есть», наиболее адекватен именно этот вид свободы — свободы даже не просто индивидуальной, но «приватной». Чем же дорога современному индивиду *такая* свобода? — Тем, что она не ставит его перед необходимостью, образно говоря, «явить себя миру»; наоборот, она «защищает» его от мира. Область свободы помещена в границы данной защищенной и постоянно сужающейся территории. А ведь поначалу сознающий себя индивидуализм дал сдвиг всего лишь в ситуацию, описанную М.Вебером («...высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу»¹⁸²). Но то был не более чем промежуточный этап: постепенно практика самодистанцирования начинает распространяться и на сферу частной жизни индивида. Так он и скользит герметичной капсулой, *неявленный*, по фукоистским каналам перетекания власти. Автор концепции «открытого общества» Карл Поппер уже в середине XX в. увидел, что происходит, и назвал увиденное... «платой за человечность»(!):

«Вследствие утраты органического характера открытое общество может постепенно превратиться в то, что я назвал бы «абстрактным обществом»... Представьте себе общество, в котором люди практически не встречаются друг с другом; все дела вершатся изолированными индивидами, общающимися между собой посредством машинописных посланий или телеграмм — индивидами, передвигающимися в закрытых автомобилях (искусственное оплодотворение позволит обезличить даже процесс продолжения рода)... Так вот: интересно, что наше современное общество во многом напоминает общество совершенно абстрактное. Хотя мы и не всегда передвигаемся в одиночестве и в закрытых машинах (а напротив, лицом к лицу сталкиваемся на улицах с тысячами людей), эффект бывает примерно такой же, как если бы мы находились в полной изоляции — со встречными пешеходами мы, как правило, не устанавливаем никаких личных отношений. Аналогичным образом, членство в профсоюзе означает не более чем обладание профсоюзным билетом и уплату взносов незнакомому секретарю. Современное общество насчитывает множество людей, почти полностью обходящихся без личных контактов с другими людьми — людей, ведущих замкнутое и анонимное, а значит несчастное существование»¹⁸³.

У Поппера хватило мужества признать изображенного им «человечного» индивида существом несчастным, но это признание не подтолкнуло его к поиску слабых мест собственной концепции. Современному индивиду, этой несчастной, но мужественной жертве собственной «человечности» (читай «свободы»), он противопоставляет «недочеловечность» первобытного общества: «...изменения, довольно редко случающиеся в нем (первобытном обществе. — *И.М.*), носят характер религиозного превращения или перелома, либо введения новых магических табу. Они не основываются на рациональной попытке улучшения социальных условий... Зазоров в этой системе остается немного. При образе жизни, исключаящем всякое подобие нравственных

проблем, ... табу, устанавливающие подобие групповой ответственности, возможно, являются прообразами того, что мы называем личной ответственностью, но они в корне отличны от нее»¹⁸⁴.

Таким образом, если следовать Попперу, человеческая свобода, зародившись в «родоплеменной этике», этике отождествления себя с целым, преобразуется (пройдя через испытания, подобные тем, с которыми столкнулась Антигона) в капсулированную независимость современного разумно выбирающего индивида. Последний поистине морален, потому что обладает «личной ответственностью». Здесь и заключена главная недосказанность попперовской концепции: современный капсулированный индивид пользуется перевозимой Поппером свободой рациональной рефлексии, главным образом для того, чтобы *слагать с себя* личную ответственность за дела общества; что вполне «рационально»: ведь его свобода это, помимо всего прочего, и свобода выбирать позицию непричастности¹⁸⁵. Хотя Поппер и упирает постоянно на свободный выбор и личную ответственность, он нигде не находит нужным уточнять, об ответственности *за что* идет речь: только ли за состояние дел внутри капсулы или за что-то вне ее находящееся? Поэтому логичным выглядит вывод, что свобода, о которой идет речь — предмет для внутреннего, *par excellence*, пользования, иначе к чему все это обособление индивидов, «ездящих в закрытых автомобилях»? О свободе вне капсулы у Поппера речи не идет.

Конечно, созданное Поппером в 1945 г. «открытое» (оно же «абстрактное») общество — не зарисовка с натуры, а всего лишь мысленный эксперимент, дающий ответ на вопрос: как должен выглядеть социум, где всяк разумно и ответственно распоряжается своей свободой? Конечно, «разум», «свобода» и «ответственность» трактуются автором так, как было принято в его время и в соответствующей интеллектуальной среде. То, что получившаяся в результате картина уродлива, в наше время понятно каждому — и теоретику и нетеоретику. Автор *Открытого общества*, сам того не желая,

продолжил традицию романов-антиутопий, романов-предостережений. Будущее, увиденное его глазами, безнадежно «колонизировано» тогдашним настоящим, скрыто присутствовавшие в нем тенденции доведены здесь до логического конца... А вот Олдос Хаксли в своей антиутопии 1932 г. писал о том же самом, но с гораздо большей свободой и раскованностью:

«Вообще можно было бы индустриально синтезировать все пищевые продукты, все до последнего кусочка, пожалуй мы только. Но мы не желаем. Мы предпочитаем держать треть населения занятой в сельском хозяйстве. Ради их же блага...»¹⁸⁶.

В отличие от Поппера его современник и соотечественник Хаксли не связан рамками собственной концепции и подмечает в развивающейся действительности даже то, о чем сама действительность глухо молчит. Поэтому, ему и самому могло быть не вполне понятно, откуда вдруг у него в романе возникла тема сельского хозяйства. Но читателю ясно: это символ того, что не все потеряно; что существует еще островок «иного» прошлого, в нем — надежда на *другое* будущее.

Думаю, из сказанного ясно, в каком смысле феномен *невовлеченности* оказывается частным случаем отчуждения. Ясно и то, что степень его распространенности пропорциональна степени господства в обществе утилитарной морали. Но если так, то насколько правомерно утверждение о том, что аграрная сфера не приемлет отчужденный труд? Разве нынешний американский фермер, участвуя в структурах современного агробизнеса, не выступает по отношению к ним типичным «капсулированным» индивидом? Выступает; мало того: по сравнению с представителями индустриального сектора фермер, функционируя в рамках единого с ними производственного процесса, выглядит *более индивидуалистом*, чем кто бы то ни было. Таково общепринятое мнение о фермерах. Несомненно, данный «вердикт» общества, в первую очередь, обусловлен тем, что с точки зрения наличной *экономической* реальности фермерский индивидуализм не толь-

ко выглядит сплошной иррациональностью (по Марксу «идиотизмом»), но и *является* таковой — относительно господствующего уклада. Причем эту упрямую иррациональность поведения фермеров трудно связать не только с логикой, но и с добродетелью, так как у них она — даже не принцип, а черта характера. В результате те из политиков, кто посвятил свою жизнь отстаиванию интересов фермеров, не скрывают, что в большинстве своем их подопечные — народ в общении малопрятный, каким, впрочем, и должен быть каждый, для кого внешний мир являет постоянную угрозу. И пока эта угроза продолжает висеть над ним, современный аграрий по необходимости остается более «закрытым» в отношении собственного предпринимательского окружения, чем прочие участники дела, ибо по сравнению с прочими ему есть, что терять. Ведь попперовский современный рациональный индивид, обособляясь от общества, вместе с тем, живет по единой с этим обществом логике, имеет единое с ним мироощущение *и это делает его «капсулу» проницаемой*, тогда как земледелец, коль скоро его труд эффективен, умеет сочетать утилитаризм в связях с внешним миром с заботливостью (то есть с отчетливо *неутилитарным* подходом) в обращении с животными и растениями. Как свидетельствует вся аграрная история Запада и, в частности, история американского фермера, современный фермер суть «экономический человек» особого склада. На протяжении всего XX в. он выступал своеобразным *посредником* между, с одной стороны, живым, природным объектом земледельческого труда, а с другой — всем остальным экономическим сообществом. Описывая историю американского фермерства, мы попытались показать, что эти две стороны его трудовой деятельности не просто оказываются связанными в производственном процессе в качестве звеньев единой цепи, но и *являют собой две самостоятельные (и кое в чем до несопоставимости разные) реальности*. Ощущая на себе непрерывное давление обеих этих реальностей, фермер вынужден регулярно делать уступки какой-то одной из сторон, поступаясь по-

требностями другой; и то, требованиям какой стороны суждено возобладать в каждом конкретном случае, зависит в конечном счете от иерархии его, фермерских, ценностей. А они, как показывают приведенные исследования, чаще оказываются ценностями нерыночными, «традиционными»¹⁸⁷. Ибо *невовлеченность* и холодный расчет, столь уместные в отношениях с внешним миром, трудно совместимы с навыками самоотверженной заботы, которые воспитывает в нем сам живой объект его труда. Но именно в этих с необходимостью приобретаемых фермером навыках заключен *культурообразующий потенциал земледелия* — если понимать под культурой те или иные механизмы поддержания неотчужденного (вовлеченного) отношения к окружающему миру — в первую очередь, к населяющим его людям. Данный вывод позволяет понять, почему даже Маркс, при всей своей не любви к деревне, все же признавал ее хранителем «резервного фонда для возрождения жизненной силы наций»¹⁸⁸ и опасался экспансии капитализма в сельской местности. Этот же вывод проливает свет на многие высказывания такого почитателя земледельцев, как Томас Джефферсон, утверждавшего, в частности, что они — «самые ценные из граждан. Они — воплощение жизненной силы, независимости и добродетели; они преданы стране, будучи связаны с ее свободой самыми долговечными узами»¹⁸⁹.

Ностальгия по фермерству: симптоматика «нового деспотизма»?

Культурообразующий потенциал земледельческих сообществ — тема, столь же «обязательная» для современной ментальности, сколь и противоположная ей по смыслу тяга к «рационализации» сельской жизни. Именно эту тему на свой манер развивал Маркс, фантазируя о том, что русская крестьянская община делает возможным «возрождение в более совершенной форме общества архаического типа»¹⁹⁰. К несчастью, такая специфическая черта русского *мира*, как от-

сутствие в нем института частной собственности на землю, придала исходной мысли Маркса совершенно новаторское звучание и в конечном счете сделала возможной появление самой нелепой из всех современных стратегий развития села. Нелепость заключалась в том, что ради реализации установки на исключение частной собственности пришлось пожертвовать прежде всего и в первую очередь культуuroобразующим потенциалом российской деревни. В этом смысле достойным внимания является тот факт, что спустя десятилетия — в ту самую эпоху, когда с отечественной деревней было уже практически покончено, — в стране с небывалой силой заявило о себе литературное движение так называемых писателей-«деревенщиков». То была своеобразная «реакция на отсутствие». Другим удивительным фактом нашего времени является то, что несмотря на громадные различия между российской и американской аграрными ситуациями, нельзя не заметить наличия у них *единого идейного поля*, заявившего о себе схожестью лейтмотивов, с одной стороны, русской «деревенской» литературы третьей четверти XX в., а с другой — пришедшихся на те же годы стихийных выступлений американцев в защиту фермерства «как образа жизни». Фактически мы имеем дело с единой эскапистской тенденцией, и значима она прежде всего как характерная симптоматика одинаковости неблагополучия двух наших обществ, на фоне которого именно уход в фермеры представляется многим наиболее очевидным способом возвращения себе утрачиваемых ценностей — и, в первую очередь, речь идет о неинструментальной рациональности и нормативной морали.

Надо сказать, что указанное тематическое единство дополнялось вполне объяснимыми различиями в стиле «подачи материала»: если в России указанного периода отсутствие свободы слова заставляло писателей ограничиваться описанием того, «как хорошо быть крестьянином», то в США недовольство общества положением фермеров выливалось в аналогичные размышления — но уже в форме утверждений

о том, «как плохо *не быть* фермером». Эту тенденцию очень ярко отражает книга фермера и писателя Венделла Берри (одного из идеологов борьбы за восстановление фермерства в его былых правах). Развивая тему необходимости «аграрной культуры» (agriculture) для современного мира, Берри указывает, что с утратой традиционных сельских жизненных укладов нынешнее общество катастрофически вырождается в «общество специалистов». «Специализация, — пишет он, — представляется нам как прием, посредством которого институционализируется, оправдывается то бедствие, каким является разобщение, распыление совокупности функциональных признаков личности, таких как трудолюбие, заботливость, совесть, ответственность»¹⁹¹. Берри не пишет о бедах фермеров как таковых; кризис фермерства для него — беда всей нации; и именно на характеристике этого тотального бедствия сосредоточен его анализ:

«Она же, специализация, есть та великая цена, которую приходится платить за подобное распыление... Система специализации требует передачи в руки специалистов разнообразных забот и обязанностей, являвшихся некогда уделом всех и каждого. В результате на долю среднего — чтобы не сказать «идеального» — американца... выпадает лишь две «заботы»: делать деньги и развлекаться, чем он и занимается, работая, как правило, по 8 часов в день (тоже каким-нибудь специалистом); причем за качество и последствия его деятельности ответственность несет кто-то другой, а часто и вовсе никто не несет. А так как работа по специальности — это единственное, что он умеет делать, то неудивительно, что и развлечь себя он сам не в состоянии — благо на это имеется целая индустрия невообразимо дорогих специалистов по развлечениям...»¹⁹².

Изобразив этакую трагикомическую и вместе с тем чрезвычайно узнаваемую фигуру современного предстателя мира специалистов, Берри переводит проблему выживания фермерства в контекст общей проблематики современности:

«Казалось бы, каждого, кто вкушает описанные блага режима специалистов, следует считать счастливейшим из смертных... Но на деле данный средний гражданин представляет собой едва ли не самое несчастное изо всех когда-либо живших человеческих существ. Ничем, кроме денег, он себя обеспечить не в силах; деньги же постоянно обесцениваются и уплывают от него по воле внешних обстоятельств и других людей. С утра до вечера он не видит вокруг себя ничего, что было бы создано его собственными руками и чем бы он мог гордиться. Несмотря на весь свой досуг и оздоровительные мероприятия, выглядит он и чувствует себя плохо... Воздух, которым он дышит, вода и пища — все, как известно, содержит яды. Не исключено, что он попросту задохнется. Он подозревает, что интимная жизнь его не так хороша, как у других. Он сожалеет, что ему не суждено было родиться раньше или позже. Он не знает, почему у него такие дети, не находит с ними общего языка — да это его и не очень-то волнует, хотя ему самому непонятно, почему это его не волнует. Он не знает, чего хочет его жена и чего хочет он сам... И со всеми этими тревогами он, конечно, обращается к дипломированным специалистам, которые, в свою очередь, несут свои собственные тревоги к другим дипломированным специалистам. Мало кому приходит в голову, что данный средний гражданин постоянно озабочен потому, что *не может не быть* озабоченным — постольку, поскольку в нем заложена таки некая внутренняя инициативность, отказаться от которой при всем его уважении к специалистам он не может... А то, что он зависит от столь многих специалистов... означает лишь, что его воля к жизни, его интерес к жизни сами по себе ничего не значат»¹⁹³.

Данным описанием весьма точно схватывается суть процесса «колонизации» попперовского капсулированного индивида обществом, в коем господствует утилитаризм. Очевидно, однако, что предпринимаемая здесь Берри попытка истолковать кризис американского общества («зеркалом» которого явился «средний» гражданин, несчастный, несмо-

тря на все его внешнее благополучие) в терминах последствий ухода американского общества от фермерского образа жизни является грубым упрощением действительной проблемы. На самом деле первые манифестации отображенного Берри феномена были зафиксированы политической теорией задолго до возникновения фермерской проблемы как таковой, ибо по сути речь идет о процессах, известных уже Адаму Фергюсону, описавшему в датируемом 1767 г. сочинении *Опыт гражданского общества*¹⁹⁴ факты «добровольного отказа» граждан от истинной свободы. Фергюсон первым указал на связь данного феномена с замеченной им тенденцией «превращения коммерции и богатства в главные цели государства и сведения счастья наций к этим двум понятиям»¹⁹⁵. Самой удручающей чертой наступающей новой эпохи является ее деморализующее воздействие на граждан: дух предпринимательства способен, по мнению Фергюсона, снижать качество «человеческого материала», делая людей недостойными свободы¹⁹⁶. Данная мысль присутствует и у Алексиса де Токвиля в его сочинении *Демократия в Америке*. Согласно Токвилю, процессы утраты индивидами внутренней свободы становятся неотвратимыми в той мере, в какой в качестве основы общежития людей используется принцип равенства. Равенство позволяет людям не только самим выбирать себе власть, но и чувствовать себя по отношению к ней равно любимыми детьми ее. Этой новой установке соответствует и новый тип власти — власть ласковая, власть-наставник:

«Я вижу неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души... Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова... Она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и чтобы не думали ни о чем другом»¹⁹⁷.

Однако никакая власть не способна стать матерью своих подданных; любая власть — тюремщик. Система демократического равенства чревата добровольным рабством людей, вынужденных ради сокрытия от себя самих факта собственной несвободы прикидываться послушными детьми при любящей матери. Но, комментирует Токвиль, деспотизм матери оправдывается подготовкой к будущей самостоятельной жизни, а новая власть, как и любая деспотия, «желает быть единственным уполномоченным и арбитром... она постоянно сужает сферу действия человеческой воли, постепенно лишая каждого отдельного гражданина возможности пользоваться всеми своими способностями»¹⁹⁸, не планируя для них никакой будущей самостоятельной жизни. А это — катастрофа для общества, называющего себя свободным.

Понятно, что данная проблема, в том виде, как она сформулирована классиками политической философии, не решается такими грубыми средствами, как поголовное возвращение современного цивилизованного мира на аграрную стезю. Важно только, чтобы отказ возвращаться в прошлое не превращался в отказ переосмысливать как прошлое, так и настоящее. Одним из аспектов подобной саморефлексии должно стать дальнейшее осмысление современного значения земледелия. Ибо демонстрируемая данной областью жизнедеятельности человека способность несмотря ни на что оставаться сферой «вовлеченности» ставит аграриев в один ряд с другими неконформистки настроенными социальными группами нынешнего общества. В этом и состоит *raison d'être* реализуемого настоящим исследованием политико-философского подхода к аграрной сфере. Кроме того, в теоретическом обосновании сохраняющейся «инаковости» аграрной сферы я нахожу дополнительные понятийные ресурсы критического преобразования ряда бытующих в современной политологии представлений.

Рассмотрим, например, следующий симптоматичный тезис, имеющий непосредственное отношение к анализируемой нами проблеме: «Все заставляет думать, что принятие

социального порядка связано с повседневным опытом его прочности, с его способностью функционировать ровно и не вызывать вопросов. Капитализм продемонстрировал исключительное безразличие как к разрушению, так и к сохранению фундирующих его истин и верований (религиозных, метафизических или даже идеологических)»¹⁹⁹. Данным утверждением постулируется полная самодостаточность поддерживающих современное общество инструментально-рационалистических принципов, действующих якобы совершенно независимо от качества «человеческого материала». Однако достаточно обратить внимание на плюрализм современных культурных (а опыт фермерства показывает, что не только культурных, но и экономических) укладов, чтобы понять, что безразличием капитализма «к истинам и верованиям» проблема не исчерпывается, ибо *всегда существовали и будут существовать* сферы человеческого бытия, не терпящие подобного безразличия и потому отторгающие капитализм. Можно, конечно, возразить на это, что данные сферы находятся в стороне от «столовых дорог» общественного развития. Но, как подметил Эрнст Геллнер, не только современное функционирование капитализма, но и его генезис обнаруживают зависимость от идей и идеалов, не имеющих ничего общего с поддерживающей капиталистическую рациональность философией утилитаризма. В частности, история свидетельствует о том, что «рационального пути к созданию и соблюдению ни политического, ни экономического, ни общественного договора нет... То, что имеет смысл для всех нас коллективно, теряет этот смысл с точки зрения индивидуального рационального расчета, так что вам никогда не удастся уговорить человека на добропорядочное социальное поведение с позиций его собственного личного поведения»²⁰⁰. Называя социальную мотивацию индивидов «иррационально-«рациональной»», Геллнер отнюдь не выводит ее тем самым за скобки человеческого понимания вообще, он лишь акцентирует внимание на том, что данная мотивация имеет своим референтом культурно-этическую

ипостась человеческого бытия. Именно эта последняя составляет то, что на языке современной социологии называется «договорными основаниями социальной солидарности». И хотя само понятие «договорных оснований» восходит к Эмилю Дюркгейму, в рамках политической теории попытки применения «научного анализа роли культуры в обеспечении стабильности демократии» представляют собой новшество последних лет²⁰¹.

К данной категории относится, в частности, впечатляющая обилием известных имен череда исследований, посвященных теме *доверия*²⁰². Нынешний интерес к данному понятию весьма объясним: он выражает стремление многих обществоведов найти новые концептуальные решения вопроса договорных оснований солидарности, основывающиеся на нетривиальных подходах к современным культурным реалиям. В ряду подобных исследований наибольший отклик за последние годы вызвала книга Роберта Патнема «*Чтобы демократия работала*»²⁰³. Необычайным интересом к себе данная работа, очевидно, обязана отходом автора от традиционного акцента на вопросе насаждения в массах *представлений* о демократии. Вместо этого центральной задачей Патнема стало доказательство мысли о том, что демократия *реально существует* в массах лишь там, где могут иметь место отношения доверия. Проведенное его группой исследование различных районов Италии показало, что демократические отношения наблюдаются в тех местностях, где население «вовлечено в решение публичных проблем, а не в патрон-клиентские отношения и не в персоналистскую политику. Люди доверяют друг другу, рассчитывая на то, что все будут вести себя справедливо и законопослушно... Они верят в народное правление, они предрасположены вступать в компромиссы со своими политическими противниками. И рядовые граждане, и лидеры принимают здесь условия равенства. Социально-политические структуры организованы горизонтально, а не иерархически. В сообществах такого рода ценятся солидарность, гражданственность, сотрудни-

чество и честность»²⁰⁴. Наряду с такими районами исследователям встретилось много местностей, в которых «мало кто стремится принимать участие в рассмотрении вопросов благосостояния общества, да и возможностей такого участия предоставляется немного. К участию в политике членов такого общества подталкивает не сознание коллективных целей, а либо корысть, либо зависимое положение. Популярность социально-культурных ассоциаций невелика. Индивидуальная набожность заменяет собой дух служения обществу. Коррупция воспринимается как нечто нормальное даже самими политиками, демонстрирующими циничное отношение к демократическим принципам... Законы (по почти единодушному убеждению) существуют для того, чтобы их нарушать; в то же время, страшись беззакония со стороны других, люди требуют ужесточения дисциплины. Попав в эту систему взаимособобщающихся порочных кругов, практически каждый ощущает себя объектом эксплуатации, бессильным и несчастным»²⁰⁵.

Наиболее уязвимым местом данной работы является, по моему мнению, отсутствие в ней должной «расшифровки» понятия доверия, смысл которого представляется автору самоочевидным. По умолчанию «доверие» атрибутируется исключительно демократическим системам. Но в таком случае демократические общества оказываются отделены ото всех прочих непроходимой пропастью. А это изначально лишает исследователей подходов к тому, что представляется мне «болевым нервом» исследования — я имею в виду выявление реальных путей становления демократических традиций в ситуации плюрализма социально-экономических и культурно-идеологических укладов. Так что Патнему приходится довольствоваться простой констатацией различия двух указанных типов регионов с точки зрения наличия либо отсутствия в них гражданских традиций взаимодействия и доверия, выработанных в обществе после объединения Италии «на основе многовековых норм поведения». Увы, данный комментарий мало что способен разъяснить в описанных Патне-

мом ситуациях: ведь практика «сплочения» сообщества узми семейного клана²⁰⁶ является, как минимум, такой же древней, как и гражданские традиции взаимодействия и доверия. Кроме того, неоправданным сужением самого понятия доверия выглядит тот факт, что «доверительные» отношения Патнем обнаруживает лишь в демократически организованных частях Италии, а отношения в районах, находящихся под влиянием семейных кланов трактует всецело в терминах эксплуатации. С этой точки зрения единственным объяснением жизнеспособности первого из отмеченных им типов обществ может служить только то, что «современный человек хочет такого гражданского общества, подразделения которого способны к противостоянию и уравниванию государства. Людям трудно навязать узы общинного типа»²⁰⁷. Иными словами, именно сохранение «угрозы извне» в виде тех или иных традиционных институтов пробуждает современного человека к социальному творчеству. Приняв это утверждение, трудно удержаться от мысли, что для поддержания граждан в состоянии «социального бодрствования», объективно необходимо наличие той или иной угрозы из прошлого. Иначе неизбежной становится та инфантилизация населения, которую так легко производит на свет «равно функционирующий» социальный порядок...

Несмотря на обилие критических откликов на данное исследование (оппоненты Патнема выражают недоумение по поводу заключенной в нем мысли о том, что местные привязанности и доверие в рамках локальных гражданских групп способны перерасти в доверие к демократическим политическим институтам как таковым²⁰⁸), Патнему удалось подхлестнуть интерес к теоретической разработке выявленной им проблемы, суть которой сводится, как мне кажется, к вопросу о роли доверия как обеспечителя социальной солидарности в условиях современного общества. Вслед за Патнемом Френсис Фукуяма провел крупномасштабное исследование фактов экономического развития целого ряда стран с современной рыночной экономикой – также на

предмет выявления случаев «доверия»²⁰⁹. Несмотря на то, что его анализ строился на принципиально ином материале, объектом его поиска было в сущности то же самое, что и у Патнема, а именно:

«...ожидания, возникающие в рамках сообществ и состоящие в том, что другие члены этого сообщества будут демонстрировать правильное, честное поведение, выдержанное в духе сотрудничества, основанное на общепринятых нормах этого общества. Данные нормативные ожидания могут быть связаны как с глубокими «ценностными» вопросами (такими как природа Бога и справедливости), так и с нормами повседневной жизни, такими как критерии профессионализма и кодексы профессионального поведения»²¹⁰.

Этим, однако, единство подходов исчерпывается и начинается характерная для данного исследовательского эшелона неразбериха. Все как один аналитики объясняют зафиксированные факты «честного сотруднического поведения» с помощью предложенного социологом политики Дж. Коулменом²¹¹ понятия «социального капитала»²¹². Но каждый понимает под этим термином свое. «Добровольное сотрудничество, — пишет Патнем, — легче удаётся в тех сообществах, которым удалось *унаследовать* значительный социальный капитал в виде норм взаимности и структур гражданской вовлеченности... Под социальным капиталом здесь имеются в виду те особые социальные организации (принципы, нормы, структуры), которые способны упрочить эффективность осуществляемых сообществом координационных действий.»²¹³. Таким образом, с точки зрения Патнема (как и самого автора данного термина — Коулмена²¹⁴) «социальный капитал» присутствует в современности в качестве сохраняющегося наследия прошлого. Эта трактовка вполне вписывается в спектр возможных сценариев культурной эволюции современного общества²¹⁵. По-своему трактует «социальный капитал» Фукуяма, предметом изучения которого является *экономический* аспект функционирования сравниваемых сообществ. Благодаря акценту на экономике, объ-

яснение термина дается ему особенно легко. Социальный капитал, поясняет он не мудрствуя, — это «некая разнообразно проявляющаяся норма, способствующая сотрудничеству между людьми... Составляющие социальный капитал нормы включают в себя все многообразие нормативных институтов — от норм взаимности между друзьями до таких многосложных и подробно разработанных учений, какими являются христианство или конфуцианство. Все эти нормы обязаны найти свое выражение в реальных межлических отношениях: например, такая норма, как взаимность, потенциально присуща моим отношениям со всеми людьми, актуализируется же она мною исключительно в отношениях с друзьями»²¹⁶. Фукуяма упрощает подход Коулмена, утверждающего, что «социальный капитал» по сути представляет собой *общественное благо* и потому в вопросах его воспроизводства не следует чрезмерно полагаться на индивидуальных агентов рынка. В понимании же Фукуямы главным современным источником воспроизводства данного вида капитала является как раз спонтанное возникновение его в результате многократно повторенной игры «дилемма узников»²¹⁷. Но решение «дилеммы узников» (по замыслу ее автора) состоит не в чем ином, как в готовности рационально мыслящего участника этой игры осознать, что доверие к партнерам выгодно для него лично. Стало быть, при всех околичностях вопрос о происхождении «социального капитала» Фукуяма решает в традициях бентамовского утилитаризма, согласно которым каждый предприниматель, если он желает блага самому себе, не может не осознать необходимости ладить с другими. Таким образом, все это нагромождение понятий и терминов («социальный капитал», «символический кредит», «дилемма узников» и пр.) оказывается не более чем «переодеванием» старых представлений в новую терминологию, приспособленную к весьма узким концептуальным рамкам современной социологии. О том, что подобная «модернизация» понятий фактически консервирует проблему на той самой стадии, на которой оставил ее еще

Мандевиль, свидетельствует сам выбор терминов — «капитал», «кредит», «обмен», «торг»²¹⁸ — говорящий о неспособности аналитиков расстаться с той «экономической» парадигмой мышления, неадекватность которой мы продемонстрировали на примере анализа фермерских сообществ. Не удивительно, что вслед за описанием «оптимального», по его мнению, способа современного воспроизводства «социального капитала», позволяющего обеспечивать возобновляемость даже таких его «эпифеноменов», как доверие или гражданское общество (Фукуяма имеет в виду социально-производственные контексты, возникающие, образно говоря, благодаря опыту описанной выше «игры в узников»), он вдруг находит необходимым признать:

«Проблема состоит в том, что чаще все же источником социального капитала оказываются иерархически построенные властные структуры, которые устанавливают нормы и — исходя из совершенно внерациональных оснований — ожидают, что им будут подчиняться... По своему происхождению такие нормы не являются результатом децентрализованного согласования (*bargaining* — торга); к тому же от поколения к поколению они передаются благодаря процессу социализации, в котором превалирует не разум, а обычай. Такая зависимость от проложенного пути — или, иначе говоря, от традиции — означает, что данные нормы (явно не являющиеся оптимальными в социальном плане) способны сохраняться долгое время»²¹⁹.

Присутствие «внерациональных оснований» кажется чем-то необъяснимым и раздражающим всякому, кто готов, подобно Фукуяме, искать основы социальной солидарности современного общества в принципах экономической рациональности. Все, что остается таким исследователям, это сетовать на все еще недостаточную рационализированность наличного социума и усматривает корень зла в живучести тех самых «представлений и идеалов», которые согласно веберовской традиции как раз и делают скопище эгоистичных индивидов обществом.

Выход из создавшегося таким образом идейного тупика предлагает Адам Селигмен в своей книге *Проблема доверия*²²⁰. Ценность его подхода к рассматриваемой проблеме определяется уже тем, что собственный анализ понятия доверия он начинает со своего рода «обратной трансформации» — обращения всем перечисленным социологическим неологизмам их изначального философского значения. Например:

Социальный капитал=Жизнеспособность ассоциаций=Уверенность
(базируется на)
Безусловном=Принципах генерализованного
обмена=Солидарности²²¹.

Исторически, утверждает Селигмен, социальная солидарность как основа жизнеспособности ассоциаций строилась «и на родственных связях (как это было в досовременных обществах), и на общности религиозных верований (вспомним веберовских протестантов и «свидетелей Иеговы» у Фукуямы), и на самом существовании тесных социальных связей (так называемом простом знакомстве), способно оно основываться и на таком особом типе *коллективного сознания*, который ценит автономию и целостность отдельных акторов... Коллективное сознание, конечно, представляет собой особый базис солидарности, постулированный для современных органических обществ Дюркгеймом... Становление доверия как одного из аспектов современных форм солидарности есть явление совсем иного порядка, нежели просто существование тех принципов генерализованного обмена, на которых должна базироваться уверенность в любой социальной системе»²²².

Таким образом, Селигмен единодушен с Геллнером не только в том, что основания современного типа общественной солидарности, будучи безусловными, остаются столь же иррациональными, сколь и в традиционных обществах, но и в том, что в отличие от предыдущих формаций современное (капиталистическое) общество произвольно в выборе того или иного основания солидарности. В этом находит

выражение принцип абсолютной самостоятельности составляющих его индивидов. Именно следование этому принципу превращает досовременный тип доверия (строящегося на сознании собственной общности с другим и являющегося поэтому не чем иным, как *уверенностью* в социальной системе) в *доверие* к абсолютной инаковости другого — типично современный феномен²²³. Но данная отличительная черта современного доверия обуславливает его неустойчивость. Чем чреват факт ненадежности современных оснований солидарности, воплощением которых является доверие к абсолютной самостоятельности другого? «Доверие, — утверждает Селигмен, — как и сама идея человека, обозначило границы современной эпохи, но... оказалось слишком требовательным [принципом] для того чтобы сохраниться надолго»²²⁴. Дело в том, что в порождаемой разделением труда ситуации прогрессирующей ролевой дифференциации и ролевой сегментации исчезает качество, названное Ральфом Тернером «соразмерностью» между ролью и личностью как ее носителем²²⁵. В этом состоит важнейшее отличие нынешней эпохи от «классической» современности (ее Селигмен характеризует как «эпоху господства индивидуального»), на всем протяжении которой «идея индивида и уникальности каждого из индивидов подпитывалась не только такими... факторами, как развитие ролевой дифференциации, приспособляемости и рефлексивности, но и тем фактом, что и сама личность, и общество в целом рассматривали роли как составную часть неповторимой индивидуальности каждого. Независимо от того, что выставлялось на переднем плане личности (в театре, на митингах Всеобщей конфедерации труда или в клубах республиканской партии), существовал еще и задний план, отождествлявшийся с самой личностью, ее идентичностью... «Различие», обнаруживающееся между индивидуальными ролевыми установками, та уникальная конфигурация, которую являл собой каждый социальный актор как вектор различных ролевых систем — *все это было связано с неинструментальным характером «соразмерности» роли и личности*»²²⁶.

Именно «соразмерность» роли и личности позволяла доверию к непрозрачной индивидуальности другого выступать до поры до времени в роли «матрицы социальной интеракции». Между тем в наше время прогрессирующая инструментализация межчеловеческих отношений все чаще делает невозможным сохранение этой «соразмерности». «Иначе говоря, по мере драматического развития ролевой сегментации и столь же активного распространения различного рода ограничений, налагаемых на системно заданные ожидания, неуклонно уменьшается вероятность того, что исходя из индивидуалистических принципов удастся построить моральное сообщество — и все это из-за прогрессирующей деградации принципа духовной близости, составляющего основу как общества в целом, так и отдельно взятой личности»²²⁷.

Доверие как *возможность самостоятельного согласования индивидами собственных ролей в рамках символических границ интеракции* дает единственную надежду на то, что общество окажется в состоянии сдерживать экспансию налагаемых на личность и подавляющих ее свободу системных ограничений — а давление этих ограничений возрастает по мере неуклонного усложнения ролевых структур общества. Утрата же возможности самостоятельного согласования ролей действительно равнозначна утрате представлений об индивиде «как принципиальном носителе присущих обществу безусловностей. Наша усугубляющаяся неспособность согласовывать границы своих интеракций, не прибегая при этом к суровым и неизменным правилам и распорядкам, есть еще одно свидетельство того, что нерегламентированные переговоры в обстановке доверия вытесняются расписанным по правилам поведением — поведением, основанным на системной уверенности»²²⁸. Именно так заявляет о своем всемогуществе «абсолютная, дотошная, справедливая предусмотрительная и ласковая» власть²²⁹.

Иными словами, в той мере, в какой отношений *доверия* (в современном — по Селигмену — понимании этого термина) оказывается недостаточно для сдерживания натиска

«нового прекрасного мира», общество начинает ощущать потребность в «воскрешении коллективных, зачастую примордиальных групповых идентичностей в качестве первоисточника личности»²³⁰. Происходит это от того, что, как показывают многочисленные исследования (суть которых так образно суммировал Берри в упоминавшемся уже *Разрушении Америки*), доверившийся «ласковой» власти современный индивид только со стороны может казаться осчастливленным ею. На деле же, утратив свободу, став — по Фергюсону — «недостойным свободы» (якобы предоставленной ему институтами современного общества), он утрачивает большую часть самого себя и вынужден поэтому предаваться хаотическим поискам некой альтернативы невыносимости наличного образа жизни. От чего спасается современный индивид? Очевидно, от того состояния, которое на языке политической теории зовется *политической бессубъектностью*. Последняя есть не что иное, как современный аналог канонического марксистского отчуждения.

Именно в этом ключе следует расценивать и факт возрождения фермерских общин, и более масштабные процессы, наблюдаемые в американском обществе в последнее десятилетие. Так в своей новой книге *Игра в одиночку: упадок и возрождение американского сообщества*²³¹ Р. Патнем говорит о том, что при всем богатстве форм, сохраняющихся в нынешнем гражданском обществе США (различные союзы, церкви, группы интересов, этнические объединения, политические партии, благотворительные общества, соседские клубы, кооперативы и т.д.), данные ассоциации в большинстве своем характеризуются неустойчивостью и ненадежностью положения. В целом исследование Патнема фиксирует упадок институтов американского гражданского общества. «Мы видим, — дополняет его наблюдения Майкл Уолцер, — множество разобщенных, не обладающих никакой властью и зачастую деморализованных мужчин и женщин, от лица которых выступает и которых эксплуатирует все возрастающее число демагогов и псевдохаризматических фигур, выступающих от имени той или иной расы или религии»²³².

Речь идет о том, что одновременно с ослаблением ассоциаций гражданского общества в Соединенных Штатах усиливается влияние так называемого мультикультурализма — лавинообразного нарастания численности добывающихся общественного признания этнонациональных и религиозных групп. Именно такого рода институты являются (наряду с семейным фермерством) особо привлекательными для «потерянных» личностей, так как легко ассоциируются в представлениях широких слоев населения с образом общества, не знающего указанных современных типов деспотизма власти. Интересной особенностью мультикультурализма является то, что в его рамках к собственно этническим объединениям примыкают группы, представляющие чисто социальные категории (женщин, геев, бисексуалов, инвалидов, глухих)²³³, при этом в плане самоидентификации эти последние также выступают чем-то вроде «этносов». Подобные тенденции свидетельствуют если не об окончательном крахе, то о серьезном кризисе традиционной для США официальной идеологии «плавильного котла» и показывают, насколько настоящей является в нынешнем американском обществе тяга к обретению того или иного первоисточника личности — пусть даже таковым окажется воскрешение групповых идентичностей.

Позволяет ли все вышесказанное позиционировать фермерское движение современности как явление однотипное в культурном плане мультикультурализму? Ведь нельзя не признать, что и в том и в другом случае мы действительно имеем дело с попытками подвести под наличное бытие некие примордиальные основания, призванные послужить обеспечителем групповой солидарности в условиях, когда солидарность в масштабе общества в целом не представляется возможной. Однако при сравнении мультикультурализма с движением за укрепление социальных позиций фермерства бросается в глаза одно важное различие. Если говорить о первом течении, то искомые им примордиальные основания оказываются при ближайшем рассмотрении основани-

ями вымышленными, мифическими. Об этом факте уже не раз заявляли теоретики глобализации, рассматривающие феномен мультикультурализма в контексте специфических проблем ассимиляции иммигрантов²³⁴. Данное обстоятельство, лежащее на поверхности в том случае, когда «этносом» объявляют себя, к примеру, лесбиянки, не столь очевиден в случаях, когда основой для обособления служит фактор национальной принадлежности. Между тем, как показывают современные исследователи мультикультурализма²³⁵, действительность — чем дальше, тем больше — демонстрирует обоснованность утверждений о том, что самоотождествление отдельных представителей нынешнего западного общества с теми или иными этническими, расовыми, религиозными объединениями на деле носит весьма произвольный характер: в конечном счете за ним всегда стоит стремление тем или иным способом отгородиться от макросообщества, находясь в котором индивид, вопреки своей воле, превращается в носителя «множества частичных идентичностей»²³⁶. В этом смысле мультикультурализм как социальная практика представляет собой попытку заменить зыбкое современное основание солидарности, каковым является доверие к непрозрачной индивидуальности другого, чем-то более традиционно-незыблемым — «природным». Как расценить данное явление? С одной стороны, очевидно, что указанная практика — в той мере, в какой она апеллирует к «естественным устоям» — на деле представляет собой симуляцию, бегство от проблемы: ибо в ситуации, требующей от каждого индивида принятия осмысленных решений, «природное», как уже было сказано, на поверку оказывается лишь «природоподобным». Культивирование такого «природоподобия» во все времена означало уход личности из сферы политического бытия. С другой стороны, коль скоро в случае формирования указанных псевдоэтносов мы имеем дело с произвольным выбором индивидов, нельзя не сознавать, что здесь речь идет о неких паллиативах политической деятельности, и это является еще одним интересным штрихом, дополняющим картину утраты политической субъектности.

Не проще обстоит дело с прокрестьяскими и профермерскими движениями и идеологиями. Специфика их определена двойственностью положения земледельца в современном обществе. С одной стороны, ментальность фермера, как и сама его жизнедеятельность, неизбежно включает в себя элементы действительной, а не вымышленной причастности к природе (что и давало основания даже таким прогрессистски настроенным мыслителям, как Маркс, противопоставлять «природность» аграрной сферы «антиприродности» индустриализма). Правда, именно в случае с фермерством подлинная связь с природой в полной мере изобличает свою недейственность в части противостояния социально-политическим вызовам. С другой стороны, всякий раз, когда этот «природный» (то есть обусловленный направленностью на живой «объект») *modus vivendi* распространяется за пределы собственно аграрной сферы и утилизируется той или иной конкретной идеологией, он, как правило, становится объектом манипуляций различных властных группировок, однотипных с теми, которые олицетворяют носители псевдоприродной ориентации²³⁷, и в этом смысле оказывается концептуально неотличимым от современных порождений мифологизирующего сознания и зависимым от этого сознания. Здесь и кроется причина того резко амбивалентного отношения к крестьянско-фермерскому мировоззрению, которое демонстрировало современное общество на всех этапах своего развития: очевидно, что поборники фермерства как образа жизни, с одной стороны, и обличители «идиотизма сельской жизни» и сельской ментальности, с другой, оперируют с двумя разными представлениями о земледельцах и земледелии, каждое из которых верно — но лишь отчасти. «Полный» образ земледельца дается нынешнему социуму так же нелегко, как нелегко достигается актуализация культурообразующего потенциала аграрной сферы. В этом я нахожу еще одно свидетельство того, насколько мало продвинулось современное общество в плане саморефлексии. Между тем сам факт существова-

ния очагов традиционного фермерства²³⁸, продолжающих сохраняться в недрах аграрного производства после более чем столетнего засилья в сельском хозяйстве стран Запада индустриальных технологий (и, что еще хуже, индустриальной ментальности), заставляет задуматься о том, не должна ли проблема восстановления политической субъектности решаться с опорой на те ресурсы, которыми реально располагает общество в его сегодняшнем состоянии.

Заключение

Отношение к земледельцам как ресурсу со стороны различных политических сил — для истории не редкость. В контексте же сказанного выше тезис о «ресурсности» аграрной сферы имеет смысл лишь в той мере, в какой мне удалось донести до читателя собственное видение политико-философского наполнения аграрной проблемы. В этой связи считаю нужным предупредить против отождествления предпринятой в работе попытки выявить «непреходящую специфику земледелия» с поисками некой дополнительной основы, якобы предопределяющей судьбу данной сферы человеческой жизнедеятельности наперекор условиям места и времени. Наоборот: приближение к сущности предмета интересно здесь постольку, поскольку таковое позволяет раскрыть эту сущность в аспекте политической субъектности. Как писал по этому поводу Майкл Оукшот, «идентичность человека (или сообщества людей) есть не что иное, как непрерывность воспроизведения некоего определенного сочетания качеств, каждое из которых есть порождение случая, ценное ровно настолько, насколько оно нам близко и знакомо. Она (идентичность. — *И.М.*) не являет собой некую твердыню, крепость, за стенами которой мы можем укрыться, и единственное средство защитить эту идентичность (то есть нас самих) от сил перемен заключено не в крепости, а в чистом поле, каким является наш собственный опыт»²³⁹.

В «чистом поле» политического опыта прошедших столетий идентичность земледельца заявила о себе поначалу через представления об «идиотизме сельской жизни», о «варваре, наполовину оторванном от общества» и потому обреченном на вымирание. Однако то, что стало происходить в аграрной сфере позднее, в период крупномасштабного наступления агробизнеса, заставило отбросить обвинения в варварстве. Внутри сельскохозяйственного производства определилось некое ядро, в пределах которого традиционное неизменно побивало и продолжает побивать модерни-

зированной. Сейчас настал момент задаться политическим вопросом: является ли данное ядро оплотом традиционализма или же мы имеем дело с чем-то другим? Это вопрос высокой теории, но он же остро злободневен. Ответ на него равен акту самоопределения в контексте развивающейся современности, и уже в силу этого он не является чем-то самоочевидным. Мой собственный ответ на этот вопрос, на первый взгляд, достаточно парадоксален. Он состоит в том, что аграрная сфера, «вломившаяся» в Новое Время этаким осколком традиционного общества, в процессе модернизации изжила собственный традиционализм.

Данное утверждение может показаться противоречащим тому, что доказывалось на протяжении всей книги: выживаемость фермера есть неоспоримое свидетельство способности сохранения им собственной идентичности. Но кто сказал, что удел этой идентичности — традиционализм? Если присмотреться, например, к упоминавшимся ранее выводам американских социологов, согласно которым и в наше время нормальная логика формирования аграрных сообществ ведет к воспроизводству *Gemeinschaft*, то окажется довольно очевидным, что в их интерпретации данный теннисовский термин не может означать возврата к досовременному состоянию сельского социума — хотя бы уже потому, что материалом для исследования послужили сообщества в высшей степени современных аграрных производителей и к тому же таких, для которых *Gemeinschaft* явилось не наследством, полученным от предков, а собственным (хотя и непреднамеренным) коллективным творением. Фактически наблюдения американских социологов показали, что коллектив сельских производителей при отсутствии принуждающих воздействий извне самостоятельно производит такой современный тип аграрного сообщества, который не имеет ничего общего с предначертаниями теоретиков модернизации. Аграрная сфера оказывается культурно самодостаточной — не в изоляционистском понимании, а в плане сохранения собственного ресурса политической субъектности. Эта са-

модостаточность позволяет ей политически интегрироваться в современное общество не в качестве традиционалистской, но в качестве *консервативной* силы.

Таким образом, ситуация позднего модерна ставит теоретиков перед необходимостью разграничения и взаимоуточнения понятий «традиционализм» и «консерватизм». Сама развивающаяся действительность высвечивает различия между не приемлющими модернизации «хранителями устоев» и силами, практикующими консервативный принцип «сохраняя, изменяй». Вторых, в отличие от первых, никак не отнесешь в разряд политических реликтов. Именно поэтому аграрная сфера (как «оплот» — но не традиционализма, а консерватизма) представляет собой ценный ресурс современной политики. Подобно любому истинно консервативному течению она «берет на себя функцию защиты многообразия, способного вместить в себя разнотипные культуры без условия подгонки их под господствующий шаблон»²⁴⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Венделл Берри. Аграрные решения аграрных проблем²⁴¹

Может статься, что изо всех тех перемен, что принесла нам современность, наиболее мощной и разрушительной стала переменна в словоупотреблении; я имею в виду возникновение образа или скорее метафорического представления о машине. До того, как в умах большинства людей из так называемых «развитых» стран не произошла промышленная революция, господствующими были образы органической жизни: все они были связаны с живыми существами и имели либо биологический, либо пасторальный, либо сельскохозяйственный, либо семейный привкус. Бог виделся «пастухом», а верующие «овцами Его стада». Страна, в которой человек родился, называлась «отчиной». О ком-то из людей говорили, что он силен, как лев, о другой — что она грациозна, как лань; кто-то был стремителен, как ястреб; кто-то — хитер, как лис и т.д. и т.п. Иисус называл себя «женихом». О людях, умевших хорошо ухаживать за землей, говорили, что они справляются с ролью «мужей»²⁴². Идеальными отношениями меж людьми считались отношения «братства» и «сестринства».

Теперь мы, не поморщившись, говорим о мужчинах и женщинах как о «производственных единицах» — как если бы они были совершенно одинаковые и взаимозаменяемые части машин. Стало обычным и оправданным говорить об уме как о компьютере: поделиться мыслями с другим равнозначно «входу», получить на них ответ подобно «выходу». И само тело воспринимается как машина; например, говорят, что оно использует еду, как «горючее»; лучшие работники и атлеты одобрительно сравниваются с машинами. Работа же оценивается почти исключительно по признаку ее «эффективности» (которая в нынешнем понимании есть не что иное, как критерий, применимый к механизмам) или же по

ее «прибыльности» (которая суть единственный надежный способ соотнесения человека с этой механической эффективностью). Страна обитания уже не зовется любящим и интимным словом «отчизна»; мы более склонны ценить ее за ту «производительность», с которой она использует «сырье» или «природные ресурсы» — то есть мы ценим ее в строгом соответствии с ее способностью обеспечивать бесперебойную работу машин. А недавно Р.Бакминстер Фуллер выступил с утверждением, что «и сама вселенная являет собой в физическом смысле самую невероятную технологическую систему». Из этого остается только логически вывести то необходимое следствие, что Бог суть не отец, не пастырь и не жених, а механик, действующий в соответствии с принципами, которые, если верить Фуллеру, «имеют исключительно математическое выражение».

В контексте подобной языковой революции, которая по сути сворачивает набекрень наши мозги, нет ничего удивительного в том, что и фермерство оказывается под гнетом этой поразительно агрессивной метафоры. Согласно большинству из тех представителей власти, в чью компетенцию входит занятие сельским хозяйством, фермерство уже не образ жизни, не уход за животными и даже не сельское хозяйство; это отрасль промышленности, известная как «агробизнес», для которого ферма есть разновидность «фабрики», а фермеры, растения и животные — да и сама земля — не более чем заменяемые элементы «производственных единиц».

Данное отношение к фермерству занимает доминирующие позиции на протяжении жизни целого поколения, так что пришла пора спросить: насколько продуктивно такое отношение? Ответом будет то, что оно работает с такой же продуктивностью, с какой работает любой промышленный механизм, что в узкоспециальной терминологии означает очень «эффективно». Иначе говоря, она «*по всей видимости*» позволяет четырем процентам населения «кормить» всех остальных. И это не может не впечатлять — до тех пор, пока мы концентрируем внимание исключительно на «фабрике

по производству пищи»: ведь она так продуманно организована, она так технологически выверена; говоря ее же собственным языком, она потрясающе «эффективна».

Лишь взглянув на вопрос более широко, начинаем мы понимать, что данная «фабрика» фактически является банкротом. Внутри нее царит машинообразный порядок, но, как и все другие предприятия, функционирующие по индустриальной модели, она является частью единого, стремительно ширящегося и углубляющегося хаоса. Для наших целей достаточно перечислить наиболее серьезные из тех проблем, связь которых с промышленным аграрным производством лежит на поверхности: (1) эрозия почвы; (2) спрессовывание почв; (3) загрязнение воды и почвы; (4) вредители и болезни, возникающие вследствие отсутствия оборота культур и ухудшения экологии среды; (5) обезлюдивание сельских местностей; (6) городское одичание.

Самой очевидной неправдой в том, как оценивает себя «агробизнес», является декларируемая «эффективность» технологий «агробизнеса». В первую очередь, неправда заключена в подсчете эффективности, исходя из производительности рабочих, а не акров земли. Во-вторых, производительность, оцениваемая только в «человеко-часах», как ее измеряют защитники «агробизнеса», опасно — и, следует признать, намеренно — искажает реальное положение дел. Ибо те 4% нашего населения, что остались на фермах, не могут, как ни напрягай воображение, прокормить всех остальных. Эти 4% есть лишь малая и самая низкооплачиваемая часть всей отрасли, занятой производством продуктов питания — сети, в которой есть и покупатели, оптовые и розничные, и переработчики, упаковщики, доставщики, производственники, торговцы машинами, строительными материалами, кормами, пестицидами, гербицидами, удобрениями, медикаментами и горючим. Все эти производители одновременно находятся в состоянии конкуренции и взаимосвязанности — и все они зависят от нефтяной промышленности.

Что же до самих фермеров, то они давным-давно утратили контроль над собственной судьбой. Теперь они уже не «независимые фермеры», следующие собственным древним и, пожалуй, незаменимым идеалам; они — «агенты» своих кредиторов и рынка. Они — *неодушевленные* «производственные единицы», которые обязаны функционировать «эффективно» — независимо от того, нужно ли это как инвесторам или просто как живым существам, или не нужно.

Если же подойти к вопросу широко, тогда промышленное аграрное производство предстанет нашему взору как чреватая катастрофой ошибка. Чем вызвана такая оценка? Думаю, к ней нас подводят два неумолимых довода.

Во-первых, индустриальному подходу, как видно, исконно присуще упрощательство, он исходит из допущения о том, что следствием [проводимой политики] может быть только что-то одно; для индустриалистов производственная проблема всегда однозначна, как $X=X$. Для того чтобы принимать решения относительно X , индустриалистам-аграриям требуется свести любую сельскохозяйственную проблему к проблеме из области механики — так, например, технология современных откормочных стала возможной только после того, как к животным стали подходить как к машинам.

Само собой разумеется, такой подход исключает, с одной стороны, биологический, а с другой — культурный, человеческий аспекты. Как только мы включаем в свой подход и то, и другое, сразу становится ясно, что последствия — как всегда подсказывал нам собственный разум — с неизбежностью многообразны; со временем они множатся, укореняются; так что невозможно предвидеть, к чему приведет все это разрастание, идущее в геометрической прогрессии отнительно изначального размера или изначальной силы того, что являлось первопричиной. Мы же, подходя к вопросу с позиций традиционной мудрости, а также экологов (которые, насколько я могу судить, подтверждают традиционную мудрость), сознаем, что в такой стране таких размеров, как Соединенные Штаты, и столь же экономически однородной,

даже эта самая мелкая аграрная «производственная единица» на деле весьма велика. Она включает в себя всю сельскохозяйственную землю, плюс всех фермеров, плюс все фермерские сообщества, плюс все знания и технические средства производства, плюс все имеющиеся сорта и породы домашних растений и животных, плюс природные системы и циклы, сопутствующие фермерству и поддерживающего его, плюс знания, вкусы, суждения, кулинарные навыки и пр. всех тех людей, которые покупают пищу. Именно в обеспечении и упрочении благосостояния этой «единицы» и должно состоять решение аграрной проблемы. О меньшем не может быть и речи.

Вторая причина несостоятельности индустриального сельского хозяйства заключена в его расточительности. В естественных или биологических системах потерь не бывает. Легко привести также неиндустриальные примеры из области человеческой культуры, где не было или не бывает отходов. Любые отходы в цикле природной жизнедеятельности остаются внутри этого цикла, и они превращаются в удобрение и дают возможность жизни продолжаться. В природе смерть и разрушение столь же необходимы — можно даже сказать, столь же животворны — как и сама жизнь; поэтому потерь не бывает. Поэтому естественного производства просто не может быть: в природе существует только воспроизводство.

Но индустриальному производству всегда — по крайней мере, до сих пор — была присуща расточительность. У него всегда возникали не пригодные ни для какого использования «побочные продукты». Поскольку промышленные циклы никогда не являются замкнутыми — ибо в них нет никакого *возвращения*, — то двумя характерными чертами индустриального производства являются истощение и истребление. Так энергетическая промышленность представляет собой не цикл, а короткую дугу между пустой дырой и отравленным воздухом. И фермерство, цикличное по своей природе, фермерство, способное к бесконечному воспроизводству и возрождению, будучи преобразовано в индустрию,

становится столь же опустошительным и саморазрушительным. Загрязнение среды, вызванное сельскохозяйственным производством, стало серьезной и усугубляющейся проблемой. Сама специфика индустриального сельского хозяйства заставляет его обращаться даже с землей как в «сырьем», которое она продолжает перерабатывать до тех пор, пока земля не превращается в «отбросы». Так, согласно некоторым подсчетам, при сохранении нынешних темпов эрозии почв земли Айовы, ныне используемые для выращивания зерновых, будут истощены к 2050 г. Мне не довелось встретить кого-либо, кто попытался бы подсчитать, какая *человеческая* цена была заплачена за такое фермерство — изматывающее людей, сгоняющее их с насиженных мест, порождая социальный разлом и пр. — и думаю, это потому, что данную цену определить невозможно.

Фиаско, которое потерпело индустриальное фермерство, не столь очевидно, не столь заметно потому, что многие из его наиболее тяжелых социально-экономических последствий дали о себе знать уже в городах, где их ошибочно называют «урбанистическими проблемами». К тому же из-за малочисленности нынешнего фермерства большинство людей ничего о нем не знают и, сталкиваясь с аграрными проблемами, просто не понимают, о чем идет речь.

Но если промышленное фермерство потерпело фиаско, как может оно продолжать производить такое колоссальное количество еды? Одна из причин того заключается в следующем: большинство стран, практикующих промышленное сельское хозяйство, изначально обладало хорошими землями с большими запасами естественного плодородия (в местах с незначительными запасами плодородной земли — такими, как бассейн Амазонки — промышленное сельское хозяйство куда быстрее приносит разрушительные последствия). Другая причина состоит в том, что до сих пор в условиях сокращения естественного плодородия нам удавалось поддерживать прежний уровень производства, применяя в больших количествах химические удобрения. Фак-

тически это служило маскировкой факта снижения естественного плодородия почв, но важно подчеркнуть, что это — лишь маскировка. Она лишь отсрочивает некоторые проявления несостоятельности, но предотвратить их она не может. Требуется огромное количество химических удобрений, использование их обходится все дороже, и большинство этих удобрений поступает из невозобновляемых источников. Промышленное сельское хозяйство теперь всецело зависит от этих удобрений, и эта зависимость составляет одно из главных ее уязвимых мест.

Вторым уязвимым местом промышленного сельского хозяйства является его абсолютная зависимость от огромной и многосложной — а потому хрупкой — организации экономики и промышленности. Производство продуктов питания промышленными методами может понести серьезный ущерб или быть вовсе остановлено вследствие целого ряда причин, ни одна из которых не будет иметь отношения к сельскому хозяйству, как то: забастовка водителей грузовиков, дефицит бензина, дефицит кредитования, «ошибка» на производстве, такая как катастрофа в Мичигане.

Третьим уязвимым местом является абсолютная зависимость большинства населения от индустриального производства еды и отсутствие какой-либо «системы подстраховки». Мы имеем беспрецедентно большое городское население, не обладающее ни землями для выращивания продуктов питания, ни знаниями о том, как их выращивать, и к тому же начинающее забывать о том, как перерабатывать выращенное. В том, что такое население будет накормлено и в условиях дефицитов, забастовок, эмбарго, мятежей, депрессий, войн либо любой другой из крупномасштабных напастей, коим так подвержены индустриальные общества, нельзя быть уверенными; на это нельзя даже надеяться; подобная вера имеет не больше силы, чем суеверие.

В качестве примера того, какие неведомые трудности и противоречия таятся в промышленном методе ведения сельского хозяйства, рассмотрим недавние замечания нашего

министра сельского хозяйства Боба Бергланда относительно состояния сельского хозяйства в Китае: «С точки зрения производительности работников они ужасно неэффективны — 700 млн человек работают с «пешеходным» результатом. Но если посмотреть на объемы производства на единицу обрабатываемой площади, то здесь они поразительно успешны. С каждого акра они получают в девять раз больше калорий, чем получаем мы у себя в Соединенных Штатах».

В данном комментарии поражает неспособность осознать наличие связи между многочисленностью крестьян и высокой производительностью их труда в расчете на единицу земли. Согласно одному из недавно сделанных наблюдений, во многих частях Китая сельское хозяйство все еще является не столько фермерским, сколько, так сказать, приусадебным. Поскольку же оно ведется на относительно маленьких (по сравнению с количеством используемого ручного труда) участках, в арсенале китайских крестьян имеются такие высокопроизводительные методы, как плодосмен и частая ротация культур, которыми у нас пользуются только в приусадебных хозяйствах. У многих китайцев приусадебные участки сохраняют плодородие на протяжении тысяч лет, и это является прямым следствием того, что в сельском хозяйстве у них занята огромная часть населения. Благодаря этому каждый акр земли может оставаться объектом интенсивного земледелия и тщательного ухода, веками сохраняя максимальное плодородие и давая максимальные урожаи, ибо имеется достаточно знающих людей, способных заниматься необходимым для этого ручным трудом.

Наивно полагать, как делает это м-р Бергланд, будто подобное сельское хозяйство можно улучшить при помощи «модернизации» — то есть путем насаждения в нем промышленных стандартов, методов и технологий. Как возможно индустриализировать подобное аграрное производство, не разрушив его интенсивную методику и не снизив тем самым производительность в расчете на единицу обрабатываемой площади? Как могут взять на себя машины подобные «пе-

шеходные» занятия, не вытеснив из дела людей, не повысив уровень безработицы, не нанеся ущерба качеству ухода за землей, не наплодив новых трущоб и прочих урбанистических бедствий? Иначе говоря, может ли подобная революция не породить в Китае те же проблемы, которые она уже принесла Соединенным Штатам? Я не хочу сказать, что на все эти вопросы может быть найден простой ответ. Я хочу сказать только, что прежде чем начать участвовать в индустриализации китайского сельского хозяйства, мы должны задать себе вышеперечисленные вопросы.

И, наконец, данное высказывание министра примечательно тем, как он пользуется определением «пешеходный». Подобное словоупотребление точно соответствует произошедшей в нашем языке промышленной революции. Чем дальше заходит индустриализация, чем большее влияние оказывает она на наши ценности и наше поведение, тем более презрительным и оскорбительным становится слово «пешеходный». Если вы хотите выяснить, каково отношение у нас ко всему пешеходному, попытайтесь пройти по обочине загруженной высокоскоростной трассы, и вы убедитесь в том, что на вас будут смотреть главным образом как на помеху на пути мощи и скорости. Чем меньше в чем-либо мощи и скорости, тем «пешеходней» это что-то. Плуг с одним корпусом, разумеется, «пешеходней» плуга с восьмью корпусами; при этом качество работы того и другого во внимание не принимается. Таким образом, ручной труд должен быть изгнан с китайских полей по тем же причинам, по каким мы теперь строим улицы без тротуаров: на пешеходов не рассчитывают, вот он и оказывается под запретом. Пользуясь этим словом, министр игнорирует, с одной стороны, вопрос качества работы, а с другой, вопрос социальных ценностей и целей. Разве переход от ручного к машинному труду на полях гарантирует улучшение качества работы? Разве замена крестьянина машиной гарантирует улучшение положения работника? Начинает ли работник трудиться лучше, искусней, с большей заинтересованностью и удовле-

творением, когда его силы наращиваются при помощи машины? Чье благосостояние выше: работника «пешеходной» фермы или безработного в городском гетто? Что из этого более выгодно для страны?

Я столь подробно остановился на высказывании министра Бергланда не потому, что в этом высказывании есть что-то странное, а потому, что оно является типичным для доминирующего в Америке подхода к сельскому хозяйству. Думаю, министр непроизвольно прибег к языку аграрного индустриализма, не способного адекватно разрешать аграрные проблемы из-за того, что не может ни понять, ни определить их в качестве именно аграрных проблем.

Теперь я попытаюсь объяснить, в чем заключается аграрный подход к аграрным проблемам — подход, который способен приводить к верным решениям и, следовательно, будет поддерживать и укреплять благополучие той громадной «единицы» по производству пищи, в которую входим все мы и вся наша страна. Для того чтобы объяснить это, мне понадобится разобраться с четырьмя проблемами, вечно сопутствующими фермерству, проблемами практическими — в том смысле, что их практическое разрешение может быть найдено не в публичных местах — в организациях, на рынках, в политике — а только *на фермах*. Это проблемы размера, равновесия, разнообразия, качества. О подлинности этих проблем свидетельствует тот факт, что они неотделимы одна от другой и могут быть решены только в комплексе.

1. Проблема масштаба. Отношение к размеру как к «проблеме» указывает на то, что вещи способны быть слишком большими и слишком маленькими, и, думаю, это действительно так. Технология может достигать размеров, являющихся, во-первых, недемократическими и, во вторых, негуманными. Она способна выходить из-под контроля людей — а, значит, и из-под контроля человеческих институтов. Какими должны быть предельные размеры, превысив которые техника прекращает служить людям и начинает подчинять их себе?

Размеры земельных владений являются к тому же *политическим* фактором. В любом конкретном регионе имеется свой демократический и свой плутократический или тоталитарный размер. В наше время огромную угрозу для демократии в Америке представляет резкое сокращение численности людей, имеющих в собственности землю или земельную собственность любого типа. (Согласно только что опубликованному отчету Генеральной Счетной Палаты, «ныне лишь менее половины всей фермерской земли находится в собственности тех, кто ее обрабатывает»). Эрл Бутц полагает, что подобное состояние дел компенсируется увеличением числа обладателей страховых полисов. Но стоимость страхового полиса колеблется вместе с колебаниями стоимости денег, в то время как *реальная* стоимость земли не колеблется никогда; ее стоимость всегда равняется стоимости жизни, возможности выживать. Когда эта ценность находится под контролем богачей или властного меньшинства, демократия сводится к простым *формам* правления, а их легко уничтожить или проигнорировать.

Кроме того, в любом конкретном регионе имеется свой предел, превысив который ферма уже не может быть объектом внимания, любви и заботы одного-единственного фермера.

Предметом озабоченности аграрников являются также и размеры полей. Поля могут оказаться слишком большими для того, чтобы осуществлять на них эффективную ротацию или выпас, или предотвращать эрозию культивируемых земель. Вообще чем более наклонной является поверхность, тем мельче должны быть поля. Так, например, на крутых склонах Анд земледелие велось на протяжении тысячелетий. Несомненно, эта его живучесть определялась мерами по почвоудержанию, у андских крестьян имеется богатая методология осуществления контроля над эрозией. Но изо всех имеющихся в их распоряжении средств и методов наиболее эффективным является метод сохранения малоразмерных полей, — к этому приспособлена вся их методология борьбы с эрозией, большая часть земли все еще обрабатывается ручным способом и с использованием быков.

2. Проблема равновесия. Нахождение правильной пропорции между людьми и землей, так чтобы уровень ухода за хозяйством не отставал от уровня производства. Данная проблема очевидным образом связана с проблемой размера. Решение проблем эрозии и спрессовывания почв зависит от правильного решения этих двух проблем.

Но, кроме того, каждое хозяйство, каждый фермер должны находить правильное соотношение между собственными растениями и животными. В этом основа независимости сельского хозяйства. В условиях равновесия между животными и растениями заключен полный цикл возобновления плодородия — настолько полного, насколько это возможно. В идеале каждая ферма должна сама обеспечивать условия собственного плодородия. Однако в условиях коммерческого фермерства, когда многие питательные вещества вывозятся с фермы на продажу, существует необходимость возвращать их фермеру в виде компостируемых «городских отбросов» — стоков, мусора и пр.

Изучая проблему равновесия, начинаешь понимать, что такое производительность фермы — это объем производства, который она способна обеспечивать без ущерба для собственных возможностей.

Если с проблемой равновесия удастся справиться, это делает производственную деятельность фермы более или менее устойчивой. Теперь уже ни оснащение ее, ни функционирование не будет увязываться с флуктуациями рынка, что является не сельским хозяйством, а имитацией промышленной экономики в условиях фермы.

3. Проблема диверсификации. Она представляет собой единственно возможную «систему страхования» в сельском хозяйстве. Применительно к ферме застраховаться означает не «не класть все яйца в одну корзину», а иметь у себя как можно больше пород, сортов, видов — разумеется, в пределах природных возможностей, здравого смысла и практической целесообразности.

Если же мыслить в масштабе всей нашей страны, то применительно к ней диверсификация будет означать видовое многообразие. К тому же под диверсификацией следует в этом случае понимать разнообразие видов *надлежащего* ведения сельского хозяйства: различие местностей с неизбежностью влечет за собой разнообразие в смысле видов фермерства; не следует забывать также о примыкающих к крупным городам товарных овощеводческих фермах и фермах неполного времени, способствующих самодостаточности и независимости местностей; не забудем и о приусадебных садах и огородах, имеющих как в сельской, так и в городской местности.

4. Проблема качества. *Качество*, как я его понимаю в данном контексте, является неотъемлемой предпосылкой *здоровья* — здоровья физического, обеспечиваемого хорошей пищей, но также и здоровья экономического, политического, культурного и духовного. Все эти виды здоровья связаны между собой. Надеюсь, то, что говорил я ранее о других проблемах, позволяет понять и то, в какой степени здоровье зависит от хорошей работы.

Индустриальное аграрное производство предпочитает смотреть на фермера как на «рабочего» — нечто вроде устаревшей, но еще не вышедшей в расход машины — действующей в соответствии с инструкциями, поступающими от ученых и экономистов. Мы игнорируем ту истину, что *хороший* фермер представляет собой кустаря в лучшем смысле этого слова — мастера своего дела. Достаточность и устойчивость продовольственного обеспечения зиждется на хорошей работе хороших фермеров и ни на чем другом.

Игнорируя эту истину, экономисты-индустриалисты способствовали приходу на фермы некачественного труда. Думаю, это произошло потому, что некачественной работе легко назначить цену. Поскольку некачественная работа способна продолжаться лишь ограниченное время, ей нетрудно найти денежное выражение. Что же до хорошей работы, которая либо сама по себе, либо по своему влиянию выходит

за рамки кругозора экономистов, то ее можно ценить, но назначить цены ей нельзя, ибо она бесценна. Я имею в виду такое различие, которое существует, например, между забором из проволоки и каменной стеной или между каким-нибудь бензомотором и скотом хорошей породы.

Я все больше убеждаюсь в том, что единственной практической гарантией качества является принцип самопрокоррекции — то есть потребления продуктов самим производителем, — а ведь индустриальным сельским хозяйством этот принцип фактически не практикуется. То, что теперь фермерские семьи, подобно горожанам, ходят за едой в супермаркеты, представляют даже как преимущество промышленного сельского хозяйства. С другой стороны, вполне можно утверждать, что люди, потребляющие собственные продукты, должны быть заинтересованы не только в качестве, но и в количестве производимого, тогда как люди, производящие исключительно на продажу, заботятся главным образом о количестве продукта.

Следует заметить, что производство не числится в моем списке проблем. Это потому, что, если надлежащим образом справиться с упомянутыми мною проблемами, производство проблемы не составит. Хорошее производство — это всего лишь результат хорошего фермерства.

Техника на конной тяге и теория трудосбережения

Пять лет назад, когда мы увеличили нашу ферму с двенадцати до почти что пятидесяти акров²⁴³, стало ясно, что нам будет не хватать того оборудования, которое у нас есть (а оно состояло в основном из вращающейся ножевой бороны и трактора с выносным управлением марки Gravelly; трактор и сенокосилку для косьбы на нескольких акрах своего пастбища мы брали напрокат). Теперь у нас было порядка двадцати пяти акров пастбища, три акра сенокосных земель плюс сад; и еще мы собирались расчистить кое-какие земли

и повыкорчевывать часть деревьев на дрова. Так вот, сначала я собирался приобрести подержанный трактор марки «Ford 8N», но в конце концов решил прикупить вместо него упряжку лошадей.

Я рад, что принял именно это решение, и тому есть несколько причин. Одна из них — та, что это заставило меня более внимательно и дотошно вникнуть в вопросы развития технологии ведения сельского хозяйства. Мальчиком я научился управлять конными упряжками, а позже выучился пользоваться и трактором, который после второй мировой войны практически заменил в этой части страны все упряжки с лошадьми или мулами. Теперь, как бы достигнув середины собственной жизненной истории, я повернул обратно для того, чтобы вновь приняться за старое.

Купив одно, взяв в займы другое, я собрал все необходимое оборудование: прицеп, навозоразбрасыватель, косилку, однорядный плуг-культиватор для работы в саду. Большая часть этих машин годами валялась без дела. Я привел их в рабочее состояние и пустил их в дело. Это было в 1973 г. За годы, прошедшие с тех пор, я купил — и для себя, и для других — еще несколько приспособлений, рассчитанных на конную тягу. В моем собственном арсенале теперь имеется плуг для целины, культиватор на две лошади и зерновая сеялка.

Восстанавливая эти старые приспособления, пользуясь ими, я узнавал, насколько хорошо они сконструированы, насколько надежны и как хорошо ими работать. Когда промышленники модифицировали их, чтобы приспособить к тракторам, они мало чего добились в смысле улучшения как самих инструментов, так и качества выполняемой с их помощью работы. (Есть, конечно, и исключения. Некоторые фермеры, работающие с конными упряжками, утверждают, что дернину люцерны лучше пахать тракторами. Исключенные составляют также такие орудия, как сенная плющилка или глубокорыхлитель, вошедшие в обиход уже после того, как конная тяга ушла в прошлое. А не уйди она в прошлое, кто знает, какие новшества и усовершенствования появились

бы на свет). На пике своего развития старые, предназначенные для конной тяги орудия были превосходны. Появление тракторов позволило фермерам делать больше работы, но не улучшило ее качества. А, как нам известно, у всего на свете существуют пределы, за которыми *больше* начинает означать *хуже*. Механизация фермерства давно уже вышла за эти пределы — точно не скажу, но, по-моему, это произошло тогда, когда фермеры сменили лошадей на трактора.

Увеличение мощности механизмов позволило работающему в одиночку убирать урожай с огромных площадей, но за эту «эффективность» страна заплатила огромную цену. С 1946 по 1976 гг. из-за уменьшения потребности в рабочих руках численность сельского населения сократилась с тридцати до девяти миллионов; массированный приток этих миллионов в города серьезно усугубил весь комплекс проблем, называемых ныне «кризисом урбанизма», а покинутые фермерскими семьями земли страдают от неухоженности. Значит, появление новых орудий труда способно порождать огромные по силе и значимости события в культуре. Как только это будет осознано, мы уже не сможем относиться к технологическому прогрессу с прежней бездумностью. Мы уже не сможем, спрашивая «Что есть хорошее орудие труда?», не спросить также «Что *хорошего* дает его работа?», «Какое влияние оно оказывает?».

Нам должно быть ясно, как дважды два, что хорошим является то орудие труда, которое позволяет работать не только быстрее, *но и* лучше, чем прежде. Когда компании прекращают их выпуск, машины на конной тяге отвечают об этом требованиям. Возьмем, к примеру, сенокосилку марки International High Gear No 9. Это конная сенокосилка, являвшая собой явный прогресс по всем параметрам по сравнению со всем, что было изобретено до нее — от скифов и до ее непосредственных предшественников. Вплоть до этого момента косить быстро и косить качественно было двумя гранями единой проблемы. Все дальнейшее представляет собой увеличение скорости без улучшения качества.

У меня есть одна из таких косилок. Я кошу ею траву, в то время как мой сосед тоже косит у себя — но с помощью трактора; с моего собственного только что скошенного поля я могу перейти на поле, только что скошенное тракторами; и могу не колеблясь сказать, что хотя трактора и работают быстрее, они не работают качественнее. Думаю, то же самое в сущности можно сказать и о других орудиях: плугах, культиваторах, боронах, зерновых сеялках, посевных агрегатах, разбрасывателях. Пока шло развитие оборудования, приспособленного к конной тяге, скоростные и качественные показатели улучшались одновременно; по прошествии этой стадии улучшение стали претерпевать главным образом скоростные характеристики.

Более того, с нарастанием скорости стало ухудшаться качество ухода за выращиваемыми культурами. Это можно увидеть собственными глазами. Но это же мы узнаем и от производителей техники. Вот, например, выдержка из пресс-релиза одной из крупнейших компаний: «Сегодня мы располагаем многорядными сеялками, с помощью которых сев становится скорым и размашистым; семена, удобрения, инсектициды и гербициды все вместе вносятся в почву на огромных площадях».

Но таким «скорым и размашистым» манером хорошая работа не делается, и хороший хозяин так не поступает. В таких выражениях про сельское хозяйство говорят разве что ковбои из телевизионных вестернов, никто из тех, кто знает толк в земледелии, так говорить не станет. Как говорит о своем деле настоящий сельский труженик? Послушаем Гарри Грума, английского сельского работника и конюха, работавшего на фермах старой доброй Англии — его слова приводит Джордж Эварт Эванс в романе *Конь в борозде*: «Теперь вокруг все какая-то спешка. Слышу, молодой парень говорит в пивной: «Сегодня я вспахал тридцать акров». Но разве столько вспашешь, столько можно лишь перепортить. Вот, например, ты прикатываешь. Когда прикатываешь или боронишь, две мили в час — нормальная скорость. Прикатывать надо

помедленней — лучше получится. Если прикатывать быстро, комки не разбиваются, а только вдавливаются в землю. Теперь же главное — скорость. Всяк скорей на трактор и ну катать по полю, как по проселочной дороге. То же самое видишь, когда фермер нынче новую ферму себе заводит — приходит и сразу давай сажать все, о чем только не прочтет в книжке. Но если новую ферму заведет себе один из фермеров старой закалки, то попробуй пройдишь с ним по полю и спроси у него: «Что ты посадишь здесь, а что там?» — он посмотрит на тебя, как на чудака; потому что сначала он ничего по-настоящему сеять не будет. Он обождет малость — посмотрит, что у него за земля: он сначала землю *испробует*. Опытный и порядочный человек погодит несколько недель, пока поймет, что за земля у него под ногами. Он будет ступать по ней, чувствовать ее ногами, убедиться, что она в надлежащем состоянии, а тогда уж и посеет: сеять начнет лишь после того, как поймет, на что годна его земля».

Кто бы что ни утверждал о методах ведения сельского хозяйства, никто не станет отрицать, что из первой цитаты мы видим, насколько неряшливо ведется хозяйство, а во второй цитате находим описание такого ведения фермерского хозяйства, которое по заботливости, компетентности, умелости и любви к делу не уступит никакой другой разновидности профессионального подхода. Различие между первым и вторым примером всего-навсего в том, что второй думает о том, где и когда применить технику, первый же — только о технике. Первый — это человек, плывущий высоко над землей в кондиционированной кабине трактора, которого называют «пожирателем акров». Вторая цитата свидетельствует о том, что ее автор работает в поле на открытом воздухе, он близок к земле, и пока едет по ней, изучает ее состояние, он любит землю и заботится о ней.

Если же тридцать пять лет назад у нас были орудия труда, позволявшие выполнять сельскохозяйственные работы не только быстрее, но и лучше, чем прежде, то почему в дальнейшем мы предпочли долее не улучшать эти орудия, а ста-

ли делать их все крупнее и крупнее, заставляя их работать все быстрее и быстрее? Думаю, подобное произошло оттого, что мы послушались не тех людей, неправильно отвечавших на те вопросы, которые возникали по мере того, как шло усовершенствование механизмов на конной тяге. Ведь эти механизмы, равно как и те, которые пришли им на смену, выполняли функцию *трудоэкономии*. По сравнению с нынешними «пожирателями акров» они могут показаться устаревшими, отжившими свое, но их первое появление на рынке создало возможность колоссально увеличить объемы производимого за один день труда. Тем самым они поставили нас перед необходимостью определиться в отношении одного очень важного вопроса: что следует понимать под *трудоэкономией*?

И мы выработали некое понимание на этот счет; вернее, согласились с тем, чтобы это понимание вырабатывали за нас корпорации и специалисты — как будто речь шла о чем-то таком, что вовсе не нуждается в человеческом разумении, как будто труд, который надлежит «сберегать», не был нашим собственным трудом. Говоря языком соответствующих экспертов, мы решили смотреть на технологию как на «заменитель труда». А это означает, что мы отнюдь не собирались «сберегать» труд, а хотели *заменить* его и *изгнать* тех людей, кто когда-то этим трудом занимался. Мы же не додумались спросить себя, что мы собираемся делать со «сбереженным» таким образом трудом; об этом мы предоставили позаботиться «рынку рабочей силы». Не поставили мы и более существенных вопросов: какова ценность людей и их труда на земле? Впечатление ото всего этого такое, будто мы просто взяли и бездумно отдали себя во власть эволюционирующей технологии, а она ценит развитие механизмов куда выше, чем развитие человеческое.

Отсюда ясно, что принятое мною за самоочевидное определение хорошего орудия труда (как такого, которое позволяет труженику работать быстрее и лучше) оказывается недостаточным. Ибо даже такое орудие труда способно да-

вать плохие результаты, если оно не служит социально благой и здоровой цели. Это означает, что появление нового орудия труда представляет собой не только событие культурной жизни; оно ставит людей на историческое перепутье — место, в котором они должны выбрать какую-то из имеющихся возможностей: пойти по пути преимущественно интенсивного или преимущественно экстенсивного земледелия; пользоваться орудиями труда для получения надлежащего качества или для обеспечения количества; для того, чтобы гарантировать надлежащий уход или для достижения наибольшей скорости.

Описывая ситуацию в терминах выбора, я тем самым ясно даю понять, что эволюция технологий *не есть* нечто безусловное, не поддающееся контролю; что ни «прогресс», ни «рынок рабочей силы» не должны вступать в игру с немумолимостью естественных законов, являясь не более чем аспектами функционирования экономики, управление которой предусматривает тот или иной способ распределения благ, производимых трудом, землей и затрачиваемыми материалами. (Так, например, при нынешних условиях функционирования экономики сельского хозяйства существует тенденция отдавать наибольшую часть этих благ корпорациям «агробизнеса». Если бы это было не так, то недавно прошедшие забастовки фермеров были бы одновременно и забастовками «агробизнеса».) Если эти допущения верны, то нам дано по-своему влиять на ход истории — конечно, не в смысле осуществления «исторического поворота» или «переписывания» истории, но в смысле способности внести ясность в вопрос выбора технологий.

Итак, представим себе, что в 1945 г. мы ставили бы ценность жизни людей на фермах и в фермерских сообществах на 1% выше, чем ценили тогда «экономический рост» и технологический прогресс. Представим себе, что к здоровью сельских семей, фермерских хозяйств, малых и больших городов мы относились бы как к резервуару, в котором хранится та решимость и энергия, с которой мы создали этот наш «во-

енно-промышленный комплекс». Иными словами, представим себе, что мы всерьез верили в то, что утверждалось все эти годы нами самими и большинством наших лидеров; представим, что мы действительно стремились жить в соответствии с теми традиционными ценностями, о приверженности которым мы все время разглагольствовали.

Представим себе все это — и тогда, как мне кажется, мы должны будем установить определенные ограничения на развитие техники и экономики. Мы могли бы пользоваться улучшаемыми механизмами на конной тяге и даже насадками для малых тракторов, которые не сокращали бы занятость и не отучали бы людей от нужных навыков и умения заботиться, а интенсифицировали бы производство, улучшали бы содержание хозяйства, усиливали бы заботливость, совершенствовали умения и навыки, расширяли бы область досуга, развлечений и обогащали бы жизнь сообщества. Иными словами, соразмеряя технологию с человеческими или демократическими запросами, мы могли бы воспользоваться сбереженным трудом *на месте — там же, где мы его и сберегли*.

Важно помнить о том, что «труд» — это очень грубый, индустриальный термин, предназначенный для использования в экономических макроструктурах, структурах дегуманизированной технологии, в условиях абстрактной социальной организации урбанизированных индустриальных центров. В подобном контексте «труд» означает не многим больше сочетания двух человеческих качеств, рабочей силы плюс рабочего времени, обозначаемого термином «человеко-часы». Но чем более сближаем мы понятие «труд» с собственной работой, чем подробней и понятней делаем его контекст, тем шире и сложнее оказывается значение этого слова. Трудясь на фабрике, рабочие являются только рабочими, «производственными единицами», затрачивающими «человеко-часы» на осуществление задачи, поставленной перед ними какими-то другими, чужими им людьми. Те же, кто трудится внутри собственных сообществ, на собственных фермах, у себя в хозяйстве или в магазине, *никогда не*

являются «рабочими»; такие скорее должны называться личностями, ближними, соседями. Они работают *на* тех, *среди* кого они живут, *на* тех, с кем живут. Кроме того, рабочие, судя по всему, оказываются тем более независимыми, чем крупной предпринимательство, на котором они работают. То есть труд фабричных рабочих регулируется правилами фабрики, тогда как труд домохозяек, кустарей, мелких фермеров регулируется нравственностью, умениями и разумом их самих. Так что, имея дело с независимыми рабочими, которые к тому же являются «надомниками», общество в целом способно понести некоторые убытки в плане общей организационной эффективности и экономии на размере. Но в то же время оно начнет *обретать* ценности, которым не так просто найти количественное выражение; речь идет об обеспечении человеческой полноценности трудящихся, которые в этом случае начнут приносить в свою работу не только оговоренные контрактом «человеко-часы», но и такие качества, как независимость, умение, разум, способность к самостоятельному суждению, гордость, уважение, верность, любовь, почтение.

Переведа все сказанное в плоскость нашей конкретной темы, замечу, что если бы фермерские сообщества имели в своем распоряжении лучшие механизмы на конной тяге для получения трудосбережения в истинном смысле этого слова, тогда сами они смогли бы воспользоваться сбереженными таким образом силами и временем, во-первых, для улучшения собственного досуга — а фермерский досуг представляет собой действительное завоевание технического прогресса. Во-вторых, они могли бы воспользоваться сбереженным для улучшения собственных ферм: обогащения почв, предотвращение эрозии, недопущение загрязнения воды, строительства новых, более долговечных домов и изгородей; для совершенствования лесоводства и соответствующих ему ремесел и видов бизнеса, для высадки садов, виноградников, кустарниковых культур; для разведения коммерческих садов; для улучшения пастбищ, племенного дела, содержания хозяйства и подсобных промыслов в рамках ме-

стного мелкокрестьянского экономического уклада; для укрупнения, диверсификации и упрочения экономики своего домашнего и приусадебного хозяйства. В-третьих, они могли бы воспользоваться сбереженным для совершенствования тех специфических ремесел, которые необходимы для поддержания здоровья и красоты мест проживания фермерских сообществ; речь идет о плотничестве, каменщицком, скорняжном, столярном, кузнечном, гончарном деле и пр. и пр. В-четвертых, они могли бы воспользоваться сбереженным для улучшения семейной жизни и учебы детей на дому, благодаря чему они смогли бы избежать всех осложнений и тратить столько денег на школьное обучение, суды и места заключения преступников.

Также представляется вероятным, что, *избери* мы этот путь, нам удалось бы либо вовсе избежать, либо сократить нынешний дефицит энергетических ресурсов и рабочих мест. Города были бы не настолько переполнены; резко сократился бы уровень преступности и количество клиентов системы социального обеспечения; вероятно, что повысилось бы и качество промышленного производства. Фермеры же смогли бы избежать нынешней унижительной зависимости от кредиторов.

Я отдаю себе отчет в том, что подобный образ мысли сторонники технологического детерминизма отнесут к ряду ностальгии или маниловщины. Однако я хочу, чтобы сказанное восприняли не как призыв «вернуться в прошлое», а как критику прошлого; представленная мною критика основывается на убеждении, что и в прошлом, и в настоящем у нас было и остается право *выбора*, касающееся того, как и для чего пользоваться имеющимися технологиями. Выбор этот, как я его понимаю, целиком и полностью зависит от нашей готовности ограничивать собственные потребности, равно как и масштабы и качество технологий, привлекаемых ради удовлетворения этих потребностей. Без этой готовности ни о каком выборе не может быть и речи; и нам придется просто отдаться во власть того, что еще уготовят нам изобретатели всевозможных технологий.

Конечно, сторонники технологического детерминизма не признают наличия подобного выбора и делают это, несомненно, потому, что не приемлют тех нравственных ограничений, которые налагает на их деятельность подобный выбор. Они романтически разглагольствуют о том, что, мол, «человеку суждено» переходить ко все большим и сложным машинам. Или же они впадают в противоположную крайность и начинают говорить в дарвинистских терминах борьбы за выживание. Так, например, бывший министр сельского хозяйства Эрл Бутц провозгласил «экономический закон Бутца», гласящий: «адаптируйся или погибай».

Думаю, принцип адаптации волнует меня не меньше, чем м-ра Бутца. Расходимся мы с ним только в вопросе о том, что подлежит адаптации и что ей не подлежит. Он полагает, что мы должны адаптироваться к машинам, что следует заставить людей соответствовать условиями и стандартам, приносимым технологиями. Я же считаю, что следует машины адаптировать к нам, заставить их соответствовать нашим *человеческим* запросам — таким, какими их сделала наша история, наше наследие и самые смелые из наших надежд.

Перевод с английского *И. Мюрберг*

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Центр по развитию издат. деятельности (OSI–Budapest) и Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса); Под ред. Л.Н.Павловой. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Под ред. Б.Г.Капустина. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Брагина Н.М. Современная японская деревня. М.: Прогресс, 1975.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.
5. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т.Шанин. М.: Издат. группа «Прогресс»; Прогресс-Академия, 1992.
6. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995.
7. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
9. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997.
10. Капустин Б.Г. Концепция идеальных типов М. Вебера и познание многообразия исторической действительности // Филос. науки. 1981. № 1.
11. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998.
12. Капустин Б.Г. Что такое консерватизм? // Свободная мысль – XXI. М., 2004.
13. Коньгин А.А. Фермерское хозяйство США. М.: Агропромиздат, 1989.
14. Ленин В.И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5.
15. Ленин В.И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3.
16. Лищенко В., Стреляный А. Месяц в деревне // Лит. газ. 1986. 3 дек.
17. Локк Д. Соч.: В 3 т – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135–406.
18. Мандевиль Б. Басня о пчелах или Пороки частных лиц – блага для общества / Под. ред. В.В.Мееровского и А.Л.Субботина. М.: Наука, 2000.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., Госполитиздат, 1955–1981.
20. Мельников А.Н. Американцы: социальный портрет. – М.: Наука, 1987.
21. Мюрберг (Ериова) И.И. Аграрная фабрика или семейная ферма? Современные американские прогнозы // Новая Россия. 1996. № 1. С. 64–69.
22. Мюрберг И.И. Экономика как высшая точка индивидуализма // Филос. исслед. 2003. № 3.

23. *Никольский С.А.* Власть и земля: Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М.: Агропромиздат, 1990.
24. *Оспинникова Л.В.* Современные тенденции в развитии сельского хозяйства США. М.: Экономика, 1979.
25. *Осычкин Н.* Фермеры // Сельская жизнь. 1987. № 280.
26. *Оукшот М.* Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 91–109.
27. *Патнем Р.* Чтобы демократия сработала. – М.: Ad Marginem, 1996.
28. *Петров А.* Наука, агробизнес и социально-экономические условия жизни фермеров США // Экономика сельского хозяйства. 1978. № 1.
29. *Полани К.* Два значения термина экономический // Неформальная экономика: Россия и мир / Моск шк. соц. и эконом. наук; Под ред. Т.Шанина. М.: Логос, 1999.
30. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.
31. Пути аграрного возрождения /Ю.М.Бородай (отв. ред.), В.Ф.Башмачников, И.И.Ершова, С.А.Никольский С.А. М.: Политиздат, 1991.
32. *Пчелинцев В.С.* Социальная структура сельского хозяйства США и Канады: Обзорная информ. – М., 1984. с.
33. *Реверчук С., Трубич С., Алексиевец Н.* Кризис буржуазной теории «семейного хозяйства» в свете марксистско-ленинского аграрного учения // Экономика Советской Украины. 1987. № 1. С. 77–83.
34. *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
35. Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки /Сост. С.А.Никольский. М.: Агропромиздат, 1989.
36. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: В 2 т. М.–Л.: Госсэцэкгиз, 1935.
37. Социально-философские проблемы современного сельского хозяйства: (Тез. к теорет. семинару) /Редкол.: С.А.Никольский (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т философии. М., 1968. 66 с. Препринт.
38. *Тейлор Ф. У.* Научная организация труда. М.: Транспечать, 1925.
39. *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
40. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
41. *Трейси М.* Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран: Введение в теорию, практику и политику. СПб.: Эконом. шк., 1995.
42. *Троценко И. Д.* Капитализм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Экономика, 1984.
43. *Уолцер М.* О терпимости /Под ред. М.А.Абрамова. М.: Идея-Пресс, 2000.
44. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы /РАН. Ин-т философии. М., 1997.

45. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М.: Рос-СПЭН, 2000.
46. *Чаянов А.В.* Избранные труды. М.: Агропромиздат, 1993.
47. *Чаянов А. К* вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Неформальная экономика: Россия и мир / Моск. шк. соц. и эконом. наук; Под ред. Т.Шанина. М., 1999. С. 467–497.
48. *Чаянов А.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М.: Агропромиздат, 1919.
49. Человек и земля: По материалам I научно-практ. конф. философов, парт. работников, ученых, писателей и специалистов АПК «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика» (Полтава, окт. 1986 г.). М.: Агропромиздат, 1988.
50. *Шанин Т.* Эксплоатационные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Моск. шк. соц. и эконом. наук. Под ред. Т.Шанина. М., 1999.
51. *Шапиро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. № 4. С. 27–36; № 5. С. 54–64.
52. *Agriculture 2000. A Look at the Future.* Columbus, 1983.
53. *Appliah K.A.* The Multiculturalist Misunderstanding // *New York Review of Books.* 1997. Oct. 9.
54. *Arato A., Cohen J.L.* Civil Society and Political Theory. Cambridge (Mass.)–L.: The MIT Press, 1997.
55. *A Time to Choose: Summary Report on the Structure of Agriculture.* – Washington (D.C.), 1981.
56. *Banfield E.* The Moral Basis of a Backward Society. – N. Y.: Free Press, 1967.
57. *Becker M.* The Emergence of Civil Society in the Eighteen Century. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1994.
58. *Bentham J.* The Psychology of Economic Man // *J. Bentham's Economic Writings.* Vol. 3 /Ed. W.Stark. L.: The Royal Economic Society, 1954.
59. *Berkowitz P.* The Liberal Spirit of America // *Policy Review.* 2003. № 120.
60. *Berry W.* The Gift of Good Land. Further Essays Cultural and Agricultural. San Francisco: North Point Press, 1991.
61. *Berry W.* The Unsettling of America: Culture & Agriculture. San Francisco, 1978.
62. *Boussard J.M.* The Concept of Economies of Scale in a Multiproduct Industry and Its Implications for the Future of Agriculture // *European Review of Agrarian Economics.* 1976. Vol. 3, № 1. P. 53–54.
63. *Boussard J.M. et al.* Economie de l'Agriculture. P.: Economica, 1987.
64. *Buttel F.H., Newby H.* The Rural Sociology of Advanced Societies. N. Y., 1980.

65. The Changing Economics of Agriculture: Challenge and Preparation for the 1980s /A Staff Studies Prepared for the Use of the Subcommission on Agriculture and Transportation of the Joint Economic Commission of Congress of the U. S. Washington (D.C.), 1991.

66. *Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge (Mass.)—L.: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1990.

67. *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. Supplement 94. № 1—3. P. 95—120.

68. *Coward R.T.* Rural Families Changing but Retaining Distinctiveness // Rural Development Perspectives. 1980. № 3.

69. *Curtis J.* Japan's Political Party System: Its Dynamics and Prospects // Orientation Seminars on Japan. Tokyo, 1983. № 16.

70. *Dahl R.* Democracy and Its Critics. New Haven—L.: Yale Univ. Press, 1996.

71. *Dionne E.J.Jr.* Tolerating Our Differences // Washington Post. 1997. August 12.

72. Dirt Rich, Dirt Poor: America's Food and Farm Crisis. N. Y.—L., 1987.

73. Differential Social Impacts of Rural Resource Development /Ed. P.D.Elkind-Savatski. Boulder (Co), 1986.

74. *Dumont L.* Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986.

75. *Dumont L.* From Mandeville to Marx. The Genesis and Triumph of Economic Ideology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1977.

76. *Durkheim E.* Sociology and Philosophy. N. Y.: Free Press, 1968.

77. *Eisenstadt S.N.* Power, Trust and Meaning. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.

78. *Etzioni A.* The Moral Dimension: Towards a New Economy. N. Y.: Free Press, 1988. — 285 p.

79. *Etzioni A.* Rights and the Common Good: The Communitarian Perspective. N. Y.: Free Press, 1995.

80. Farm Labor. Washington (D.C.), 1986—1987.

81. *Foucault M.* The Order of Things: An Archeology of the Human Sciences. N. Y.: Vintage Books, 1973.

82. *Fukuyama F.* Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y.: Free Press, 1995.

83. *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society: Paper presented at the IMF Institute Conference on the Second Generation Reform. — November 8—9 1999. Washington (D.C.): IMF, 2000.

84. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford (Cal.): Stanford Univ. press, 1990.

85. *Gold R.L.* Ranching, Mining and the Human Impact of Natural Resource Development. New Brunswick (N. J.), 1985.

86. *Gulley J.L.* Beliefs and Values in American Farming. Washington (D.C.), 1974.
87. *Halévy E.* The Growth of Philosophic Radicalism. L.: Faber and Faber, 1946.
88. *Harvey D.* Condition of Postmodernity. Cambridge: Basil Blackwell, 1989.
89. *Havens Th.R.H.* Farm and Nation in Modern Japan 1870–1940. Princeton: Princeton Univ. Press, 1974.
90. *Heady E.O.* Economics of Agricultural Production and Resource Use. New Jersey: Prentice-Hall, 1952.
91. *Heady E.O.* Economic and Social Conditions Relating to Agriculture and Its Structure to Year 2000. Ames, 1980.
92. *Heckscher Eli F.* Merkantilismen. Stockholm: Nurstadt, 1931.
93. *Heilman G.* Farm. N. Y.: Frec Press, 1988.
94. Higbee E.C. Farms and Farmers in an Urban Age. N. Y., 1963.
95. Holt J.S. Impact of the Industrialization of the Hired Farm Work Force Upon the Agrarian Economy // American Journal of Agrarian Economy. 1970. Vol. 52, № 5.
96. Hutter H. Politics as Friendship: the Origins of the Classical Notion of Politics in Theory and Practice of Friendship. Waterloo (Ont.): Wilfred Laurer Univ. Press, 1978.
97. Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of the Late Capitalism // New Left Review 146. 1984. July–August. P. 53–93.
98. Jefferson T. The Life and Selected Writings of Thomas Jefferson. N. Y.: Tudor, 1944.
99. *Jobes P.C.* The Disintegration of Gemeinschaft Social Structures from Energy Development: Observations from Ranch Communities in the Western United States // J. of Rural Studies. 1987. Vol. 3, № 3.
100. *Kanzō H.* The Adjustment of Japan's Agriculture in the Changing Domestic and World Economy // Orientation Seminars on Japan. Tokyo, 1983. № 13.
101. *Keiichirō N.* Japanese Management: Interdisciplinary Approach // Orientation Seminars on Japan. Tokyo, 1983. № 12.
102. *Kristeva J.* Nations Without Nationalism /Trans. Leod S. Roudiez. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1993.
103. *Kristeva J.* Strangers to Ourselves /Trans. Leod S. Roudiez. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1991.
104. *Luhmann N.* Familiarity, Confidence and Trust: Problems and Perspectives // Trust: Making and Breaking of Cooperative Relations /Ed. Diego Gambetta. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
105. *Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. N. Y.: W. de Gruyter, 1993.
106. *Luhmann N.* Trust and Power. N. Y.: John Wiley and Sons, 1979.
107. *Macfarlane A.* The Culture of Capitalism. Oxford–N. Y.: Free Press, 1987.

108. *Macfarlane A.* The Origins of English Individualism: The Family, Property and Social Transition. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1979.
109. *Macpherson C.B.* The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Oxford, 1962.
110. *Madden J.P.* Economies of Size in Farming // USDA, ERS Agricultural Economics Report № 107. Washington (D.C.), 1967.
111. Malachowski A. Corporate Crises: A Philosophical Challenge // Philosophy Now. December 2002–January 2003. P. 7–9.
112. Maunder A.H. Size and Efficiency in Farming. Oxford, 1962.
113. *Marcuse H.* One-dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L.: Routledge & Kegan Paul, 1964.
114. *McLeod D.* Urban-Rural Food Alliances: A Perspective on Recent Community Food Organizing // Radical Agriculture. N. Y., 1976.
115. *McDonald T. & Coffman G.* Fewer, Larger U. S. Farms by Year 2000 and Some Consequences // USDA Agriculture Information Bulletin № 439. Washington (D.C.), 1980.
116. *Miller T.A. e. a.* Economies of Size in U. S. Field Crop Farming. Washington (D.C.), 1981.
117. *Mooney P.H.* Toward a Class Analysis of Mid-Western Agriculture // Rural Sociology. 1983. Vol. 48.
118. *Myrdal G.* The Political Element in the Development of Economic Theory. L.: Routledge & Kegan Paul, 1971.
119. *Nelson B.* The Idea of Usury: From Tribal Brotherhood to Universal Otherhood. Chicago: Chicago Univ. Press, 1969.
120. *Novak Michael.* The Beginning of Economic Wisdom // The National Interest. Spring, 2003. <http://www.findarticles.com>.
121. *Nozomu K.* The Modernization of Japanese Society 1869–1945 // Orientation Seminars on Japan. Tokyo, 1982. № 10.
122. *Paarlberg D.* Farm and Food Policy. Issues of the 1980s. Univ. of Nebraska Press, 1980.
123. *Paarlberg D.* Who Will Own America's Farms? // Farmer's Digest. 1997. Vol. 50, № 8.
124. *Parekh Bh.* Introduction // Bentham's Political Thought /Ed. by Bh. Parekh. L.: Helm, 1973.
125. Peasants and Peasant Societies: Selected Readings /Ed. by T. Shatin. Harmondsworth etc: Penguin Books, 1979.
126. *Popper-Lynkeus J.* Allgemeine N_hrpflcht. Wien, 1912.
127. *Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. L.: Routledge & Kegan Paul, 1957. Vol. 2.
128. *Putnam R.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // J. of Democracy. 1995. № 6 (Jan). P. 65–78.

129. *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y.: Free Press, 2000.
130. *Reif L.L.* Farm Structure, Industry Structure and Socioeconomic Conditions in the United States // *Rural Sociology*. 1987. Vol. 52, № 4.
131. *Rosenblum N.L.* Bentham's Theory of the Modern State. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1978.
132. Rural Development Reorganization Act of 198. Washington (D.C.), 1984.
133. *Sahlins M.* Stone Age Economics. N. Y.: Free Press, 1974.
134. *Seim D.* When Chrystal Speaks, Gorbachev Listens // *Farm J.* 1987. Sept. P. 5–18.
135. *Seizaburō S.* Some Characteristics of the Process of Modernization of Japan // *Orientation Seminars on Japan*. Tokyo, 1983. № 17.
136. *Shanin T.* The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developed S. Russia Society 1910–1925. Oxford: Clarendon Press, 1972.
137. *Shanin T.* Gods and Craftsmen // *Late Marx and the Russian Road: Marx and «the peripheries of capitalism» / A case presented by T. Shanin. L., etc., 1983.*
138. *Silver A.* Friendship and Trust as Moral Ideas: Historical Approach // *European J. of Sociology* 30. 1989. P. 274–297.
139. *Smith T.C.* The Agrarian Origins of Modern Japan. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1959.
140. Structural Change in Agriculture. The Experience for Broilers, Fed Cattle and Processing Vegetables. Washington (D.C.), 1981.
141. *Taylor Ch.* The Sources of the Self. The Making of Modern Identity. Cambridge (Mass), 1989.
142. *Turner R.* The Role and the Person // *American J. of Sociology* 84. 1978. № 1. P. 1–23.
143. *Thomas D.O.* The Duty to Trust // *The Aristotelian Society* 79. 1978. P. 89–110.
144. *Tönnies F.* Community and Association. L.: Routledge & Kegan Paul, 1955.
145. Trust: Making and Breaking of Cooperative Relations /Ed. Diego Gambetta. Oxford: Basil Blacwell, 1988.
146. *Tweeten L.G.* Theories Explaining the Persistence of Low Returns in a Growing Farm Economy // *American J. of Agrarian Economy*. 1969. Vol. 51, № 4.
147. *Vinner J.* The Long View and the Short. Glencoe, 1958. P. 213–245.
148. *Vogeler I.* The Myth of the Family Farm: Agribusiness Dominance of U. S. Agriculture. Boulder (Co), 1981.
149. *Wolf E.* Peasants. New Jersey: New Brunswick, 1966.
150. *Wright G.* American Agriculture and Labor Market: What Happened to Proletarianization? // *Agricultural History*. 1988. Vol. 62, № 3.

Примечания

- ¹ См.: *Boussard J. M et al. Economie de l'Agriculture*. P.: Economica, 1987; *Трейси М.* Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран: Введение в теорию, практику и политику. СПб.: Эконом. шк., 1995.
- ² *Оукшот М.* Политическая экономия свободы // *Оукшот М.* Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 104.
- ³ См., например: *Myrdal G.* The Political Element in the Development of Economic Theory. L., 1977.
- ⁴ Излагаемая здесь концепция «большой» и «малой» политик, принадлежит Б.Г.Капустину. См.: *Капустин Б.Г.* Что такое «политическая философия»? // Полис. 1996. № 6. С. 83–96; *Его же.* Моральный выбор в политике. М., 2004. С. 53–55.
- ⁵ *Капустин Б.Г.* Моральный выбор... С. 55.
- ⁶ В определенном смысле к творчеству нового подталкивает даже политика, проводимая под лозунгом возврата к старому: ведь, как заметил еще Гераклит, «невозможно дважды войти в одну и ту же реку».
- ⁷ Известная нелюбовь Маркса к мелким производителям, не является основанием для вывода о его отрицательном отношении к аграрной сфере вообще, ибо одной из характеристик его исследовательского стиля являлся «концептуальный полифонизм», позволявший максимально расширять проблемное поле исследования. Об этом см. ниже.
- ⁸ См.: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. *Т.Шанин*. М., 1992.
- ⁹ См. библиографию.
- ¹⁰ См.: Великий незнакомец: *Sahlins M.* Stone Age Economics. N. Y: Free Press, 1974; см. также серию коллективных исследований под руководством С.А.Никольского: Человек и земля: По материалам 1 научно-практ. конф. философов, парт. работников, ученых, писателей и специалистов АПК «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика». М., 1988; Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки. М., 1989 и др.
- ¹¹ См.: *Бородай Ю.М.* Непреходящая специфика аграрного труда // Пути аграрного возрождения /Редкол.: Ю.М.Бородай (отв. ред.), В.Ф.Башмачников, И.И.Ершова, С.А.Никольский. М., 1991. С. 33–70.
- ¹² *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 734.
- ¹³ См.: *Бородай Ю.М.* Указ. соч.
- ¹⁴ Подробней об этом см. *Мюрберг И.И.* Экономика как высшая точка индивидуализма // Филос. исслед. 2003. № 3.

- 15 *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 83.
- 16 *Оукшот М.* Политическая экономия свободы // *Оукшот М.* Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 109.
- 17 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 753.
- 18 «Техническое выражение «clearing of estates» (буквально = чистка поместий или чистка земель)... означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением, — его выгоняли, — ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, — ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом, — ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 251).
- 19 Политическое животное (гр.).
- 20 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 18.
- 21 См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
- 22 *Селигмен А.* Проблема доверия. М., 2002. С. 80.
- 23 *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford (Cal.), 1990. P. 7.
- 24 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 475.
- 25 Там же. С. 100.
- 26 Там же. Т. 8. С. 216.
- 27 Там же. Т. 23. С. 752–753.
- 28 Там же. С. 753.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 757.
- 31 Альтернативную трактовку истории сельской Англии в XVI–XVIII вв. см. в книге: *Macfarlane A.* Peasants: The Peasantry in England Before the Industrial Revolution — a Mythical Model? // *Macfarlane A.* The Culture of Capitalism. Oxford—N. Y., 1987. P. 1–24.
- 32 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 447.
- 33 Так, например, Луи Дюмон, говоря о марксовской «экономической идеологии», приводит мнение, что «даже американские ученые-обществоведы оставляют о себе такое впечатление, будто они, сами того не сознавая, являются сторонниками марксизма» (*Dumont L.* From Mandeville to Marx. The Genesis and Triumph of Economic Ideology // Chicago, 1977. P. 111.)
- 34 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 306.
- 35 См.: *Shanin T.* Gods and Craftsmen // Late Marx and the Russian Road / Ed. T. Shanin. L., 1984.
- 36 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 405.
- 37 Там же. С. 401.
- 38 Там же.
- 39 Там же. Т. 19. С. 305.

- 40 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 371.
- 41 Там же. С. 370.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 378–379.
- 44 Мы исключаем из данного высказывания пассаж о желательности установления «контроля ассоциированных производителей», ибо это совсем другая тема, непосредственно связанная с высказанным в немецкой идеологии требованием уничтожения разделения труда, за которым в конечном счете скрывается перспектива возврата от общества современного типа к обществу традиционному (в терминологии Ф.Тенниса это возврат от Gesellschaft к Gemeinschaft). О связи этой темы с проблематикой аграрного производства далее будет говориться особо.
- 45 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 135.
- 46 Эта сторона дела была совершенно проигнорирована В.И.Лениным, спорившим о содержании данного марксова высказывания с народниками и утверждавшим, будто «в цитированном месте «Капитала» шла речь о том, как сильно колеблются цены на сырые материалы, как эти колебания нарушают пропорциональность и систематичность производства, нарушают соответствие земледелия с промышленностью. Только в этом отношении – в отношении пропорциональности, систематичности, планомерности производства – Маркс и приравнивает мелкое крестьянское хозяйство к хозяйству «ассоциированных производителей» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 323).
- 47 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 378–379.
- 48 Там же. Т. 46. Ч. I. С. 105.
- 49 См.: *Durkheim E.* Sociology and Philosophy. N. Y., 1968.
- 50 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 89.
- 51 Там же. С. 88.
- 52 Там же. Т. 46. Ч. I. С. 105.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Там же. Т. 3. С. 72.
- 56 Важно подчеркнуть, что подобное определение «рационального земледелия» Маркс относит не только и не столько к прежнему, традиционному, сколько к современному ему – индустриализирующемуся – обществу.
- 57 Речь идет о книге «Открытое общество и его враги», опубликованной в 1948 г.
- 58 *Popper-Lynkeus J.* Allgemeine Nährpflicht. Wien, 1912.
- 59 *Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. L., 1948. Vol. 2. P. 305.
- 60 *Boussard J.M.* The Concept of Economies of Scale in a Multiproduct Industry and Its Implications for the Future of Agriculture // *European Review of Agrarian Economics.* 1976. Vol. 3, № 1. P. 53–54 (курсив мой. – *И.М.*).

- 61 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 88–89.
- 62 В этом легко убедиться, обратившись, например, к драмам Шекспира – адекватная передача смысла то и дело встречающегося у Шекспира слова «wealth» всегда была «головной болью» для переводчиков.
- 63 *Heckscher Eli F.* Merkantilismen. 2 vols. Stockholm, 1931.
- 64 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 475.
- 65 *Dumont L.* Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective. Chicago, 1986. P. 110.
- 66 См., например: *Becker M.* The Emergence of Civil Society in the Eighteen Century. Bloomington, 1994; *Berger P.* The Sacred Canopy. N. Y., 1969; *Hutter H.* Politics as Friendship: the Origins of the Classical Notion of Politics // Theory and Practice of Friendship. Waterloo, Ont., 1978; *Macpherson C.B.* The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Oxford, 1962; *Dumont L.* Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective. Chicago, 1986.
- 67 *Dumont L.* From Mandeville to Marx. The Genesis and Triumph of Economic Ideology. Chicago, 1977. P. 7.
- 68 *Ibid.* P. 54.
- 69 См., например: «...именно труд создает различия в стоимости всех вещей; и пусть каждый поразмыслит, какова разница между акром земли, засаженной табаком или тростником, засеянной пшеницей или ячменем, и акром той же земли, лежащей невозделанной в общем владении, на которой не ведется никакого хозяйства, и он обнаружит, что улучшение благодаря труду составляет гораздо большую часть стоимости» (*Локк Д.* Два трактата о правлении // *Локк Д.* Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 285. См также: *Macpherson C.B.* The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Oxford, 1962).
- 70 «Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления» (*Локк Д.* Два трактата... С. 263).
- 71 Там же. С. 276–277.
- 72 *Dumont L.* From Mandeville to Marx. The Genesis and Triumph of Economic Ideology. Chicago, 1977. P. 59.
- 73 *Ibid.* P. 49.
- 74 *Ibid.*
- 75 См.: *Селигмен А.* Проблема доверия. М., 2002. С. 49.
- 76 «Насаждение церкви в миру или, точнее, переделка мира по образу церкви превратилась в особую разновидность освоения или рационализации мира; речь идет о преобразовании посюсторонней, мирской природы, осуществляемом по законам потустороннего,

- трансцендентного милосердия. Данная логика рационализации мира через его освоение означала не только усиление дифференциации в сфере устройства сущего. В конечном счете она привела к утрате самого трансцендентного» (Там же. С. 50).
- 77 См.: Там же. С. 53.
- 78 *Dumont L.* Op. cit. P. 61.
- 79 См., например: *Мандевиль Б.* Басня о пчелах или Пороки частных лиц — блага для общества. М., 2000. С. 24.
- 80 *Dumont L.* Op. cit. P. 74. Эпатирующее воздействие публикаций Мандевилля заключалось в том, что, с одной стороны, он придал карикатурное выражение моральному ригоризму, отказывая в добродетельности любому поступку, коль скоро он приносит хоть малейшую выгоду совершившему его человеку; а с другой — возвел присутствующий в современном ему обществе экономический оптимизм в ранг теории (естественной гармонии интересов). Если же отвлечься от полемически заостренных пассажей Басни о пчелах, то станет очевидно, что она не о том, как полезен порок и вредна добродетель, а о том лишь, что вредна фальшивая, показная добродетель. Подлинную добродетель, понимаемую в духе традиционной морали, Мандевиль также признает — но лишь в рамках частной жизни индивида.
- 81 *Dumont L.* Op. cit. P. 74.
- 82 *Мандевиль Б.* Басня о пчелах... С. 23.
- 83 Правда, категоричностью данное утверждение обязано не столько своему концептуальному наполнению, сколько выполняемой им полемической функции. О полемике Мандевилля с Шефстбери и другими шотландскими моралистами, см.: *Абрамов М.А.* Шотландская философия века Просвещения. М., 2000. С. 100–103.
- 84 Сделанное Мандевилем пояснение — в том смысле, что асоциальный человек — именно благодаря заложенному в нем эгоистическому началу — естественным образом «научается» социальности, трудно признать правдоподобным. Утверждая это, Мандевиль закрывает глаза на очевидное: «стремление к максимизации собственной выгоды само по себе абсолютно разрушительно, так как убийства, обманы, шантаж и все прочее могут быть абсолютно рациональными средствами достижения корыстных целей» (*Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической философии. М., 1998. С. 54).
- 85 Примером такого «естественнонаучного» отношения к проблеме является утверждение Мандевилля о том, что «в совокупном составе всех наций меж людьми определенных рангов сохраняется некое постоянное численное соотношение» (Цит. по: *Dumont L.* Op. cit. P. 68).
- 86 Точности ради следует оговориться, что сам по себе тезис о царящей в экономике гармонии выглядит безоговорочным как раз в Теории

- нравственных чувств (это более ранняя работа Смита), а в Богатстве наций эта гармония уже трактуется как некий скорее статистический, нежели реальный факт. Об этом см.: *Viner J. The Long View and the Short.* Glencoe, 1958. P. 213–245.
- 87 *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 31.
- 88 Там же. С. 69–70.
- 89 *Bentham J. The Psychology of Economic Man // J. Bentham's Economic Writings.* Vol. 3 /Ed. W. Stark. L., 1954. P. 429.
- 90 *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства / Под ред. Б.Г.Капустина. М., 1998. С. 10.
- 91 См., например: *Parekh B. Introduction // Bentham's Political Thought.* L., 1973. P. 15.
- 92 См.: *Капустин Б.Г.* Критика политического морализма (мораль – политика – политическая мораль) // *Вопр. философии.* 2001. № 2. С. 48.
- 93 *Бентам И.* Введение... С. 25.
- 94 *Bentham J. The Psychology..* P. 429.
- 95 См.: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 308–309.
- 96 «Главнейшее заблуждение в сочинении доктора Мандевиля состоит в том, что он считает все страсти порочными... Легкомысленная система эта получила свое происхождение, вероятно, из какого-нибудь аскетического учения, пользовавшегося народным сочувствием и полагавшего добродетель в безусловном искоренении всех наших страстей» (*Смит А.* Теория... С. 302).
- 97 *Dumont L.* Op. cit. P. 106.
- 98 Подробный анализ этой стороны марковского наследия см.: *Dumont L.* Op. cit. Ch. 7–9.
- 99 *Santayana G.* Character and Opinion in the United States. N. Y., 1921. P. 192–193.
- 100 *Оукиот М.* Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 31.
- 101 *Encyclopedia Britannica // CD 1998.* Entry: Jefferson, Thomas.
- 102 Закон о гомстедах разрешал закрепление 160 акров находящейся в федеральной собственности земли (с правом последующего получения ее в частную собственность) за каждым достигшим 21 года гражданином страны, при условии, что к моменту подачи заявления он проживал на данном участке земли (и обрабатывал ее) не менее пяти лет.
- 103 1 акр = 0,405 га.
- 104 *Macfarlane A.* The Culture of Capitalism. Oxford–N. Y., 1987. P. 4.
- 105 См., например: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т.Шанин. М., 1992; см. также: *Sahlins M.* Stone Age Economics. N. Y., 1974; *Wolf E.* Peasants. New Jersey, 1966.

- ¹⁰⁶ Маркс пишет: «В Англии первой формой фермера был bailiff [управляющий господским имением] ... Во второй половине XIV столетия на место bailiff становится фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и сельскохозяйственными орудиями. Положение его не очень отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наемного труда. Скоро он становится «métayer», фермером-половинником... В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 753). Сведения современных историков подтверждают данные Маркса. Так, комментируя датированные 1598 г. сведения об имении в восточной Англии, А.Макфарлейн пишет: «На тот факт, что это было рациональное, современное, капиталистическое предприятие, ведущееся с целью получения экономической прибыли, указывают подробные бухгалтерские записи семьи, охватывающие период с конца XVI по начало XVII в.» (*Macfarlane A.* Op. cit. P. 12).
- ¹⁰⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 374.
- ¹⁰⁸ Пути аграрного возрождения... С. 45.
- ¹⁰⁹ The Changing Economics of Agriculture: Challenge and Preparation for the 1980s. A Staff Study Prepared for the Use of Subcommittee on Agriculture and Transportation of the Joint Economic Commission of the Congress of the U. S. Washington. 1983. P.1.
- ¹¹⁰ *Ленин В.И.* Новые данные о развитии капитализма в земледелии. Вып. 1: Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 226–227.
- ¹¹¹ *Wright G.* American Agriculture and Labor Market: What Happened to Proletarianization? // *Agricultural History.* 1988. Vol. 62. № 3.
- ¹¹² *Ленин В.И.* Указ произведение. С. 226.
- ¹¹³ *Wright G.* Op. cit. P. 182.
- ¹¹⁴ *Оспинникова Л.В.* Современные тенденции в развитии сельского хозяйства США. М., 1979. С. 81.
- ¹¹⁵ *Осычкин Н.* Фермеры // *Сельская жизнь.* 1987. № 280.
- ¹¹⁶ См., например: *Лищенко В., Стреляный А.* Месяц в деревне // *Лит. газ.* 1986. 3 дек.
- ¹¹⁷ *Seim D.* When Chrystol Sreaks, Gorbachev Listens // *Farm Journal.* 1987. Sept. P. 10.
- ¹¹⁸ The Changing Economics of Agriculture: Challenge and Preparation for the 1980s. A Staff Study Prepared for the Use of Subcommittee on Agriculture and Transportation of the Joint Economic Commission of the Congress of the U. S. Washington. 1983. P. 6.

- 119 *Лищенко В.Ф.* Сельское хозяйство США: современное состояние // Человек и земля. М., 1988. С. 241–242.
- 120 *The Changing Economics of Agriculture...* loc. cit.
- 121 *Heady E.O.* Economic and Social Conditions Relating to Agriculture and Its Structure to Year 2000. Ames. 1980. P. 8–9.
- 122 В ответ на наш запрос профессор кафедры экономики сельского хозяйства и социологии села Д.Р.Хендерсон написал: «насколько я понял, речь идет о том, что мы здесь зовем «фабриками на земле» (factory farming), то есть о производстве сельскохозяйственной продукции фабричным, а не фермерским путем. Фактически, у нас в стране вне ферм производится такое ничтожное количество сельхозпродукции, что никакой статистики по ней не ведется. Время от времени в популярных изданиях появляются статьи о такого рода производственных единицах, но интерес к себе они привлекают лишь своей курьезностью. Однако в ряде отраслей американского сельского хозяйства используется изрядное количество наемного труда. К этой категории относятся крупнейшие из ферм, занятые выращиванием овощей, фруктов, земляного ореха, откормом фуражного скота и в меньшей мере — молочные фермы. Но это не «фабрики на земле», а просто укрупненные специализированные фермерские хозяйства, которые следуют обычным фермерским приемам выращивания продукции и используют наемный труд прежде всего на сезонных работах или для выполнения какой-нибудь одной операции, например, дойки коров. Подавляющее же число наемных работников — это разнорабочие, выполняющие вместе с фермером ту же работу, что и он сам».
- 123 См.: *Structural Change in Agriculture (The experience for broilers, fed cattle and processing vegetables)*. Washington (D C.), 1981.
- 124 Откормочные (feedlots) — специализированные фермы-стойла, которым фермеры продают выращенный традиционным способом молодняк мясных пород; в откормочных скот доводится до стандартного веса, после чего отправляется на убой.
- 125 *Heilman G.* Farm. N. Y., 1988. P. 18.
- 126 *The Changing Economics of Agriculture: Challenge and Preparation for the 1980s. A Staff Study Prepared for the Use of the Subcommittee on Agriculture and Transportation of the Joint Economic Commission of Congress of the U. S. P. 3.*
- 127 См.: *Berry W.* The Unsettling of America: Culture & Agriculture. San Francisco, 1978. P. 8–9.
- 128 *McLeod D.* Urban — Rural Food Alliances: A Perspective on Recent Community Food Organizing // *Radical Agriculture*. N. Y., 1976. P. 190.
- 129 *Ibidem.*
- 130 *Heady E.O.* Op. cit. P. 9.

- 131 *Vogeler I.* The Myth of the Family Farm: Agribusiness Dominance of U. S. Agriculture. Boulder, Co., 1981. P. 95.
- 132 *Чаянов А.И.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. С. 10.
- 133 Там же. С. 11.
- 134 Там же. С. 12–13.
- 135 Эффект масштаба (scale economies) – увеличение эффективности производства путем такого увеличения его объемов, которое дает снижение долговременных средних издержек производства на единицу продукции. Если такое увеличение осуществляют не путем пропорционального увеличения всех, а только некоторых факторов производства, говорят об эффекте размера (economies of size).
- 136 *Vogeler I.* Op. cit. P. 95; *Madden J.P.* Economies of Size in Farming // USDA, ERS. Agrarian Economy Report. № 107. Washington D.C., 1967; *Miller T.A.* e. a. Economies of Size in U.S. Field Crop Farming. Wash., 1981; *Tweeten L.G.* Theories Explaining the Persistence of Low Returns in a Crowing Farm Economy // AJAE. 1969. Vol. 51. № 4.
- 137 *Vogeler I.* Op. cit. P. 96.
- 138 Ibidem.
- 139 См.: *Maunder A.H.* Size and Efficiency in Farming. Oxford, 1962. P. 9.
- 140 *Britton D., Hill B.* Size and Efficiency in Farming. Lexington, 1975.
- 141 *Vogeler I.* Op. cit. P. 97.
- 142 *Berry W.* Op. cit. P. 10.
- 143 Ibid. P. 12.
- 144 *Dirt Rich, Dirt Poor: America's Food and Farm Crisis.* N. Y.–L., 1987. P. 6.
- 145 *Paarlberg D.* Farm and Food Policy. Issues of the 1980 s. Lincoln–L., 1981. P. 184.
- 146 Ibid. P. 194.
- 147 *Higbee E.C.* Farms and Farmers in an Urban Age. N. Y., 1963. P. 65; *Holt J.S.* Impact of the Industrialization of the Hired Farm Work Force upon the Agrarian Economy // AJAE. 1970. Vol. 52. P. 781.
- 148 Ibid. P. 783.
- 149 *Троценко И.Д.* Капитализм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1984. С. 123–124.
- 150 «Независимый крестьянин или ремесленник раздваивается. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве работника – своим собственным наемным рабочим. Таким образом, как капиталист он уплачивает самому себе заработную плату и извлекает свою прибыль из своего капитала, т.е. эксплуатирует самого себя как наемного рабочего и в виде прибавочной стоимости платит себе самому ту дань, которую вынужден отдавать капиталу. Может быть, он в качестве земельного собственника уплачивает себе еще и некоторую третью часть (ренту)...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 48. С. 57).

- 151 *Paarlberg D.* Farm and Food Policy. Issues of the 1980s. Univ. of Nebraska Press, 1980. P. 194.
- 152 *Ibidem.*
- 153 *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 400.
- 154 *Higbee E.C.* Farms and Farmers in an Urban Age. N. Y., 1963. P. 65.
- 155 *Бородай Ю.М. и др.* Пути аграрного возрождения /Редкол.: Ю.М.Бородай (отв. ред.), В.Ф.Башмачников, И.И.Ершова, С.А.Никольский. М., 1991. С. 44.
- 156 Рассматривая вопрос о том, насколько возможно заменить принцип полезности принципом «величайшего возможного счастья и благоденствия», Бентам пишет об этом последнем: «...отсутствие достаточно ясной связи между идеями счастья и удовольствия, с одной стороны, и идей пользы, с другой, я всегда считал весьма значительной помехой к принятию этого принципа, которое иначе могло бы иметь место» (*Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 9 прим.).
- 157 *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической философии. М., 1998. С. 163.
- 158 *Тейлор Ф.У.* Научная организация труда... С. 4.
- 159 The Changing Economics of Agriculture: Challenge and Preparation for the 1980s. A Staff Studies Prepared for the Use of the Subcommittee on Agriculture and Transportation of the Joint Economic Commission of Congress of the U. S. P. 1.
- 160 *Helman G.* Op. cit. P. 23.
- 161 *Ibid.* P. 24.
- 162 *Paarlberg D.* Who Will Own America's Farms? // *Farmer's Digest.* 1997. Vol. 50. № 8. P. 3.
- 163 *Ibidem.*
- 164 *Helman G.* Op. cit. P. 24.
- 165 *Gulley J.L.* Beliefs and Values in American Farming. Washington (D.C.), 1974.
- 166 *Ibid.* P. 12.
- 167 Сравнительный анализ концепции К.Поппера с другими трактовками «закрытого/открытого общества» см.: *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 170–186.
- 168 «Если мы мечтаем о возврате в прошлое, если нас одолевает соблазн положиться на других и в том обрести свое счастье, если мы откажемся нести свой крест, крест человечности, разума, ответственности, если силы и мужество оставляют нас, то обрести их вновь поможет ясное понимание стоящего перед нами простого выбора. Мы можем вернуться в животное состояние. Но если мы хотим оставаться людьми, тогда перед нами только один путь – путь в открытое общество» (*Popper K.P.* The Open Society and Its Enemies. L., 1957. Vol. 1. P. 175).

- 169 См.: Differential Social Impacts of Rural Resource Development /Ed. by P.D.Elkind-Savatsky. Boulder. Co., 1986.
- 170 *Reif L.L.* Farm Structure, Industry Structure and Socioeconomic Conditions in the United States // *Rural Sociology*. 1997. Vol. 52. № 4. P. 462.
- 171 *Jobes P.C.* The Disintegration of Gemeinschaft Social Structures from Energy Development: Observations from Ranch Communities in the Western United States // *Journal of Rural Studies*. 1987. Vol. 3. № 3. P. 223 (Курсив мой. — *И.М.*).
- 172 *Ibid.* P. 221–222 (Курсив мой. — *И.М.*).
- 173 A Time to Choose: Summary Report on the Structure of Agriculture. Washington (D. C.), 1981. P. 7.
- 174 Rural Development Reorganization Act of 1984. Washington (D. C.), 1984. P. 171.
- 175 *Ibid.* P. 11.
- 176 *Dumont L.* From Mandeville to Marx. The Genesis and Triumph of Economic Ideology. Chicago, 1977.
- 177 Даже умнейший Джон Дьюи, американский «философ № 1», писал в начале прошлого века о том, что *принцип свободы* был принят в качестве основы социальной жизни лишь после того, как общество научилось удовлетворять свои элементарные потребности. Даже для него в дилемме «польза или свобода» онтологически первичной оказалась польза (См.: *Дьюи Д.* Либерализм и социальное действие // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века) /Под ред. М.А.Абрамова. М., 2000. С. 364–365).
- 178 См.: *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001. С. 86.
- 179 *Капустин Б.Г.* Различия и связь между политической и частной моралью // *Вопр. философии*. 2001. № 9. С. 15.
- 180 Там же. С. 16. Ср.: «Так как среди людей имеются такие, которые ради одного наслаждения созерцать свою силу во время завоеваний ведут эти завоевания дальше, чем этого требует безопасность, то и другие, которые в иных случаях были бы рады спокойно жить в обычных условиях, не были бы способны долго сохранять свое существование, если бы не увеличивали свою власть путем завоеваний и ограничились бы только обороной» (*Гоббс Т.* Левиафан. С. 86).
- 181 *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 303–304. См. также: *Marcuse H.* One-dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L., 1964.
- 182 *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 734.
- 183 *Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. L., 1957. Vol. 2. P. 174–175.
- 184 *Ibid.* Vol. 1. P. 172.

- 185 Здесь следует сказать о том, что данный выбор далеко не случаен, за ним – солидная либеральная традиция, давшая жизнь, например, такому понятию, как толерантность.
- 186 *Хаксли О.* О дивный новый мир. М., 1989. С. 324.
- 187 Традиционность образа жизни и образа мыслей земледельца – коль скоро речь идет о фермере современного Запада – реализуется уже не столько как повторение усвоенного от предков, сколько как *практически необходимое* воспроизведение определенных элементов традиции.
- 188 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 378–379.
- 189 См.: *The Life and Selected Writings of Thomas Jefferson.* N. Y., 1944. P. 377.
- 190 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 402.
- 191 *Berry W.* *The Unsettling of America: Culture & Agriculture.* San Francisco, 1978. P. 19–20.
- 192 *Ibidem.* См. также Приложение.
- 193 *Ibid.* P. 20–21.
- 194 *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М., 2000.
- 195 Там же. С. 216–217.
- 196 См.: Там же. С. 217–218, 315.
- 197 *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 497.
- 198 Там же.
- 199 *McGowan J.* *Postmodernism and Its Critics.* Ithaca–L., 1991. P. 13–14.
- 200 *Гельнер (Геллнер) Э.* Гражданское общество в историческом контексте // Междунар. журн. соц. наук. Вып.: Новый взгляд на демократию. 1991. № 2. С. 81. В сущности о том же размышлял в свое время Жан-Жак Руссо: «Дело не в том, чтобы научить меня тому, что есть справедливость; дело в том, чтобы показать, какая польза для меня в том, чтобы быть справедливым. В самом деле, пусть общая воля представляет собой в каждом индивидууме чистый акт рассудка, который при молчании страстей делает заключение о том, что человек может требовать от себе подобного и что тот вправе требовать от него – никто не будет возражать против этого. Но где же найдется такой человек, который смог бы подобным образом отделить себя от себя самого?» (*Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 308–309).
- 201 См.: *Шаниро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. № 4. С. 27–36; № 5. С. 57–8.
- 202 См., например: *Trust: Making and Breaking of Cooperative Relations* /Ed. Diego Gambetta. Oxford, 1988; *Luhmann N.* *Trust and Power.* N. Y., 1979; *Fukuyama F.* *Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity.* N. Y., 1995; *Eisenstadt S.N.* *Power, Trust and Meaning.* Chicago, 1995; *Silver A.* *Friendship and Trust as Moral Ideas: Historical Approach* // *European Journal of*

- Sociology 30. 1989. P. 274–297; *Thomas D.O.* The Duty to Trust // The Aristotelian Society 79. 1978. P. 89–110; *Axelrod R.* Trusting People in Philosophical Perspective // *Ethics* 102. 1992. P. 137–153.
- 203 *Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993. Русский перевод: Патнем Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996.
- 204 Там же. С. 115.
- 205 Там же.
- 206 Работа Патнема явилась продолжением другого известного исследования (*Banfield E.* The Moral Basis of a Backward Society. N. Y., 1967.), продемонстрировавшего на примере городка Монетграно, что в условиях отсутствия семейных кланов гражданские традиции практически отсутствуют.
- 207 *Гельнер (Геллнер) Э.* Гражданское общество в историческом контексте. С. 80–81.
- 208 См.: *Шаниро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // *Полис*. 2001. № 4. С. 27–36; № 5. С. 58.
- 209 *Fukuyama F.* Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y., 1995.
- 210 *Ibid.* P. 26.
- 211 См.: *Coleman J.C.* Foundations of Social Theory. Cambridge (Mass.)—L., 1990.
- 212 См., например: *Levi M.* Social and Unsocial Capital: A Review Essay of Robert Putnam's Making Democracy Work // *Politics and Society*. 1996. Vol. 24. № 1.
- 213 *Патнем Р.* Указ. произведение. С. 207 (Курсив мой. — *И.М.*).
- 214 См.: *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. Supplement 94. № 1–3. P. 95–120.
- 215 Ср.: «Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой обители аскезы; возникнут ли в конце этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы...» (*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 207).
- 216 *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society // Paper presented at the IMF Institute Conference on the Second Generation Reform. November 8–9, 1999. Washington (D.C.), 2000. P. 1–3.
- 217 Речь идет об известной игре Prisoners' Dilemma, смоделированной М.Флудом и М.Дрешером и получившей имя «дилеммы узников» от математика Альберта Таккера. Парадоксальность «игры» заключается в том, что попытки игроков основывать собственную стратегию на рациональном эгоистическом расчете никогда не приносят победы. Оптимальный результат достигим лишь в том случае, если, умудренные опытом предыдущих попыток, игроки изберут «нерациональную» стратегию и, рискуя проиграть, научатся доверять друг другу.

- 218 «social capital», «symbolic credit», «generalized exchange», «decentralized bargaining».
- 219 *Fukuyama F.* Op. cit. P. 13.
- 220 *Селигмен А.* Проблема доверия. М., 2002. С. 90.
- 221 Там же.
- 222 Там же. С. 90–91.
- 223 Эту идею с Селигменом разделяет Никлас Луман (*Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. N. Y., 1993).
- 224 *Селигмен А.* Проблема доверия... С. 191.
- 225 См.: *Turner R.* The Role and the Perso // *American Journal of Sociology* 84. 1978. № 1. P. 1–23.
- 226 *Селигмен А.* Указ. произведение. С. 193 (Курсив мой. — *И.М.*).
- 227 Там же. С. 199–200.
- 228 Там же. С. 201–202.
- 229 *Токвиль А.* Указ произведение. С. 497.
- 230 *Селигмен А.* Указ. произведение. С. 202.
- 231 *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000; см. также: *Putnam R.* America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. № 6 (Jan). P. 65–78.
- 232 *Уолцер М.* О терпимости /Под ред. М.А.Абрамова. М., 2000. С. 115.
- 233 См.: *Appliah K.A.* The Multiculturalist Misunderstanding // *New York Review of Books*. 1997. Oct. 9.
- 234 См.: *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 54–56; в свою очередь Ульрих Бек ссылается на известное исследование Б.Андерсона (см.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001).
- 235 См., например: *Уолцер М.* О терпимости /Под ред. М.А.Абрамова. М., 2000. С. 117 и далее.
- 236 *Dionne E.J.Jr.* Tolerating Our Differences // *Washington Post*. 1997. August 12.
- 237 См.: *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма... С. 60.
- 238 См. Приложение.
- 239 *Оукиот М.* Что значит быть консерватором // *Оукиот М.* Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 67.
- 240 *Капустин Б.Г.* Что такое консерватизм? // *Свободная мысль*. 2004. Т. XXI, № 2 (1540). С. 50.
- 241 Из книги: *Berry W.* The Gift of Good Land. Further Essays Cultural and Agricultural. San Francisco: North Point Press, 1991. Ch. P. 113–124; Ch. 6. P. 104–112.
- 242 Имеется в виду английское слово husbandry (хозяйствование), произошедшее от корня husband (муж). Историческое значение слова husband — хозяин дома. — *Прим. перев.*
- 243 1 акр=0,405 га.

Содержание

Введение. «Великий незнакомец»	3
Глава первая. Политико-философские основания современных аграрных стратегий	19
Проблемы аграрного производства и сельской общности:	
Маркс и западная политико-философская традиция	19
Экономика как «высшая точка индивидуализма»	38
Глава вторая. Аграрная сфера как часть современного общества	51
Аграрный вопрос в США: «экономический человек» versus «фермерство как образ жизни»	51
«Фермерство – это не бизнес, а образ жизни»: неистребимая специфика аграрного труда	81
Глава третья. «Традиционализм» аграриев и вызовы демократической политике	87
Политический дебют «Великого незнакомца»	87
О «диалогически-партнерских» отношениях с прошлым	94
Ностальгия по фермерству: симптоматика «нового деспотизма»?	104
Заключение	125
Приложение	128
Венделл Берри. Аграрные решения аграрных проблем	128
Техника на конной тяге и теория трудосбережения	141
Литература	152
Примечания	159

Научное издание

Мюрберг Ирина Игоревна
Аграрная сфера и политика трансформации

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 06.07.06.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 8,23. Тираж 500 экз. Заказ № 019.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14

Издания 2005 года

- 1. Аристотель. Евдемова этика /РАН. Ин-т философии; Изд. подгот. М.А.Солопова. — М., 2005. — 448 с.**

Настоящее издание впервые представляет перевод «Евдемовой этики» на русский язык, греческий текст и комментарии. Текст этики публикуется вместе с тремя обычно опускаемыми в издательской практике т.н. «средними книгами», общими для «Евдемовой» и «Никомаховой» этик.
- 2. Бескова И.А. Природа сновидений: (эпистемологический анализ) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 239 с.**

В книге прослеживаются особенности отношения к сновидениям, сложившиеся в разные исторические эпохи в разных сообществах, включая традиционные примитивные культуры.
- 3. Диалог цивилизаций. Повестка дня /РАН. Ин-т философии; Горбачев-Фонд; Сост. и общ. ред. В.И.Толстых. — М., 2005. — 145 с.**

Предлагаемая читателю книга «Диалог цивилизаций. Повестка дня» подводит итоги совместного исследования Института философии РАН и Горбачев-Фонда и является своего рода российским откликом на тему и проблему общемирового уровня и значения.
- 4. Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 188 с. — ISBN 5-9540-0028-X.**

Монография посвящена творчеству одного из видных русских теоретиков права к. XIX — н. XX вв. Павлу Ивановичу Новгородцеву.
- 5. Коллаж–5 /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Сыродеева. — М., 2005. — 145 с.**

Пятый выпуск серии «Коллаж» посвящен феномену *другого*, снова и снова напоминающему о себе на повседневном уровне в виде вопросов и проблем политического, исторического и культурного, межличностного характера.
- 6. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов; Изд. подгот. В.М. Яковлев. — М., 2005. — 404 с.**

Инициатором обращения к древней китайской мысли в ново-европейской философии был Лейбниц. Об этом свидетельствует публикуемая переписка Лейбница с христианскими миссионерами в Китае.
- 7. Меркулов И.П. Когнитивные способности /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 182 с.**

В книге с позиций эволюционно-информационной эпистемологии исследуются общие характеристики человеческого познания и когнитивные способности — восприятие, мышление, сознание и память.

8. **Методология науки: статус и программы /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. — М., 2005. — 295 с.**

Сборник — результат работы семинара Центра методологии и этики науки в 2002—2004 гг. В нем продолжается изучение различных программ и проблем философии науки, которое начато в сборнике «Методология науки: проблемы и история» (М., ИФ РАН, 2003). В приложении, завершающем сборник, печатаются перевод фрагментов из трактата Иоанна Солсберийского «Металогик». Сборник представляет интерес для историков науки, философов, для всех интересующихся методологическими проблемами научного знания.

9. **Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: (интеллектуальная биография) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 246 с.**

Монография является опытом комплексного анализа философии Ф.Ницше. Философия немецкого мыслителя рассматривается как «авансцена», за которой скрыты сложные мотивы, сочетающие в себе личностные и патографические характеристики.

10. **Наука и искусство /РАН. Ин-т философии; Общ. ред. А.Н.Павленко. — М., 2005. — 206 с.**

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает работы, посвященные анализу взаимоотношения науки и искусства в творчестве Николая Орема, Князя Вл.Ф.Одоевского, Велимира Хлебникова, Вернера Гейзенберга, В.С.Библера и Ж.Делеза.

11. **Противоречие и дискурс /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. — М., 2005. — 184 с.**

Проблема противоречия представлена во множестве аспектов: методологическом, когнитивном, лингвистическом.

В очерке предпринят анализ работ теоретика контркультуры Т.Розака, его философско-интуитивистские, антитех-нистские и антитехнократические идеи, идеи «экологического персонализма», как и религиозно-мистические мотивы, присущие контркультуре.

17. **Сухов А.Д. Материалистическая традиция в русской философии /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 260 с.**

В книге показано, что материализм, как особое направление в русской философии, имеет собственную историю.

18. **Федорова М.М. Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 190 с.**

В монографии анализируются три главные просвещенческие идеи, представляющие особое значение для развития политической философии: Индивид, Разум, Прогресс — и их трансформации в политической мысли Франции XIX в.